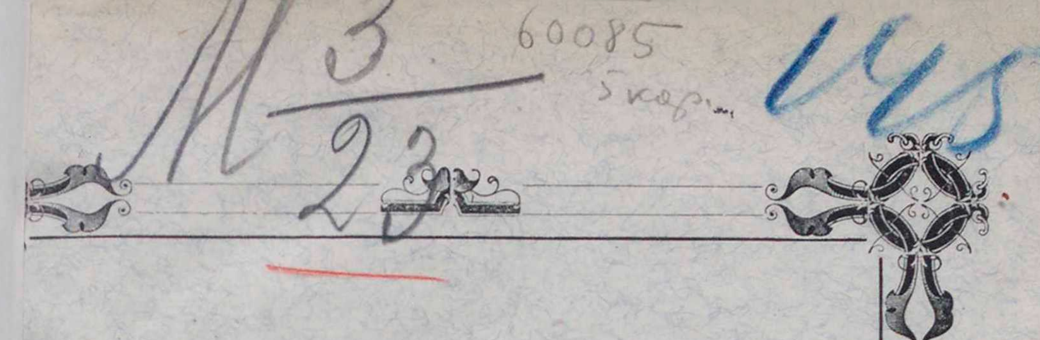


КУРСКІЙ СБОРНИКЪ.

ИЗДАНІЕ КУРСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Комитета Н. И. Златоверховникова.

ВЫПУСКЪ IV.

МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ КУРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Приготовилъ къ печати

В. И. РѢЗАНОВЪ.

КУРСКЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1903.

КУРСКІЙ СБОРНИКЪ.

ИЗДАНІЕ КУРСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Комитета Н. И. Златоверховникова.

ВЫПУСКЪ IV.

МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ КУРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Приготовилъ къ печати

В. И. РѢЗАНОВЪ.

КУРСКЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1903.

КУРСКІЙ СБОРНИКЪ

Изданіе Курскаго Губернскаго Статистическаго Комитета

ВЫПУСКЪ [illegible]

МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ

КУРСКОЙ ГУБЕРНІИ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

[illegible]

[illegible]

6

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	200 г. 14
		1903 в. 4				13	3/76	

КУРСКІЙ СБОРНИКЪ.

Изданіе Курскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

ВЫПУСКЪ IV.

МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ КУРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Приготовилъ къ печати

В. И. РѢЗАНОВЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

СБОРНИКИ А. С. МАШКИНА.

КУРСКЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1903.

Печатано по постановленію Курскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

Бумаги А. С. Машкина.

Настоящее изданіе составляетъ продолженіе „Матеріаловъ по этнографіи Курской губерніи“, напечатанныхъ въ III выпускѣ *Курскаго Сборника.* Въ названномъ выпускѣ (предисловіе, стр. IX—XI) представленъ былъ перечень работъ обоянскаго этнографа Алексѣя Степановича Машкина, сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ самомъ, и изданъ составленный имъ сборникъ народныхъ свадебныхъ и хороводныхъ пѣсенъ (ч. I, стр. 1—69). Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ „желая отличить многополезную для русской науки дѣятельность“ г. Машкина, постановило выдать ему золотую Пушкинскую медаль (Сообщеніе г. Предсѣдательствующаго Отдѣленія отъ 13 ноября 1902 г. за № 632).

Въ настоящее время бумаги А. С. Машкина поступили въ Курскій Губернскій Статистическій Комитетъ, разобраны, и пишущій эти строки предлагаетъ свое о нихъ сообщеніе.

Бумаги эти—черновые оригиналы большей части этнографическихъ работъ г. Машкина, переписка, касающаяся сношеній его съ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, куда направлялъ г. Машкинъ бѣловыя копіи своихъ работъ, и, наконецъ, переписка съ княземъ Н. Н. Голицынымъ, бывшимъ помощникомъ предсѣдателя Кур. Губ. Статистич. Комитета, обнимающая промежутокъ времени отъ 25 сентября 1860 г. по 24 ноября 1863 г.

Переписка съ Географическимъ Обществомъ интересна въ томъ отношеніи, что даетъ возможность установить время составленія г. Машкинымъ его этнографическихъ записей и сборниковъ.

Изъ копіи сообщенія директора народныхъ училищъ Курской губерніи (Д. Г. Жаворонкова), отъ 23 марта 1854 г. за № 413, на имя штатнаго смотрителя Обоянскаго уѣзднаго училища, видно, что въ началѣ этого года А. С. Машкинъ, служившій тогда учителемъ Обоянскаго приходскаго училища, представилъ при посредствѣ своего начальства въ Совѣтъ Географическаго Общества двѣ статьи: 1) Этнографическое описаніе Обоянскаго уѣзда и 2) свѣдѣнія о толкахъ раскольниковъ г. Обояни и его уѣзда. Это были, повидимому, первыя, самыя раннія работы г. Машкина. Черновыхъ оригиналовъ ихъ не сохранилось. Въ имѣющемся между бумагами черновомъ письмѣ г. Машкина къ князю Н. Н. Голицыну, отъ 15 декабря 1860 г., упомянуто, что статья о толкахъ раскольниковъ „большею частью заключаетъ въ себѣ выписки изъ раскольническихъ рукописныхъ книгъ“. Бѣловая копія этой статьи, вѣроятно, сохранилась въ архивѣ Географическаго Общества.

Въ 1854 году г. Машкинъ, какъ видно изъ сохранившейся въ его бумагахъ копіи отношенія директора народныхъ училищъ Курской губерніи, отъ 17 августа 1754 г. за № 1219, на имя смотрителя Обоян. уѣзд. училища,—представилъ черезъ смотрителя директору сборникъ мѣстныхъ словъ, употребляющихся въ Обоянскомъ уѣздѣ (1250 словъ); рукопись была передана на разсмотрѣніе старшему учителю русской словесности въ Курской гимназіи, Назарову, который нашелъ, что въ словарѣ г. Машкина „заключается значительное количество словъ, могущихъ служить къ восполненію Опыта областного Великорусскаго словаря, изд. II отд. Императорской Академіи Наукъ въ 1852 г.; но, чтобы онъ вполнѣ удовлетво-

рялъ этой цѣли, для этого нужна другая редакція сборника, и именно: взявъ въ основу изданный Академіею Опытъ обл. Великор. словаря и держась его правописанія, а народный выговоръ помѣщая въ скобкахъ, авторъ долженъ обратить вниманіе на тѣ слова, которыхъ или вовсе не находится въ Опытѣ, какъ напр. *Огибало* въ смыслѣ льстецъ, *окрыситься, окомелокъ, аспосъ, белебенить, благоумный* и т. под., или же находятся, но съ инымъ значеніемъ, какъ напр. *объденный*—по Опыту: „вседневный, будничный"—по сборнику: сдѣланный въ одинъ день; *осурочить*—по Опыту: осудить—по сборнику: сглазить. При этомъ слѣдуетъ строго отдѣлить слова ясно малороссійскія и общеупотребительныя отъ словъ, составляющихъ особенность Обоянской рѣчи". Директоръ нар. училищъ отослалъ словарь г. Машкина въ Географическое Общество для передачи въ этнографическое его отдѣленіе и въ то же время предложилъ г. Машкину „обработать свой сборникъ по замѣчаніямъ г. Назарова, чтобы потомъ въ новомъ видѣ передать оный въ отдѣленіе русскаго языка Императорской Академіи Наукъ". А. С. Машкинъ поспѣшилъ исполнить предложеніе директора и 11 ноября 1854 г. (см. черновой рапортъ, имѣющійся въ бумагахъ) представилъ ему словарь въ переработанномъ видѣ, „со включеніемъ въ него значительнаго количества словъ вновь собранныхъ". Всего набралось 1218 словъ. Словарь тогда же былъ отправленъ въ Академію Наукъ.

Собираніе мѣстныхъ словъ на этомъ не остановилось, и 26 октября 1859 года (см. черновое препроводительное письмо, сохранившееся въ бумагахъ) А. С. Машкинъ отправилъ въ Географическое Общество дополненіе къ своему словарю, „заключающее въ себѣ до 2650 мѣстныхъ простонародныхъ словъ"; увѣдомленіе Географ. Общества о полученіи рукописи, отъ 18 февраля 1860 г. за № 200, сохранилось въ бумагахъ г. Машкина.

Дополненіе было составлено г. Машкинымъ и для Академіи Наукъ; въ этотъ дополнительный словарь вошло 462 слова.

Черновые оригиналы словарей сохранились въ бумагахъ А. С. Машкина. Словарь, переданный въ Географическое Общество, обнимаетъ 36 листовъ; на оборотѣ перваго листа читается такое замѣчаніе:

Объясненіе условныхъ знаковъ.

„Буква и въ нѣкоторыхъ словахъ, въ здѣшней мѣстности, произно„сится какъ бы предшествуемая буквою й; для выраженія этого звука по„ставленъ надъ нею слѣдующій надстрочный знакъ: *) „напр.: *и*го, *и*мъ, „*и*хъ, *и*газа, *и*дренай и проч.

„Когда буква е произносится какъ іо или ё, то она изображалась въ „слѣдующемъ видѣ: напр.: ёнъ, ёрникъ, ёжытца и проч.".

Дополненіе къ этому словарю обнимаетъ 66 листовъ; обработка словаря для Академіи—39 листовъ; дополненіе къ этой обработкѣ—двѣ тетради въ четвертку—одна въ 26, другая въ 34 листа.

По собственному отзыву А. С. Машкина, сдѣланному въ письмѣ его къ князю Голицыну, отъ 15 декабря 1860 г., этотъ словарь есть „плодъ многолѣтнихъ наблюденій надъ здѣшнимъ языкомъ, и потому не долженъ въ себѣ заключать тѣхъ недостатковъ, которые-бы могли произойти отъ недостаточнаго знанія мѣстнаго языка". Князь Голицынъ, которому г. Машкинъ передалъ свой словарь, посылалъ его В. И. Далю, прося показать и А. Н. Аѳанасьеву. Въ бумагахъ г. Машкина сохранилась копія письма Даля къ князю Голицыну, которое заключаетъ въ себѣ весьма

*) Рожки, въ родѣ чешскаго діакритическаго значка; такъ какъ типографія не располагаетъ этимъ значкомъ, то буква И подъ этимъ знакомъ передается курсивнымъ *и*. В. Р.

любопытный отзывъ о словарѣ г. Машкина, а вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что словарь этотъ былъ въ свое время использованъ Далемъ для его „Словаря живого великорусскаго языка“. Вотъ это письмо Даля, полученное кн. Голицынымъ, какъ гласитъ помѣта, 1861 г. января 26:

„Милостивый Государь, князь Николай Николаевичъ! Хоть и некогда, а отвѣчать на привѣтъ Вамъ надо. Вы требуете моего мнѣнія о присланномъ словарѣ (А. С. Машкина). Коли у Васъ есть такіе сотрудники, то какъ же Вы могли желать отъ меня статьи о курскомъ говорѣ? Вѣдь такихъ подробностей я бы Вамъ никакъ не могъ доставить, а грамматич. замѣчанія доказываютъ и знаніе, и любовь къ предмету. Объ нихъ кромѣ похвалы, ничего сказать не могу *). О словарѣ, если Вамъ угодно непремѣнно знать мой взглядъ, скажу вотъ что: Издатели Областного словаря, т.-е. Академія, показала весьма дурной примѣръ, сваливъ въ кучу и напечатавъ, безъ малѣйшаго разбора, все, что ей доставлено было сотнями собирателей, изо всѣхъ мѣстъ Руси. Подобрать готовыя слова подъ азбучный порядокъ (и надѣлать даже въ этомъ, по нечеткости рукописей и опискамъ, множество грубыхъ ошибокъ), это еще не есть задача для Академіи; надобно было понять и осмыслить каждое слово и рѣчь, безъ того мы читаемъ по-китайски и словарь не служитъ къ расширенію нашихъ знаній и понятій о языкѣ, такъ точно, какъ самый разговорчивый попугай, сколько-бы словъ онъ ни зналъ, не подвинетъ впередъ языковѣдѣнія. Вотъ почему словарь, гдѣ слова вписаны безъ всякаго правописанія, звукоподражательно, трудъ кривого направленія. Вѣдь мы не пишемъ же по на́слуху, какъ сами говоримъ; въ рѣчи нашей, на письмѣ, всегда долженъ сохраняться смыслъ и связь цѣлаго, и я долженъ понимать каждое слово, то есть не добираясь пожалуй до загадочнаго корня, включать однако же каждое слово въ семью однородныхъ; иначе это будетъ для меня не родное слово, а китайскій звукъ. Уклоненія говора, произношенія, могу я показать примѣрами, общими правилами (какъ у Васъ и сдѣлано въ приложеніи); но словарь долженъ слѣдовать общему правописанію. Угодно, такъ ставьте двѣ буквы одну надъ другою, для указанія произношенія; но писать цѣлый словарь дзеканья, чаканья, чавканья, яканья и проч.—это, кажется, ни къ чему. Могу ли я понять что нибудь, читая: *выватчія*, *выжырки*, *вы́звалить* и проч.? а написавъ: *выводчея*, понимаю сразу, что это женщина, выводящая кого или что; *вы́жарки*, *вы́жерки*, *вы́жирки*—остатки отъ жару или жиру: *вы́зволить*—не отъ глагола вали́ть, какъ иному покажется при Вашемъ правописаніи, а отъ глагола во́лить, воля и проч. Есть и прямой произволъ въ правописаніи: *драчь* муж. рода—конечно *драчъ; дрибидкнить*—безъ сомнѣнія дребеде́нить, а ѣ здѣсь не у мѣста. Мало того: *жырёха* объяснено: дѣйствіе сѣченія и дородная баба. Прошу тутъ добиться до смысла! Это два слова отъ двухъ различныхъ корней, произносимыхъ въ говорѣ сходно: *жорёха* отъ *жорить*—сѣченіе; *жирёха* отъ *жиръ*—толстуха. Таковъ весь словарь. Для меня это не уменьшаетъ цѣны его; но думаю, что надо бы вообще держаться въ этомъ дѣлѣ другихъ началъ, общепонятныхъ и общеполезныхъ.—Считывая словарь г. Машкина, мастера своего дѣла, со своимъ словаремъ, я убѣждаюсь, что трудъ его былъ уже у меня въ рукахъ; вѣроятно онъ доставлялъ прежде свѣдѣнія Географич. Обществу, либо Академіи. За всѣмъ тѣмъ онъ послужилъ мнѣ къ объясненію нѣсколькихъ словъ, записанныхъ въ дру-

---

*) Рѣчь идетъ о статьѣ г. Машкина „Объ особенностяхъ Обоянскаго простонароднаго нарѣчія“, о которой см. ниже, и которая также была сообщена кн. Голицынымъ Далю для разсмотрѣнія (письмо кн. Голицына къ г. Машкину отъ 20 декабря 1860 г., имѣющееся въ бумагахъ).

гихъ губерніяхъ (Орлов., Рязан., Пенз., Тамб.), по тамошнему говору, и искаженныхъ на иной ладъ. При сводкѣ правда выходила наружу, какъ въ очной ставкѣ.—Постараюсь отыскать г. Аѳанасьева и переслать ему рукопись. Что онъ съ нею будетъ дѣлать, этого не знаю. Кажется онъ этимъ дѣломъ не занимается. *Вашъ В. Даль.* Покорно прошу сказать отъ меня г. Машкину душевный привѣтъ".

Въ 1855 г. г. Машкинымъ продолжали доставляться въ Географ. Общество этнографическіе матеріалы: при рапортѣ „смотрителю" отъ 18 мая 1855 г. былъ представленъ имъ „составленный для Общества сборникъ пословицъ и поговорокъ, употребляемыхъ въ г. Обояни и уѣздѣ его, заключающій въ себѣ 940 народныхъ изреченій, съ объясненіями ихъ значеній". Черновой оригиналъ сборника, въ четвертку, обнимаетъ 63 листа. На оборотѣ перваго листа читается такое замѣчаніе: „Слѣдуя программѣ Имп. Русс. Геогр. Общества, при составленіи сборника я держался однажды избраннаго мною правописанія, строго сохраняя народный выговоръ; также для выраженія разныхъ оттѣнковъ звуковъ народной рѣчи приняты тѣ же самые условные знаки, которымъ подробное указаніе приложено мною въ моемъ сборникѣ мѣстныхъ словъ. Нѣкоторыя изъ пословицъ и поговорокъ оставлены мною безъ объясненія ихъ значенія или потому, что по всеобщему употребленію значеніе ихъ извѣстно, или по буквальному смыслу онѣ не требовали объясненій". Сборникъ въ настоящее время цѣликомъ издается *).

При рапортѣ отъ 28 ноября 1855 г. А. С. Машкинъ представилъ своему начальству для пересылки въ Геогр. Общество сборникъ свадебныхъ и хороводныхъ пѣсенъ. Позднѣе, въ 1862 году этотъ сборникъ въ дополненномъ видѣ былъ переданъ, вмѣстѣ съ тремя другими работами (статьей „Объ особенностяхъ Обоянскаго простонароднаго нарѣчія", „мѣстнымъ словаремъ" и статьею „Обычаи и обряды, соблюдаемые въ г. Обояни",—какъ видно изъ сохранившагося въ бумагахъ А. С. Машкина черного сообщенія его въ Географическое Общество, отъ 25 іюня 1862 г.), князю Н. Н. Голицыну для помѣщенія въ проектировавшемся тогда „Курскомъ Сборникѣ"; изданіе это въ то время не состоялось, **) и рукопись г. Машкина пролежала до 1902 года, когда и была напечатана въ III выпускѣ „Курскаго Сборника", Курскъ. 1902, стр. 1—69. Черновой оригиналъ сборника пѣсенъ обнимаетъ 41 листъ. О бѣловой копіи см. „Курск. Сбор.", вып. III, предисл., стр. X. Въ письмѣ къ кн. Голицыну отъ 12 января 1861 г. А. С. Машкинъ отмѣчаетъ: „Записывая ихъ (пѣсни) со всевозможною точностію, я ни въ какомъ случаѣ не позволялъ себѣ ни малѣйшей въ нихъ передѣлки, и скорѣе оставлялъ незаписанными тѣ изъ нихъ, которыя представлялись мнѣ слишкомъ искаженными и безсмысленными, нежели подвергалъ ихъ какому либо измѣненію".

Въ 1856 году А. С. Машкинъ былъ избранъ членомъ-сотрудникомъ Географическаго Общества (см. отношеніе Общества, отъ 10 іюля 1856 г., за № 894), и составилъ и переслалъ въ Общество: 1) сборникъ загадокъ, записанныхъ въ г. Обояни и его уѣздѣ и 2) статью объ особенностяхъ

---

*) Буква И подъ знакомъ передается курсивнымъ *и*.

**) Кн. Голицынъ въ письмѣ къ А. С. Машкину отъ 9 декабря 1860 г. сообщаетъ, что въ «Сборникѣ» своими произведеніями, между прочимъ, участвуютъ: И. К. Бабстъ, М. С. Щепкинъ, Н. М. Костомаровъ, А. М. Аѳанасьевъ, П. М. Кеппенъ, Г. Н. Геннади, М. Н. Лонгиновъ, С. П. Шевыревъ, П. И. Пекарскій и проч. Въ письмѣ же, отъ 9 апрѣля 1862 г., кн. Голицынъ сообщаетъ Машкину: «Изданіе мое *Курскій Сборникъ* нынѣ преобразовалось, а именно—при избраніи меня 1 декабря прошлаго года Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ помощникомъ его Предсѣдателя, я предложилъ собранные мною матеріалы для своего изданія—Комитету для первыхъ выпусковъ «Трудовъ» его».

обоянскаго простонароднаго нарѣчія (см. сообщеніе А. С. Машкина въ Совѣтъ Геогр. Общества, отъ 17 января 1857 г.).

Эта послѣдняя статья съ нѣкоторыми дополненіями позднѣе была передана, какъ выше сказано, князю Н. Н. Голицыну для помѣщенія въ „Курскомъ Сборникѣ"; появилась она въ первомъ выпускѣ „Трудовъ Курскаго Губ. Статистич. Комитета", Курскъ 1863, стр. 543—557. При этомъ вкралось достаточное количество опечатокъ; списокъ ихъ г. Машкинъ прислалъ при письмѣ своемъ къ Н. Н. Голицыну, отъ 24 ноября 1863 года, и просилъ напечатать во второмъ выпускѣ „Трудовъ" Комитета. Просьба эта не была исполнена, и потому я нахожу небезполезнымъ привести здѣсь составленный г. Машкинымъ списокъ опечатокъ.

Стр.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
544	6—7	цыкорной	цыкорнай
—	16	тойкёмъ	тайкёмъ
—	25	каротинькую	каротинькію вм. коротенькую
545	1	вмѣстя	вмѣстѣ
—	8	2. Буква з, с,	2. Буквы з, с,
—	11	жжалси	жжальси
545	12	съ жолчью;	вм. съ жолчью;
—	14	и съ чѣмъ	шъ чѣмъ
—	28	согласными б, и	согласными б, п
—	34	вм. хвальшивый,	вм. фальшивый,
546	6	кладбиша	кладбишша
—	28	вм. бирешъ	вм. берёшъ
547	5	рамно, рамній	дамно, дамній
—	6	дамно,	давно,
—	16	слобода	слабода
—	18	буквою И	буквою Л
548	12	увадя	у вадя
—	15	у воконя	у выконя
549	20	молкасосъ	малкасосъ
—	21	жавярнакъ	жаварнакъ
—	28	корапъ	карапъ
—	33	вм. флигиль	вм. флигель
—	33—34	хвибриканта	хвабриканша
—	36	пригоршми	пригоршни
550	16	Адинатцàть	Адинàтцать
551	23	Рàда	Радà
—	37	чатырнатцàтай	чатырнàтцатай.
552	13	предлогомъ,	предлогамъ.
554	37	вм. шелухи	вм. шелухѣ.
555	2	согласная	согласныя
—	4	платьѣ	платѣ
—	7	на ба, во,	на ба, ва,
—	10—11	у дамя вм. у дамѣ,	а дамя вм. о дамѣ,
—	12—13	у Мархы вм. у Марфѣ	при Мархвя вм. при Марфѣ
—	20	у тёшшы вм. у тещи,	а тёшшы вм. о тещѣ
556	21	себя	себѣ.

Статья объ особенностяхъ Обоянскаго нарѣчія сохранилась въ черновомъ оригиналѣ между бумагами А. С. Машкина, на 15 листахъ; здѣсь же и черновой рапортъ на имя штатнаго смотрителя Обоянскаго уѣзднаго учи-

лица, съ датой „ноября дня 1856 года“: г. Машкинъ въ этомъ рапортѣ просилъ переслать его статью въ Географич. Общество.

Что касается сборника загадокъ, то онъ до сихъ поръ не напечатанъ. Черновой оригиналъ, имѣющійся между бумагами, заключаетъ въ себѣ 135 №№ загадокъ; здѣсь же и черновой рапортъ „Смотрителю“, отъ 1 мая 1856 г., съ просьбой передать сборникъ въ Этнографическое Отдѣленіе Географическаго Общества. Ниже все это маленькое собраніе загадокъ издается.

Къ 1857 году относится составленіе А. С. Машкинымъ: 1) сборника: „Образцы простонародныхъ разговоровъ въ городѣ Обояни и его уѣздѣ“ и 2) статьи „Обычаи и обряды, соблюдаемые въ городѣ Обояни“ (см. сообщеніе г. Машкина въ Совѣтъ Географич. Общества).

Судьба послѣдней статьи та же, что и статьи объ особенностяхъ Обоянскаго нарѣчія: переданная князю Н. Н. Голицыну, она была напечатана въ первомъ выпускѣ „Трудовъ Кур. Губ. Ст. Комитета“, стр. 484—505, и также съ опечатками, списокъ которыхъ былъ составленъ г. Машкинымъ тогда же, въ 1863 г., но напечатанъ не былъ. Вотъ эти опечатки:

Стр.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
489	12	Хоть цѣловалъ, миловалъ	Хоть цѣловалъ, хоть миловалъ
—	30	проводятъ время одни въ домѣ невѣсты и до самаго	проводятъ время одни: въ домѣ невѣсты до самаго
492	13	галубушку	гȁлушку
494	25	сватъ	свата
501	11	ежедневномъ	ежедневно
503	12	„Что Господь даетъ“,	„Что Господь дастъ“,
—	22	Нарону	Марону.
504	18	уголькомъ	льномъ.

Бѣловая копія этой статьи отослана была въ Геогр. Общество (препроводительная бумага г. Машкина отъ 12 сентября 1857 г., увѣдомленіе Вице-Предсѣдателя Геогр. Общества о полученіи рукописи отъ 21 октября того же года, за № 1265). Сохранившійся въ бумагахъ г. Машкина черновой оригиналъ, на 12 листахъ, имѣетъ приписанную въ концѣ другими чернилами и не вошедшую въ напечатанный текстъ замѣтку, касающуюся обычаевъ именинныхъ:

„Имениннику уши дерутъ, чтобы великъ росъ.

„Печь разбивать, если не испечетъ „именинника“ (пирога).

„На головѣ (именинника) пирогъ ломаютъ.

„Смотрятъ, какого цвѣта бываетъ волокно въ „именинникѣ“ (пирогѣ), „по тому заключаютъ, что такого цвѣта лошади будутъ идти ему въ руку“.

Образцы простонародныхъ разговоровъ были посланы въ Геогр. Общество въ маѣ 1857 г. (препроводительная бумага; увѣдомленіе Общества о полученіи рукописи—отъ 16 сентября № 1060). Сборникъ остался ненапечатаннымъ. Черновой экземпляръ на 13 листахъ.

Содержаніе этихъ разговоровъ вводитъ въ самую середину жизни мѣстныхъ обывателей съ ея будничными интересами и заботами. Разговоры записаны съ соблюденіемъ всѣхъ оттѣнковъ мѣстнаго говора; приложены объясненія мѣстныхъ словъ. Всего въ сборникъ вошло 9 №№. Въ настоящее время онъ издается.

Въ 1858 году А. С. Машкинъ составилъ сборники: 1) „Примѣты и предразсудки обоянскихъ простолюдиновъ“ и 2) „Толкованія сновъ, записанныя въ Обоянскомъ уѣздѣ“; къ этому же году относится археологическій опытъ: Описаніе горы Городища, находящейся въ Корочанскомъ уѣздѣ (см. сообщеніе г. Машкина въ Совѣтъ Геогр. Общества отъ 23 ноября

1858 г.). Описаніе это было отослано въ Императорское Археологическое Общество, посылалось и въ редакцію Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, но въ то время напечатано не было. Эта небольшая археологическая замѣтка, занимающая въ черновомъ оригиналѣ всего двѣ страницы листа писчей бумаги, была мною издана въ 1902 г. (Курскія Губ. Вѣдомости, № 116).

„Толкованія сновъ“ были извлечены изъ архива Географическаго Общества проф. Колосовымъ и изданы въ Русс. Филол. Вѣстникѣ 1879 г. № 2. Въ бумагахъ г. Машкина имѣется черновой экземпляръ на 6 листахъ; онъ полнѣе печатнаго текста и даетъ возможность сдѣлать такія поправки и дополненія:

Лукъ (растеніе) во снѣ видѣть означаетъ слезы.

Огонь во снѣ видѣть—значить получить непріятное извѣстіе (у Колосова: *невѣрное* извѣстіе).

Плетень плесть во снѣ значитъ участвовать въ сплетняхъ (у Колосова: въ событіяхъ).

Дополненія:

Бороду имѣть во снѣ—знакъ счастія и чести.

Туманъ во снѣ видѣть предвѣщаетъ непріятность.

Цѣловаться во снѣ предвѣщаетъ лихорадку.

Читать во снѣ предвѣщаетъ удовольствіе.

Шалить во снѣ значитъ слышать или имѣть непріятный разговоръ.

Шапку подавать во снѣ предвѣщаетъ бѣду, напасть.

Шубу видѣть или надѣвать во снѣ значитъ слышать шумъ или имѣть неудовольствіе.

Шумъ слышать означаетъ непріятный разговоръ.

Ѣсть сладкое во снѣ предвѣщаетъ удовольствіе.

Ѣхать въ суднѣ по водѣ предвѣщаетъ смерть.

Яблоки во снѣ видѣть предвѣщаетъ корысть.

Ягнятъ во снѣ видѣть означаетъ прибытокъ.

Ягоды во снѣ видѣть предвѣщаетъ слезы.

Яйца во снѣ видѣть предвѣщаетъ полученіе денегъ.

Ярмарку во снѣ видѣть предвѣщаетъ хлопоты.

„Примѣты и предразсудки Обоянскихъ простолюдиновъ“—на 8 листахъ. Сборникъ этотъ цѣликомъ издается въ настоящемъ выпускѣ „Курскаго Сборника“.

При отношеніи Геогр. Общества отъ 7 января 1860 г., за № 26 (сохранившемся въ бумагахъ) А. С. Машкину была препровождена серебряная медаль, присужденная ему Обществомъ „за собираніе пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, поговорокъ и т. п.“.

При письмѣ отъ 13 октября 1861 г. (черновой оригиналъ сохранился) А. С. Машкинъ отправилъ въ Геогр. Общество статью „Бытъ крестьянъ Курской губерніи, Обоянскаго уѣзда“; за эту статью ему была присуждена серебряная медаль (см. Отношеніе Геогр. Общества отъ 16 декабря 1861 г., № 1086, и черновой оригиналъ письма А. С. Машкина на имя Вице-Предсѣдателя Общества отъ 11 января 1862 г.); статья была напечатана въ V книгѣ „Этнографическаго Сборника“, изд. Геогр. Обществомъ, Спб. 1862, стр. 1—119. Черновой оригиналъ, сохранившійся въ бумагахъ А. С. Машкина, обнимаетъ 61 листъ.

При письмѣ, отъ 10 октября 1863 года, А. С. Машкинъ отправилъ въ Геогр. Общество рукопись, содержащую „Сказки, разсказы, анекдоты, прибаутки и дѣтскія пѣсенки, записанныя въ г. Обояни и его уѣздѣ“. Увѣдомленіемъ Общества о полученіи этой рукописи оканчивается переписка А. С. Машкина съ Географическимъ Обществомъ.

Черновой экземпляръ этого послѣдняго сборника обнимаетъ 38 листовъ; онъ заключаетъ въ себѣ 13 сказокъ, 15 анекдотовъ, 6 прибаутокъ, 12 дѣтскихъ пѣсенокъ. Это послѣднiй по времени изъ сборниковъ г. Машкина. Издается въ настоящемъ выпускѣ „Курскаго Сборника“.

Переписка А. С. Машкина съ кн. Голицынымъ использована мной на предыдущихъ страницахъ. Я не коснулся до сихъ поръ только одной части ея—одного вопроса, которымъ интересовались и тотъ и другой корреспондентъ: дiалектологическаго вопроса о существительныхъ и прилагательныхъ средняго рода въ мѣстномъ простонародномъ говорѣ. Вопросъ этотъ былъ поднятъ издателемъ воронежскихъ „Филологическихъ Записокъ“ А. А. Хованскимъ, сначала въ письмѣ къ кн. Голицыну, а затѣмъ въ статьѣ: *О среднемъ родѣ (утрата его) въ народномъ говорѣ Воронежской губернiи* (Филол. Записки 18$\frac{60}{61}$ г., выпускъ IV). Кн. Голицынъ привлекъ къ обсужденiю этого вопроса А. С. Машкина, который и высказался въ письмѣ, относящемся къ самому началу 1860 года:

„Если основываться на приведенныхъ только имъ (Хованскимъ) примѣрахъ о признакахъ утраты средняго рода въ Воронежскомъ говорѣ, то можно согласиться съ нимъ, что эта утрата—мнимая: подобныя уклоненiя свойственны также всему нашему Курскому говору. Здѣсь видна одна особенность мѣстнаго произношенiя, состоящая въ нелюбви къ звукамъ *е*, *о*, которые тогда только удерживаютъ свой нормальный звукъ, когда имѣютъ надъ собой ударенiе; безъ ударенiя же они переходятъ въ звуки *я*, *а*. И нашъ крестьянинъ скажетъ:

Калясо изламалась,
Лицо исцарапана,
Проса высокая,
Поля бальшоя,
Вядро полна воды,
Сонца закатилась,
Пяро гусиная,
Зеркала старая и проч.

Но если ударенiе перенести на окончанiе средняго рода, тогда форма средняго рода не измѣнится; напр.:

Калясо пришло́сь па аси,
Лицо надуло́сь,
Проса высако́,
Чьё поля,
Вядро налило́сь вадою,
Сонца узашло́,
Маё пяро нашло́сь,
Зеркала тваё.

Дѣло же въ томъ, что на границѣ Воронежскаго и Курскаго говора дѣйствительно можно предположить отсутствiе средняго рода. Не даромъ замѣтилъ это В. И. Даль. Еще недавно мнѣ случилось говорить съ крестьяниномъ Новооскольскаго уѣзда деревни Оскольской, въ говорѣ котораго нѣтъ средняго рода. Вотъ его выраженiя:

Мая ружьё,
Твая письмо,
Чья палатенца
Адна акно и т. п.

Тутъ уже и ударенiе не удерживаетъ окончанiя средняго рода“.

Въ письмѣ къ кн. Голицыну, отъ 8 февраля 1861 года г., Машкинъ

возвращается къ тому же вопросу, по поводу статьи Хованскаго въ „Фил. Запискахъ".

„Въ ней (въ статьѣ) авторъ говоритъ объ этомъ вопросѣ гораздо удовлетворительнѣе, нежели въ письмѣ своемъ къ Вамъ на Вашъ запросъ. И я убѣжденъ, что въ Воронежскомъ говорѣ нѣтъ существенной утраты средняго рода. Такъ какъ подобное уклоненіе въ говорѣ не менѣе свойственно и Курской губерніи, то я вижу здѣсь одно искаженіе средняго рода мѣстнымъ произношеніемъ, во избѣжаніе нелюбимыхъ звуковъ *о*, *е*, которые не въ одномъ среднемъ родѣ, но и во всѣхъ случаяхъ безъ ударенія превращаются въ *а* и *я* и другіе звуки, смотря по положенію ихъ въ слогосочетаніи. Не сомнѣваюсь однако же, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (деревняхъ) на границѣ Курской и Воронежской губерній существуетъ и указанная мною особенность въ говорѣ, гдѣ средній родъ съ удареніемъ на его окончаніи переходитъ въ женскій (напр. мая́ ружьё, чья́ палатенца, адна̀ акно и т. п.); но и этотъ переходъ, или лучше сказать искаженіе, происходитъ вслѣдствіе тѣхъ-же причинъ и отражается на именительномъ падежѣ, въ косвенныхъ же принимаетъ окончанія, свойственныя среднему роду (объ этомъ я узналъ недавно отъ того же самаго крестьянина, о которомъ я упоминалъ въ прежнемъ моемъ къ Вамъ письмѣ); слѣдовательно также не можетъ быть принятъ за утрату средняго рода. Всѣ эти уклоненія легко могли наблюдателю на первый разъ показаться за совершенное отсутствіе средняго рода".

Срв. разысканія по тому же вопросу: *Будде*, Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Изслѣдованіе особенностей Рязанскаго говора. Русс. Филологич. Вѣст. 1892 г., т. XXVIII, стр. 23; *Филатовъ*, Очеркъ народныхъ говоровъ Воронежской губерніи. Р. Филол. Вѣст. 1898 г., т. XXXIX, стр. 174 и сл.

Вл. Рѣзановъ.

Нѣжинъ.
30 декабря
1902.

Сборники А. С. Машкина.

I.

Сборникъ пословицъ и поговорокъ, употребляемыхъ въ г. Обояни и уѣздѣ его.

А харо́шамъ пажилѣимъ, а лида́шшаго ни сбу́димъ.

Абажгё́сси на малакѣ—и на́ ваду бу́дишь дуть: потерпѣвши неудачу въ одномъ случаѣ, будешь остороженъ и въ другомъ.

Абая́нь гарадо́къ—Масквы́ угало́къ.

Абричёнпая скати́на—ни живати́на: замѣчаніе о томъ, что предназначенное и не употребленное по назначенію не пойдетъ впрокъ предназначавшему.

Абу́лъ ись сапо́хъ у ла́пти: говорятъ о томъ, кто обманомъ довелъ до разоренія другого или причинилъ большіе убытки.

Абы́ съ рукъ сбряло: говорятъ на счетъ того, который все дѣлаетъ какъ ни попало, безъ всякаго вниманія.

Абѣтъ нявó̗льнай чилэкъ: говорится о несвоевременности обѣда рабочихъ людей.

Авось да добра ни давиде́.

Авось и какъ-нибуть да добра ни давидуть.

Авось—хочь брось.

Авчинка ня сто́я вы́дилки: говорятъ о вещи, не стоящей издержекъ или приклада на нее.

Аглянúсь каза́ на свай рага́: говорятъ тому, кто осуждаетъ другихъ.

Адинъ Бохъ багатъ: говорятъ при жалобѣ на недостатки.

Адинъ день готъ кормя: говорятъ о случаѣ, который въ одинъ день доставляетъ большую прибыль.

Адинъ сынъ—не́ сынъ, два сына по́лъ-сына, три сына—сынъ.

Адинъ у поли ни ваявода.

Адинъ хлѣбъ прiѣдливъ: насмѣшка надъ тѣмъ, кто часто мѣняетъ службу.

Адинъ языкъ, да ни адно гавари́ть: говорятъ о томъ, кто объ одномъ и томъ же предметѣ разно говоритъ.

Адна́ галава́ ни бидна́: лёхъ—свярну́лси, уста́лъ—стряхнулси: говорится объ удобствѣ жизни одинокаго человѣка.

Адни́мъ гу́симъ па́рины ни уто́пчишъ: работою одного человѣка сдѣлать многаго нельзя.

Адну́ авцу́ стрыгу́ть, а другая дага́давайси: когда одного изъ виновныхъ наказываютъ, другой ожидаетъ того же.

Адну́ пору сѣна ко́сють: на все свое время.

Акрамя́ (или априч) базара нихто ни зная: говорятъ, если сказанное по секрету извѣстно многимъ.

Али панъ, а́ли прапа́лъ.

Ангильскай галасокъ, чортава думка: говорятъ о злыхъ людяхъ, имѣющихъ тихую рѣчь.

Аржанáя кранá усяму̀ галавá: говорится о ржаномъ хлѣбѣ (крамá—большой ломоть хлѣба).

Атагрѣлъ змяю на сваéй грудѝ: о томъ, кто за попеченіе о немъ заплатилъ зломъ.

Атвага мётъ, вино пьетъ, атвага и кандала третъ.

Атзванилъ, да съ калакольни прочь: говорятъ при окончаніи какого-либо дѣла.

Атруби таму руку, хто сабѣ дабра ни захоча: всякъ себѣ желаетъ добра.

Атрыгнулись волку коровьи слёски.

Атрѣзанная скипка къ краюшки ни пристаня: о дочери, выданной въ замужество.

Атрѣшъ пáлицъ и кровъ ни пайдé: говоря о недостаткахъ, употребляютъ эту поговорку для того, чтобы сильнѣе выразить бѣдность.

Атъ блохъ да рубашку у печь?—говорятъ въ утѣшеніе, когда кто при маленькой бѣдѣ приходитъ въ отчаяніе.

Атъ дажжа да у рѣку: о томъ, кто изъ меньшаго неудобства попалъ въ большее.

Атъ достачки да достачки, а у сирётки ни крошачки: въ насмѣшку тому, кто, взявши книгу, довольствуется тѣмъ, что только перелистываетъ ее, а не читаетъ, или прочитавши ничего не понялъ.

Атъ искры Масква згарѣла.

Атъ капеишнай свѣчки Масква згарѣла.

Атъ лихога чилэка ни убергесси.

Атъ мертвыхъ пчелъ кануну ня жди: о бѣдныхъ людяхъ, отъ которыхъ ничѣмъ поживиться нельзя.

Атъ навалу люди ражживаются: говоритъ въ шутку тотъ, кому достается прибытокъ ничтожный или не очень пріятный.

Атъ ниго дабро какъ атъ казла малако: о безполезномъ человѣкѣ.

Атъ Христа пишкомъ ишолъ: о томъ, кто притворно старается быть добрымъ.

Атъ чóрта атхрестисси, а атъ ниго и ладанамъ ни атайдешъ: о навязчивомъ человѣкѣ.

Атъ чужихъ варотъ есть паваротъ: говорятъ при неудачной попыткѣ просить чего-либо у другихъ, или при неудачномъ сватовствѣ.

А харошамъ пажалѣишъ, а лидашшага ня збудишъ.

Ахота горша няволи.

Ахота страшная, да учисть горькія.

Ашипка за хвальшъ ни ставитца.

Баба *иг*а (йига) кастиная нага: о злой женщинѣ.

Бабушка нáдвая сказала.

Багатай бѣднаму ни радня.

Багатай бѣднаму ни таваришшъ.

Багатаму багатства валитца.

Багатаму жаль карабля, а бѣднаму—кашылѝ: говорится, когда бѣдный скорбитъ о незначительномъ убыткѣ.

Багатаму мужику чортъ яйцы нисе: богатому все удается.

Багатъ Бохъ миласливъ: говорятъ въ упованіи на Бога.

Багатъ Ярмошка: сабака да кошка: говорятъ насмѣшливо о бѣднякѣ, хвастающемся состоятельностью.

Байтца, какъ чортъ ладану: о томъ, кто сильно боится кого.

Балъ—чортъ съ печи упалъ.

Бальшому караблю бальшоя плазанья.

Бапка съ руками, а Бохъ съ помачью: говорятъ, убѣждая лѣчить больного (Бабка—простонародная лѣкарка).

Барада съ варата, а ума ни клака́: говорятъ при безразсудномъ поступкѣ пожилого человѣка.

Барская миласть да парога, барская миласть—какъ утриннія раса: говорятъ, если кто хвалится расположеніемъ господина или старшаго.

Бачили чортавы очи, што купавали: кромѣ буквальнаго значенія *), говорятъ въ насмѣшку тому, кто, женившись, не доволенъ женою.

Баюсь иго (йиго), какъ лѣташнига **) снигу: вовсе не боюсь.

Бе́съ талку малитца—бисъ числа сагряшить: трудъ безъ толку не принесетъ пользы, а скорѣе вредъ.

Бида́ми калы́ша: говорятъ о томъ, кто часто бѣды дѣлаетъ.

Бижъ жаны какъ бясъ кошки: о необходимости хозяйки въ домѣ.

Бизъ имени авца—баранъ: о человѣкѣ, не имѣющемъ никакого значенія въ обществѣ.

Бириженья—лутчи вараженья.

Бирижонага и Бохъ бириге.

Бирижоная капейкя рубль бириге.

Биряги капеичку пра чорнай день.

Бисъ причины вѣку ни праживешъ: въ жизни безъ непріятнаго случая обойтись нельзя.

Бисъ струмента и уши́ ни убьешъ: для каждаго дѣла свои приборы.

Бисъ хазяина таваръ плача: говорятъ хозяева, когда ихъ гдѣ либо въ гостяхъ долго удерживаютъ, или же—посторонніе, видя безпорядки въ чьемъ-либо домѣ въ отсутствіе хозяина.

Бишно ни хвалють, а съ нимъ харашо: говорятъ шуточно о томъ, кто уходитъ отъ наказанія.

Блины давядуть, што и ѣсть не дадуть: о переходѣ масленицы къ великому посту; также о томъ, что роскошь доводитъ до сильной бѣдности.

Блиска локать, да ни укусишь: говорится при невозможности сдѣлать какое либо весьма обыкновенное дѣло.

Богу мали́ся и чорта ни гняви: почитай добрыхъ и не раздражай злыхъ.

Богу мо́литца и съ чортомъ во́дитца.

Божья-та крѣпка, а вражья-та лѣпка.

Бохъ душы ня вымя (вар.: ни атымя), сама душа ня выдя.

Бохъ ни бязъ миласти, казакъ ни бисъ щастья: говорятъ, намѣреваясь испытать какое-либо предпріятіе.

Бохъ ни гади́ть—и агонь ни гарить: говорятъ при постоянныхъ неудачахъ.

Бохъ ни дасть—свинья ня съѣсть: говорятъ насмѣшливо при угрозахъ.

Бохъ цѣны строя.

Братъ брату паласа́ мяса: поговорка о близкомъ родствѣ брата съ братомъ.

Бреша сабака рудая, а ты съ нею другая: говорятъ въ отвѣтъ тому, кто скажетъ кому: „брешишъ“ (=врешь).

Бровь калисомъ, да сапель падъ насомъ: шуточная похвала красавицы—неряхи.

Бросилъ живоя, пашолъ искать мертвая: о томъ, кто оставляя хорошую

---

*) Въ Обоянскомъ же уѣздѣ извѣстенъ такой анекдотъ: Хохолъ высматривалъ на ярмаркѣ, чего бы купить полакомиться, и купилъ наконецъ хрѣну; сталъ ѣсть изъ глазъ потекли слезы; онъ и говоритъ: бачили очи што куповали—хоть повылазьте, да ѣшьте. В. Р.

**)—прошлогодняго.

службу, рискуетъ искать лучшей, или оставивъ осѣдлость, рискуетъ переселяться куда либо.

Брюха ня зеркала, што ни паложишъ ня видна.

Бывала времичка—идали (йидали) сѣмичка, а типерь и талкуть да ни дадуть: говоритъ въ шутку про себя бѣдный, который былъ нѣкогда богатъ.

Бывала срывала, а типерь и здергавать ни стала: насмѣшка тому, кто хвалится прошедшимъ.

Бы́ла пъ балота, а черти будуть; бы́ла пъ карыта, а сабаки будуть: мѣсто празднымъ не будетъ.

Была́ пъ честь прилажина, а атъ убытку Бохъ избавилъ: говорятъ, если кто не хочетъ принять предлагаемаго или отказывается на зовъ въ гости.

Были пъ зубы, а хлѣпъ будя: было бы здоровье, а хлѣбъ заработать можно.

Была у ситя, была у гро́хати, ни паспѣла о́хати: о женщинѣ, которая выдержала многія несчастія и труды.

Былъ да сплылъ.

Былъ конь да изъѣздилси: о старикахъ.

Былъ на кани́ и патъ кане́мъ: о томъ, кто выдержалъ различные перевороты счастія.

Быль мо́латцу ни укора: въ оправданіе противъ насмѣшекъ.

Быть бычку на абрывачку: о преступникѣ, котораго преслѣдуютъ.

Бьють ды ишшо плакать ни вилять: говорятъ, жалуясь на строгую взыскательность хозяевъ.

Бѣдинъ бѣсъ, а багатъ Бохъ милостью: въ утѣшеніе жалующемуся на бѣдность.

Бѣднай—охъ, а за бѣднамъ Бохъ: говорятъ въ такомъ случаѣ, когда бѣднякъ нечаянно получаетъ прибыль.

Бѣднасть—ни парокъ.

Бѣлъ снѣхъ, да ни укусинъ; чёринъ макъ, да сладакъ: о свойствѣ вещи, познаваемой вкусомъ, по наружному виду заключать нельзя.

Бѣхъ (=бѣжалъ) атъ волка, попалъ на вядьмедя (=медвѣдя).

Бяздоннай кадушки ни наполнишъ: расточительные люди то же, что бездонныя кадки.

Бязъ Бога ни да парога.

Бясъ Троицы домъ ни строитца: при потчеваніи третьей чаркой.

Бясъ хлѣба ни бываить абѣда.

Ва всю губу баринъ: въ полной мѣрѣ господинъ.

Вазмёшъ лычка, аддашъ риме́шикъ: возьмешь худшее, а отдашь лучшее.

Вали усё у кучу—послѣ разбиремъ.

Варварина да Савина умирла бисъ савана.

Видна сава па палёту: плохой человѣкъ виденъ по его дѣламъ.

Видяньё ламáя лидяньё: по замѣчаніямъ крестьянъ, около праздника Введенія во храмъ Пр. Богородицы бываетъ оттепель, отчего ледъ начинаетъ ломаться.

Вирба хлёсъ, бей да слёсъ; ни я бью, вирба бьеть за тыждинь—вяликъдинь: говорятъ, ударяя вербою въ Вербное воскресеніе; есть обычай въ этотъ день, пришедши отъ утрени, бить вербою тѣхъ, которые не были въ утрени, для того, чтобы были здоровѣе.

Висёлымъ пирамъ да за свадипку: совѣтъ дѣлать свадьбу.

Воласъ долахъ, да умъ каратокъ: о женщинѣ при неудачахъ или ошибкахъ, происшедшихъ отъ ея опрометчивости.

Волка баятца—у лѣсъ ни хадить: говорятъ, убѣждая рѣшиться на какое нибудь трудное дѣло.
Волка какъ ни карми--все у лѣсъ глядить.
Волка ноги кормють.
Волчій ротъ да лисій хвостъ.
Вольнаму воля, спасёнаму рай: говорятъ, если кто не хочетъ согласиться на совѣтъ.
Воранъ ворану глаза ня выкаля: подобный подобнаго щадитъ.
Воръ апкрадя, стѣны астанутца: говорятъ обыкновенно послѣ пожара.
Вотъ табѣ Бохъ, вотъ табѣ парохъ: говорятъ тому, кого выгоняютъ вонъ изъ дому.
Вотъ табѣ, бабушка, и Юрьивъ день; вотъ табѣ и здарова живёшъ: говорятъ удивляясь при неожиданномъ случаѣ.
Вотъ табѣ кнышъ, съѣшъ да ня дышъ: на счетъ тѣхъ, которые берутъ взятки за то, чтобы скрывать преступленіе.
Выминилъ кукушку на ястреба: при неудачномъ промѣнѣ чего-либо.
Вымиту раскомъ, а вывизу ваcкомъ: насмѣшка надъ хозяйками-неряхами, которыя по нѣсколько дней не выметаютъ сора изъ избы.
Выпила хавронья пра сваё здаровья.
Выша лба очи ни растуть.
Вѣкъ живи, вѣкъ учись, а дуракомъ умрёшъ.
Вѣкъ ни кукушка—у лѣсъ ни улятить: вѣкъ великъ.
Вѣкъ пратянитца, усяму̀ дастанитца: о переносимыхъ въ жизни заботахъ и непріятностяхъ.
Вялѝка Ѳидора да дура, малъ залатникъ да дорахъ.
Вяликъ вырасъ, да ума ня вынисъ.
Вяликъ дупъ да дуплистъ: о высокорослoмъ, но глупомъ человѣкѣ.
Гавѣя, а у ротъ што вѣя: о томъ, кто во время говѣнія часто ѣстъ.
Галава съ плечь свалилась: при потерѣ старшаго въ семействѣ.
Га́локъ шшитáя (=галокъ считаетъ): о зѣвакахъ.
Галоднай волкъ и завёртку рветь: находящійся въ нуждѣ радъ ничтожному прибытку.
Галоднай кумѣ хлѣпъ на умѣ.
Гара съ гарою ня сходитца, а челэкъ съ чилэкомъ сайдетца: говорятъ разставаясь съ кѣмъ-либо въ надеждѣ встрѣтиться когда нибудь.
Гарацкой тилёнакъ, а дирthe ривенскай рибёнакъ: сравненіе смышлености горожанина съ простотою крестьянина.
Гарба́тага магила справя: о человѣкѣ съ дурными наклонностями, котораго исправить ничѣмъ нельзя.
Гастей-та, гастей—са всѣхъ валастей.
Глаза какъ лошки, ня видють ни крошки: въ укоръ за недосмотръ.
Гласъ видя, да зупъ нійме.
Гласъ народа—гласъ Божій.
Глухой ня выслухая, такъ выдумая.
Глядить, какъ чортъ на папа́: смотритъ лукаво или съ завистью.
Глядя на пива скакать харашо: смотря на вознагражденіе хорошо и трудиться.
Глянулъ, какъ рублёмъ падарилъ: посмотрѣлъ со злостью.
Го́ла—го́ла, да ашъ си́ня: для выраженія сильной бѣдности.
Голаму разбой ни страшинъ: о бѣднякѣ, которому угрожаютъ искомъ или какимъ взысканіемъ.
Го́латъ ни тётка: голодъ никому не даетъ пощады.

Голъ да съ перцамъ.
Голъ какъ сако́лъ: совершенный бѣднякъ.
Голь на выдумки хитра.
Горькиму Кузюшки горькія пѣсинка: говорятъ при несчастіяхъ бѣдняка.
Го́рькя—кабы ишшо столькя: насмѣшка надъ тѣмъ, кто при употребленіи хмельныхъ напитковъ притворно морщится.
Гость на́ гасть—хазяину радасть: говорятъ шуточно при неожиданномъ посѣщеніи гостей одинъ за другимъ.
Гость на дворъ и бида на дворъ: противъ тѣхъ хозяевъ, которые тяготятся пріемомъ гостей.
Гость хазяину ни укасъ: говорятъ хозяева при потчеваніи гостей.
Готъ—вяликъ чилавѣкъ: годъ—великъ, можетъ измѣнить многое, подобно великому человѣку.
Готъ ни пальцамъ пиркиваишъ: годъ не скоро пройдетъ.
Гриха ни праспать, ни пралижать.
Грозинъ ракъ, да у гу́зня очи: говорятъ въ отвѣтъ на угрозы мелкаго человѣка.
Громъ грятить ни исъ тучи, а изъ навознай кучи: насмѣшка надъ ничтожными людьми, когда они принимаютъ на себя видъ строгости или важности.
Громъ ни грянить, мужикъ ни пирихреститца: эта пословица вполнѣ характеризуетъ русскаго крестьянина.
Грустилка нагруститца, а живалка наживе́тца: говорятъ равнодушно противу угрозъ.
Грѣхъ да бида натъ кѣмъ ни живеть.
Грѣхъ увъ арѣхъ, а спасинья на верхъ: грѣхъ покаяніемъ скрою, а спасеньемъ покрою.
Грѣшнай—охъ, а а грѣшнамъ Бохъ.
Грѣшники, да Божьи: смиряясь говорятъ о себѣ.
Гуляй, гуляй, дяти́на, пакуль твая гади́на: говорятъ веселящемуся молодому человѣку, котораго ожидаетъ перемѣна жизни.
Гулять—гуляй, а дѣла помни.
Гуртомъ и ба́чку бить харашо: общими силами легко браться за всякое предпріятіе.
Гусь свиньи ни таваришъ; гусь плыветь вадою, а свинья идеть хадою: при отказѣ на предлагаемое товарищество.
Да Бога высока, да царя далёка.
Дабро дѣлай, дабро будя.
Дабро съ дабромъ ни бье́тца: говоритъ тотъ, кто, имѣя много имущества, старается еще пріобрѣтать.
Давай Бохъ ноги: пустился бѣжать.
Давялось чирвяку на вяку: насмѣшка надъ хвастуномъ, которому въ первый разъ удалось что-либо сдѣлать.
Дагаворицъ—братицъ.
Дадинъ масо́лъ: хочишъ—глажи, а хочишъ—на полку палажи: говорится при жалобѣ на участь въ супружествѣ.
Дажились да мату́: нѣтъ ни хлѣба, ни табаку: шутка на счетъ тѣхъ, которые прожили все состояніе.
Дай Бохъ нашиму тиляти волка паймати: о томъ, кто разсчитываетъ на успѣхъ въ сомнительномъ дѣлѣ.
Дай Бохъ у добрай часъ сказать, а у худой памалчать: по повѣрью простолюдиновъ, нѣкоторые дни имѣютъ худой часъ, въ который лучше

молчать, нежели говорить, изъ опасенія накликать на себя несчастіе; говорится въ разныхъ случаяхъ въ предосторожность.

Дай руками, да и тапчи нагами: говорятъ въ случаѣ неплатежа долга.

Дай яичка, да ишшо аблуплинная: говорятъ, если кто къ подарку или уступкамъ требуетъ еще дополненій.

Далёка кулику да Пятрóва дни; далека куцаму да зайца: говорятъ о томъ, кто старается сравниться въ чемъ-либо съ людьми лучше себя.

Дальніи провады—лишніи слёзы.

Даля паложишъ, ближа вазмéшъ: наставленіе стариковъ молодымъ быть аккуратными при приборкѣ вещей.

Даля у лѣсъ—боля дровъ: наставленіе стариковъ молодымъ не вдаваться въ ссоры или тяжбы.

Дарамъ и чирій ни сядя, а пачисавши: отказъ тому, кто проситъ чего безмездно.

Дарга карова какъ па удоимъ шшитат: замѣчаніе тому, кто мелочными счетами старается выставить какой-либо предметъ дорогимъ.

Дарга ми́ластина ва время скудасти.

Дарованаму каню у зубы ни глидять: говорятъ въ случаѣ незначительности или несовершенства подарка.

Дарога дабра каня ўча.

Да Святóга Духа ни снимай кажуха: говорятъ въ случаѣ холодной весны.

Дасталóсь усѣмъ систрамъ па сирьгамъ: о взысканіи со многихъ лицъ.

Дасть Бохъ день, дасть Бохъ и пишшу.

Два волка увъ аднэй мярлуги ни живуть: въ оправданіе тѣхъ, которые не могли ужиться вдвоемъ.

Два Дямида, адинъ другога ня видя: въ насмѣшку, при видѣ двухъ пьяныхъ.

Два сапага—пара: поговорка о близкомъ сходствѣ дурныхъ качествъ двухъ лицъ.

Двухъ смиртей ни будя, а аднэй ни минавать: говорятъ или отваживаясь на какое-либо предпріятіе, или въ отвѣтъ на угрозы.

Двѣ бабы—базаръ, а три ярманка: насмѣшка надъ словоохотливостью женщинъ.

Двѣ сабаки дярутца, а третья ни устривай.

Денишки на столъ, а самъ на прасторъ.

Денишки у карманя—тётушка на базаря: съ деньгами вездѣ любятъ.

Деньги любють счетъ.

Деньги ня Бохъ, да милують: говорять, если кто изъ виновныхъ, чрезъ подкупъ судей или свидѣтелей, освобождается отъ наказанія, и т. под. случаяхъ.

День да ночь—сутки прочь: говорятъ на счетъ тѣхъ, которые проводятъ праздно время.

Десить расъ атмѣрій, расъ атрѣшъ: наставленіе быть осмотрительнымъ при начатіи какого-либо дѣла.

Дисятая вада на кисялю: говорятъ о тѣхъ, которые навязываются родствомъ.

Дитей ня бить—дабра ни видать.

Дитё ни плача, мать ни разумѣя: на счетъ тѣхъ, которые по застѣнчивости или по капризу не просятъ помощи въ нуждѣ.

Дишовая рыпка—паганая юшка: что дешево, то всегда дурно.

Дли (или зли) канпаніи житъ удушилси: насмѣшка надъ тѣмъ, кто изъ подражанія другимъ или защищая виновнаго, самъ подвергается отвѣтственности.

Дли (или зли) милага друшка сирёшка изъ ушка: для друга ничего не жаль.
Дли (зли) пьяницы капля дарга.
Дли (зли) щей люди женютца: говорятъ веселые гости или сами хозяева за столомъ, когда подаютъ щи, намекая выпить пс чаркѣ.
Добрая малчанья—ни въ чёмъ атвѣтъ.
Дока на доку нашолъ.
Долхъ платижомъ красинъ.
Домъ—яма: стой пирядъ нимъ пряма, никали ни наполнишъ: говорится о домашнихъ потребностяхъ.
Донъ—Донамъ, а дома лутчи: въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. Пословица эта получила свое начало отъ разсказовъ о привольной жизни на Дону.
Доня! Доня! нищасная твая доля! говорятъ изъ участія, а иногда въ насмѣшку тому, кто часто терпитъ неудачи.
До́рга да мила, дёшава да гнила.
До́рга яичка къ Вялика-дню: о помощи во-время.
Дочка—новозная кочка, а сынокъ—залатой мишокъ: первая отдается въ замужество, а послѣдній остается всегда помощникомъ для родителей. Говорятъ шуточно.
Дружба дружбаю, а служба службаю.
Дружить дружи, а каминь за пазухаю дяржи: говорятъ, совѣтуя быть осторожнымъ въ дружбѣ съ людьми, готовыми при удобномъ случаѣ измѣнить.
Думы за гарами, а смерть за пличами: говорятъ противъ разныхъ предположеній и затѣй.
Дурака увъ алтарѣ бьютъ: говорятъ при наказаніяхъ за проступки.
Дураковъ ня сѣють, ни аруть, ани сами ражаютца: о глупыхъ людяхъ.
Дураковъ учить—што мертвыхъ лячить.
Дураку законъ ня писанъ: говорятъ въ извиненіе проступковъ, сдѣланныхъ по глупости.
Муракъ дурацкая гадая (т. е. говоритъ или думаетъ).
Дуракъ каминь брося у воду, а умнай ни дастаня: глупый сдѣлаетъ дурно, а умный не въ состояніи того исправить.
Дуракъ каминь пустя, а умнаму у лопъ пападе: сказанное или сдѣланное кѣмъ-либо по глупости причиняетъ непріятность умному.
Дуракъ краснаму ратъ.
Дуракъ—ни дуракъ, а родамъ такъ: о человѣкѣ съ странностями.
Дурному сыну атцовская багаства ни у помачь.
Дурныи сваты сватаютца, харошимъ дарошку труть: говорятъ, совѣтуя не оскорбляться при невыгодномъ сватовствѣ.
Душа мая ни кривая—усё примая: хоть мётъ—и то преть: шуточный отвѣтъ угощаемаго на извиненіе, что угощеніе незавидное.
Душа—ни сусѣтъ: ѣсть хоча: человѣкъ въ пищѣ отказать себѣ не можетъ.
Душа мѣру зная: говорятъ въ отвѣтъ на замѣчаніе о воздержаніи въ пищѣ или питьѣ.
Дымъ карамысламъ: о шумныхъ играхъ или шалостяхъ.
Дѣвушка пей, а дѣльца помни: говорится въ наставленіе при развлеченіяхъ не забывать и своей обязанности.
Дѣла—ни мядвѣдь, у лѣсъ ни увайдетъ: говорятъ, удерживая гостя, отказывающагося домашнимъ дѣломъ.
Дѣла ня дѣла, а атъ дѣла ня бѣгай: хотя дѣло ничтожное, а избѣгнуть его нельзя.

Дѣти будуть, сами дабудуть.

Дюжа нужинъ, какъ пятая калясо у тялѣги: о вмѣшательствѣ неспособнаго человѣка въ какое-либо важное или интересное дѣло.

Ета яму твѣтики, а ягатки будуть: о томъ, кто, подвергаясь наказанію или непріятности, долженъ испытать гораздо большія.

Жаль мнѣ тибе, да ни такъ какъ сибе.

Жана ни лапать—ни сбросишъ (ня снимишъ, на пичь ни ускинишъ).

Жанитца—ни забаритца, да какъ та будя житца: наставленіе не быть опрометчивымъ при женитьбѣ.

Жанитца—ни напасть, какъ бы жинивши ни прапасть.

Жаринымъ ни пахня: говорятъ, когда кому хотѣлось бы отыскать спрятанное, или узнать какую-либо тайну, или проникнуть напередъ то, отъ чего зависитъ его участь.

Ждали, ждали, да и жданики паѣли: шуточный упрекъ заставившему ожидать себя долго.

Ждали у трубу, а ёнъ у двара.

Живе, какъ у Бога за дверью: живетъ покойно и довольно.

Живе, толькя нёба коптя: живетъ очень худо.

Живой живоя гадая (т. е. думаетъ или говоритъ).

Живуть, какъ черти яблаки дѣлють: о супругахъ или о родныхъ, безпрестанно между собой ссорящихся.

Жили дяды, ни видали бяды—остались унуки, набралися муки: говорятъ при всякомъ неблагопріятномъ обстоятельствѣ.

Жить ве́сила, да ѣсть не́чига.

Жить—мучитца, а умирать ня хочитца: какъ ни дурно жить, а умирать не хочется.

За́ Багамъ малитва, за царёмъ служба ни прападая.

За битага два нябитыхъ дають, да ишшо ни бяруть: похвала тому, кого отдавали учиться.

Заварилъ кашу: завелъ непріятности.

За деньги толькя батюшки да матушки ня купишъ.

За́ дисить верстъ кисялю хлибать: о томъ, кто далеко ходитъ или ѣздитъ въ гости изъ-за ничтожнаго угощенія.

За дурною галавою нѣтъ нагамъ пакою.

Займы красны атдачію.

Законы святы, да испалнитили супастаты: о несправедливости судей.

Залятѣла варона у высокаи харомы: насмѣшка надъ невѣждами, живущими въ большихъ домахъ.

За маё жита да и мнѣ шея набита: за добро заплачено зломъ.

За́ маримъ тялушка—палушка, да рупъ пирявозу.

Замокъ ни дли зладѣя, а дли добраго чилэка: разумѣется, чтобы добрый не соблазнился.

За мужнинаю галавою, какъ за каминнаю гарою: завалюсь за ниго—ни баюсь никаго.

Замушства—ни напасть, какъ бы за мужамъ ни прапасть.

За мушъ-та пайдетца, да пасля́ ни разминетца: замѣчаніе дѣвицамъ не быть опрометчивыми при выходѣ въ замужество.

За мушъ пайтить—ни полъ пиряйтить.

Запасъ бяды ня чиня.

Запросъ у карманъ ня лѣзя: говорятъ въ отвѣтъ продавцы на упрекъ покупателя въ дорогомъ запросѣ.

Запьеть—такъ и варта́ забьеть.

Заря угоня, заря выганя: говорятъ при работахъ, особенно полевыхъ, рано начинающихся и поздно оканчивающихся.
За сваи гроши да купилъ сабѣ лиха: за добро заплачено зломъ.
За свой грошъ усюды (—вездѣ) харошъ.
За спасиба мужикъ три года жилъ.
Заставъ дурака Богу малитца, ёнъ и лопъ прабье: упрекъ такому человѣку, который, съ безразсуднымъ рвеніемъ исполняя порученіе, вмѣсто добра портитъ дѣло или по неосторожности самъ себѣ вредитъ.
Затѣмъ казакъ гладакъ: паѣлъ и на бакъ: на счетъ любителей отдохновенія послѣ обѣда.
За харошаю галавою (мужемъ) патъ кустомъ хлѣба наѣсси, а за дурною и у теримя падависси.
За харошимъ мужамъ, какъ за каминнаю гарою.
За чужимъ канунамъ сваихъ радитилій паминать: о тѣхъ, которые на чужой счетъ ищутъ своихъ выгодъ.
За што купили, за то прадали.
Звѣзды шшитая: о лошади, стоящей безъ корму.
Звягливая сабачка—волку карысть.
Звягливая сабака ни укуся, а малчаливая скарѣй укуся: въ защиту человѣка бранчиваго, но не мстительнаго.
Здравія жилаю, съ пахмелья умираю; нѣтъ ли гривинъ шасти душу атвести: шуточная поговорка при здравствованіи.
Зимля треснула, а чортъ выскачилъ: о неожиданно пришедшемъ непріятномъ человѣкѣ.
Злой сабаки масламъ ни удобришъ.
Злымъ злоя изганяють: о противныхъ или причиняющихъ боли лѣкарствахъ.
Знай край, да ни падай: въ укоръ тому, кто самъ причиною своего несчастія.
Знай сапохъ сапага, а лапать лаптя: замѣчаніе тому, кто ищетъ неравнаго знакомства или связей.
Знаишъ ты Куськину мать у паршняхъ: говорятъ тому, кто хочетъ показать свое знаніе въ предметахъ, ему непонятныхъ.
Знать—ни знаю, вѣдать—ни вѣдаю, а дѣла маё: въ насмѣшку тому, кто, сдѣлавши вину, отказывается ничего не знающимъ о томъ.
Зная кошка, чье сальца съѣла: говорятъ, когда кто показываетъ боязнь или стыдливость или другіе признаки своей вины предъ обиженнымъ.
Золата у грязи видна.
Зъ Богамъ спорить ни станишъ: говорится въ случаѣ ненастья или несчастія.
Зъ бѣшанай сабаки хоть шерсти клокъ: съ невѣрнаго должника хорошо и кой-что сорвать.
Зъ горя ни убитца, хлѣба ни лишитца: утѣшеніе въ горѣ. Хлѣба лишиться—значитъ: отъ сильной скорби не имѣть позыва на пищу.
Зъ горя ни умираютъ.
Зъ долгаю рукою—патъ церкву: шуточный отказъ просителю, намекая, что при церквахъ собираются нищіе, протягивающіе руки просить подаянія.
Зъ дурнимъ дурна, а бизъ дурня ишшо хужа: съ дурнымъ мужемъ дурно жить, а безъ него еще хуже.
Зъ дурною галавою и нагамъ нѣтъ пакою: при худыхъ распоряженіяхъ всегда бываютъ лишнія хлопоты.
Зъ дуру, какъ зъ дубу: когда кто по глупости скажетъ что некстати.
Зъ жиру сабака бѣситца: о томъ, кто при богатствѣ предается роскоши или порокамъ.

Зъ заду ни тяня, съ периду ни визе (?).
Зъ зятимъ бранись, да за дверь бярись, а съ сынамъ бранись—на печь дярись: полагайся лучше на сына, нежели на зятя.
Зять любя узять: о приданомъ за женою.
И Богу молитца, и съ чиртями водитца: поговорка о ханжѣ.
И волки сыти, и козы цѣлы.
И въ усъ ня дуя: о беззаботномъ или непослушномъ.
Иго и уступя талкачёмъ ни пападешъ: о человѣкѣ или невѣрномъ въ своемъ словѣ, или изворотливомъ при разныхъ нападеніяхъ, или непостоянномъ въ своихъ дѣйствіяхъ.
Идѣ вы были, какъ свиньи дохли? Говорятъ въ шутку опоздавшимъ притти на угощеніе.
Идѣ гнѣвъ, тамъ и миласть: говоритъ провинившійся при взысканіи съ него.
Идѣ запивать, тамъ начивать: говорятъ веселые гости при потчеваніи.
Идѣ лать да савѣтъ, тамъ и постъ-мисаѣтъ.
Идѣ лать, тамъ и клатъ.
Идѣ проста, тамъ ангаливъ со ста.
Идѣ пьють, тамъ и льють.
Идѣ тваи ношки, тамъ мая галава: говорятъ предварительно при какой-либо просьбѣ.
Идѣ тишъ да глать, тамъ Божья благадать.
Идѣ тонка, тамъ и рветца; идѣ худа, тамъ и шшипитца: говорятъ, когда въ бѣдности кто терпитъ убытки.
Идѣ чортъ нійме, тамъ бабу пашле: выражаетъ сварливость женскаго характера.
Издѣлалъ дядя на сваю рожу глядя: въ укоръ мастеру, сдѣлавшему вещь дурно.
Изъ агня да у поламя: говорятъ, если кто хотѣлъ избѣжать бѣды и попалъ въ другую, бóльшую.
Изъ вады сухъ вылисъ: о такомъ виновномъ, который увертками скрылъ свою вину или сворротилъ на другого.
Изъ грязи да у князи: насмѣшка надъ тѣми, кто изъ самаго низкаго состоянія повышаются.
Изъ избы сору ни вынаси: наставленіе домашнимъ не разсказывать посторроннимъ о семейныхъ неудовольствіяхъ.
Изъ маладыхъ да ранній: о неуважительномъ молодомъ человѣкѣ.
*И*зыкомъ балтай, а рукамъ воли ни давай: говорятъ тому, кто во время ссоры намѣревается ударить противника.
И калачомъ ни заманишъ.
И козы сыти и сѣна цѣла.
*И*мъ волкъ дарогу пирябѣхъ: о тѣхъ, которые имѣютъ между собой распри.
И мы пахали.
И на нашай улицы будя празникъ: придетъ пора и нашему счастью.
И на старуху бувая праруха: говорятъ въ извиненіе своей погрѣшности, а также и на чужой счетъ.
Исъ паклонавъ шубы ни сашъёшъ: говорятъ въ пользу тѣхъ, которые любятъ дѣлать добро изъ одной корысти.
Исъ-патъ смѣху люди живуть: изъ тѣхъ, надъ которыми смѣются, часто выходятъ порядочные люди.
Исъ пѣсни слова ня выкинишъ.
Исъ спасиба шубы ни сашьешъ.

Исъ сями пичей хлѣпъ *и*далъ: о пройдохахъ.

Исъ хама ни бувая пана: оскорбительный укоръ крѣпостнымъ людямъ, вышедшимъ изъ крѣпостного состоянія.

И ува снѣ ня снилась.

И у кошки липешки, и у ката пираги: о всеобщемъ приготовленіи роскошной пищи въ праздничные дни.

Ишши вѣтру у поли: о потерянной или уворованной вещи, которой и слѣда отыскать нѣтъ надежды.

Кабы знатьё, што у кума питьё, такъ и дѣтакъ бы привелъ: говорятъ, когда кто по незнанію пропустилъ свои выгоды.

Кабы на ету крапиву да маросъ: о томъ, кто при бѣдности гордится.

Кабы ня плешъ, и гола пъ не была.

Кажи (или кричи) пѣсни, хочь тресни, а ѣсть ни праси.

Кажнаму старцу па ставцу: говорятъ съ досадою, когда семья не вмѣстѣ кушаетъ по какимъ-либо причинамъ.

Какова ябланка, такіи и яблачки: въ похвалу дѣтямъ хорошихъ родителей, или въ укоръ дѣтямъ дурныхъ, если они въ качествахъ похожи на родителей.

Какіи сами, такіи и сани.

Каковъ попъ, такой и прихотъ: каковъ старшій, такіе и младшіе.

Каковъ съ калыбельки, таковъ да магилки.

Какъ аукнитца, такъ и аткликнитца: говорятъ въ наставленіе, что отъ добрыхъ дѣлъ бываютъ послѣдствія добрыя, а отъ худыхъ—худыя.

Какъ есть старай—убилъ бы, а нѣтъ старага—купилъ бы: замѣчаніе тому, кто недоволенъ старшимъ въ семействѣ.

Какъ ишло, такъ и ѣхала: насчетъ безпечнаго человѣка, которому все равно, какъ бы ни шли его дѣла.

Какъ насыпчивата, такъ накипчивата: о кушаньяхъ—какъ больше положить чего, такъ лучше будетъ отваръ.

Какъ ня били, а къ вечеру пьянъ напилси: насмѣшка надъ пьянымъ, который часто предается пьянству.

Какъ пришолъ низванай, такъ и иди нисланай: отказъ въ пріемѣ непріятному человѣку.

Какъ пьянъ, такъ самъ капитанъ, а праспитца—свиньи баитца.

Какъ ручки сварють, такъ душка съѣсть: о приготовленіи кушанья.

Какъ свой край (краюшка, хлѣбъ), такъ и патъ кустомъ рай: съ своимъ хлѣбомъ вездѣ хорошо.

Какъ тоня, такъ тапоръ суля, а какъ выташшышъ—тапаришша жилѣя.

Какъ ѣсть, такъ и весть: какая плата, такая и ревность.

Кали Бохъ дасть, такъ и увъ акошачка падасть: противъ излишнихъ заботъ и суетъ.

Кали Бохъ захоча каго пакарать—напиретъ разумъ атымя: при несчастіяхъ отъ своей оплошности.

Кали будя Пятро, тады будя тяпло: говорится въ шутку, при холодной веснѣ.

Кали звонють, то абѣдня будя: народная молва сбывается.

Кали мётъ, такъ и лошкаю: насчетъ неумѣреннаго въ пищѣ или требованіяхъ.

Кали намъ жанитца, тады и ночь картка: говорятъ при видимыхъ препятствіяхъ въ какомъ-либо дѣлѣ.

Кали на ахоту ѣхать, тады сабакъ кармить: все нужно дѣлать въ свое время.

Кали не́ была пичали, такъ черти накачали.

Кали нечига сказать, такъ и „да“ харашо.
Кали ни каваль, такъ и рукъ ни марай: не за свое дѣло не берись.
Кали ня попъ, такъ ня суйси у ризы.
Кали ня ротъ, такъ и ниумалотъ: при неудачахъ по хозяйству или промышленности.
Кали патапая—тапоръ падавая, а кали выташшуть—и тапаришша жаль: насчетъ тѣхъ, которые въ бѣдѣ сулятъ многое, а, избавившись отъ бѣды, и малаго жалѣютъ.
Кали пашолъ у драку, такъ валосъ ни жалѣй: если началъ дѣло, то не жалѣй ни издержекъ, ни хлопотъ.
Кали пить, такъ дня ни губить.
Кали пъ зналъ, идѣ упасть—саломки пъ падаслалъ: если бы человѣкъ предвидѣлъ свое несчастіе или неудачу, то напередъ принялъ бы мѣры предосторожности.
Кали пъ ня зубы, да ня губы, и душа пъ вонъ выскачила: въ насмѣшку зѣвающему громко.
Кали пъ тваи рѣчи да Богу на стрѣчу: говоритъ тотъ, кому предсказываютъ что-либо доброе.
Кали рупъ— такъ и умъ; два рубля—два ума; а какъ сто рублевъ—сто умовъ: объ удачномъ рискѣ денежнаго человѣка.
Кали свой хлѣба край, то и патъ кустомъ рай.
Кали узялси за гушъ—ни кажи, што ня дюшъ: говорятъ, когда кто скорбитъ о трудностяхъ начатаго дѣла.
Каму—каму, а куцаму што Бохъ дасть: угроза; подъ „куцымъ“ здѣсь разумѣется болѣе виновный человѣкъ.
Каму мима, а мнѣ у рыла: говоритъ тотъ, на кого возводится напрасно обвиненіе.
Канецъ дѣла винчая.
Канцы у воду спряталъ: сдѣлавши преступленіе, не оставилъ никакихъ слѣдовъ къ уликѣ.
Капля каминь прабивая.
Кармилъ да усъ, карми и да барады: говоритъ тотъ, кто, будучи одолженъ кѣмъ, проситъ у него еще чего-либо.
Карта любитъ хмель: говорятъ хозяева играющимъ въ карты или сами играющіе.
Каса—дѣвичья краса.
Катаитца, какъ сыръ у масля: о человѣкѣ, живущемъ въ роскоши.
Каша—мать наша: каша сравнивается съ матерью, потому что ею вообще кормятъ дѣтей.
Кашу масламъ ни испортишъ: говорится во многихъ случаяхъ, гдѣ встрѣчаются выгодныя условія.
Кинь хлѣпъ-соль назатъ, а ана ачутитца на пиряди: наставленіе, что хлѣбъ-соль, или угощеніе, не пропадаетъ.
Клинъ клинамъ выганяють: о похмельѣ.
Кнутъ вору ня мука, а упирётъ наука.
Ко́лисамъ дарога: говорятъ болѣе въ шутку при нежеланіи счастливаго пути.
Конь апъ читырёхъ нохъ, и то спатыкаитца: говорятъ болѣе шуточно въ извиненіе своей или чужой ошибки.
Кошки игрушки, а мышки слёски.
Крипка тюрьма, да чортъ ей ратъ.
Крута гара, да забывчива; лиха бида, да сбывчива: говорится насчетъ то-

го, кто послѣ бѣды зарекается не дѣлать чего-либо, а послѣ опять принимается за то же.

Куды иголка, туды и нитка: жена во всемъ слѣдуетъ мужу, младшій слѣдуетъ во всемъ старшему.

Куды конь съ капытамъ, туды ракъ съ клишнею: въ насмѣшку противъ мелкихъ людей, старающихся подражать знатнымъ людямъ.

Куды кривая ня вывиде.

Куды ня кинь, усюды клинъ: говорятъ въ случаѣ препятствій во всѣхъ предпріятіяхъ.

Куй жалѣза, пакуля гарить: пользуйся обстоятельствами.

Кума—ни кума, а дятину о́бъ—зимь.

Кума ни мила—и гастинцы пастылы: въ непріятномъ человѣкѣ все кажется противнымъ.

Кума, рана ни хвались—пирётъ Богу памались: замѣчаніе тому, кто напередъ хвалится чѣмъ-либо.

Кума съ воза—кабыля лекша: говорится, когда кто отказывается отъ чьей либо услуги.

Купила—притупила. Купилъ бы сяло, да денихъ гало: говорится, если предлагаемый къ покупкѣ предметъ признается не по силамъ.

Купилъ сапаги, да ня сбылъ басаты: жалоба того, кто пріобрѣтеніемъ чего-либо нужнаго въ домѣ или женитьбою сына не улучшилъ своего состоянія.

Купить—какъ вошъ убить, а продать—какъ блаху паймать.

Купи шубу шитаю, а хату крытаю: наставленіе покупать лучше исправную вещь, нежели неисправную.

Курамъ на смихъ: говорится въ разныхъ случаяхъ, гдѣ представляются смѣшныя причины.

Курачка па зернушку сбирая—и то сыта бувая: и малымъ можно быть довольнымъ.

Курица ня птица, баба ни чилавѣкъ: насмѣшка надъ женскимъ поломъ.

Къ яму и на казѣ ни падъѣдишъ: насмѣшка насчетъ гордаго и сердитаго человѣка, къ которому доступъ труденъ.

Ласкавая тилятка двѣ матки ссе: въ похвалу ласковымъ и въ наставленіе упрямымъ.

Ле́жинь ляжить, а щастья растеть: говорятъ, завидуя прибыли праздныхъ или лѣнивыхъ людей.

Либа сѣна клокъ, либа вилы у бокъ: говорятъ, рѣшаясь испытать удачу или неудачу въ какомъ-либо предпріятіи.

Лиге́нькя яму́ икни́сь: такъ говорятъ при воспоминаніи объ отсутствующемъ; есть повѣрье, что отсутствующій при воспоминаніи о немъ долженъ икнуть.

Лижачига ня бьють: условіе въ кулачномъ бою.

Ли́знимъ падлизалъ: до—чиста уничтожилъ.

Лисицу паймалъ: говорятъ въ шутку, когда кто, грѣясь у огня, прожегъ одежду.

Лось атъ ласи́, а атъ свиньи парси́: отъ хорошихъ родителей и дѣти хорошія, а отъ дурныхъ—дурныя.

Лошкаю кормя, а стибломъ глаза коля: говорятъ о томъ, кто, дѣлая кому благодѣяніе, въ томъ упрекаетъ его.

Лѣнь пирётъ насъ радилась.

Люби выграть—люби праиграть: замѣчаніе тому, кто жалѣетъ о проиграномъ.

Люби (жену) какъ душу, а тряси какъ грушу: о повиновеніи жены мужу.
Люби кататца, люби саначки вазить: говорятъ тому, кто, дѣлая людямъ непріятности, самъ нетерпѣливо сноситъ ихъ, или получая выгоды, съ неудовольствіемъ сноситъ невыгоды.
Люби—ни люби, да пачашша узглядавай.
Любя, какъ сабака палку: говорятъ о томъ, кто не любитъ кого.
Людей слухай, а сваиго разуму дяржись.
Люди мруть—намъ дарошку труть.
Люцкой смѣхъ атъ варотъ ни атходя: говорятъ насчетъ того, кто, насмѣхаясь надъ кѣмъ-либо, самъ впослѣдствіи подвергся насмѣшкамъ.
Малада, какъ у Спасавку снытка: насмѣшка надъ пожилыми дѣвицами.
Малада—у Саксоня ни была: о неопытномъ молодомъ человѣкѣ.
Малаи дѣтки—малая горя, а бо́льшаи дѣтки—бо́льшія горя.
Малако окала гупъ ни апсохла: о молодомъ человѣкѣ, разсуждающемъ неосновательно.
Маланьины зборы: о нескорыхъ сборахъ.
Малинькіи дѣти—малинькія горя, бальшіи дѣти—бальшоя горя.
Малинькія сабачка—да вѣку шшанокъ: шуточно о малорослыхъ.
Малчи да дышъ—скажуть, што спишь: совѣтъ молчаливо переносить оскорбленія.
Марха, парывайси! говорятъ шуточно насчетъ такого гостя, который изъ гостей часто порывается итти домой и не идетъ. Поговорка эта получила начало отъ слѣдующаго анекдота: Одинъ мужъ, у котораго была жена Мареа, любили ходить по гостямъ и любили, чтобы ихъ часто потчевали. Когда же случалось, что, заговорившись ихъ переставали часто потчевать, то мужъ говорилъ женѣ: „Мареа, порывайся“,—для того, чтобы хозяинъ при прощаніи потчевалъ ихъ; но послѣ потчеванія они опять спокойно оставались въ гостяхъ.
Масламъ каши ни испортишъ.
Матушка дочку хвалила—насилу съ рукъ свалила: говорятъ въ насмѣшку тому, кто любитъ хвалить свое.
Мая хата съ краю, я ничиго ни знаю: говорятъ, уклоняя себя отъ участія въ сплетняхъ или другихъ неблагонамѣренныхъ разговорахъ.
Мешъ сляпыми и кривой кароль: на безрыбьи и ракъ какъ рыба.
Милаи бранятца—толькя тѣшутца.
Многа будишь знать, скора састарисси: отвѣтъ любопытнымъ.
Многа ѣсть—ни вялѝка честь: отвѣтъ при угощеніи кушать больше *).
Мнѣ душа надамна **): говорятъ, увѣряя въ справедливости сказаннаго.
Мушъ да жана—адна сатана.
Мы пра людей вичаринку сидимъ, а люди пра насъ ночку ни спя: въ укоръ тому, что любитъ дурно говорить о другихъ.
Мы съ табою, какъ рыба съ вадою: выраженіе дружбы.
Мянинннику пирага нѣтъ.
Мяхка стеля, да хруска спать: о томъ, кто добръ на словахъ, а не на дѣлѣ.
На́ Бага надѣйси, а самъ ни плашай.
На брюхя шолкъ, а у брюхя шшолкъ: о томъ, кто щеголяетъ, а въ домѣ терпитъ голодъ.
На бѣднага Макара шишки литя: говорятъ сожалѣя о томъ, кого постигаетъ бѣда за бѣдой.
На бязлюдью и Хама чилавѣкъ; на бязрыбью—и ракъ рыба: гдѣ нѣтъ знатныхъ людей, тамъ посредственный человѣкъ имѣетъ уваженіе.

---

*) А угощающій возражаетъ: «Ни вялика стать и ни ѣвши встать». *В. Р.*
**) Т. е. я забочусь о своей душѣ и не возьму на нее грѣха ложью. *В. Р.*

На волка памблка (помолвка): говорятъ при напрасномъ обвиненіи такого человѣка, на котораго издавна слыветъ въ народѣ дурное нареканіе.

На воря шапка гарить: о томъ, кто, при всемъ желаніи скрыть свои мысли или вину, невольно обнаруживаетъ ихъ.

На всякай чохъ ни наздрастуисси: замѣчаніе тому, кто при всякой шуткѣ или людскихъ пересудахъ обижается.

На вярбѣ груши растуть: противъ несбыточныхъ разсказовъ или обѣщаній.

Нагатовлина на Маланьину сватьбу: о кушаньѣ, если его приготовлено съ излишествомъ.

На гнилой таваръ есть плахой купецъ.

На грѣхъ мастира нѣтъ.

На гуртѣ и хаботья идятца (подъ „хаботьемъ“ разумѣется всякая плохая пища).

Нада знать лошку съ палоникамъ: нужно различать, кто болѣе достоинъ уваженія. Палоникъ—ковшъ съ длинною ручкою.

На 'дномъ (одномъ) мѣстѣ каминь абрастая: наставленіе не перемѣнять часто мѣста, хотя оно и не представляетъ большихъ выгодъ.

На 'днэй (одной) нядѣли семь пятницъ: говорятъ, порицая вѣтренность и непостоянство.

На здаровай жорнавъ што ни узбрось, то смеля: шутка при употребленіи суровой пищи.

На кавыль-кастыль: кое-какъ, какъ-нибудь.

На каго была надежа, таго ро́зарвала.

На каго Бохъ, на таго и люди.

На кукушичьихъ яйцахъ дитей на вывидишь: на чужой счетъ не разбогатѣешь.

На лавца и звѣрь бягить.

На ладанъ дыша: о больномъ, близкомъ къ смерти.

На лѣчинамъ каню долга ѣздить ня будишъ: о вещахъ, обновленныхъ починкою.

На людей харашо толькя калачъ купить: кали ни угадилъ, такъ самъ съѣлъ: говорится при жалобѣ на неудовольствіе за невыгодныя покупки, сдѣланныя для другихъ.

На миласть абрасца нѣтъ.

На міру и смерть красна: общее горе сноснѣе, нежели одинокое.

Намъ абы пиръ, а маладыхъ хочь у виръ.

На нѣтъ и су́ду нѣтъ: говорятъ въ извиненіе того, кто отзывается неимѣніемъ чего-либо.

Нанялси—што прадалси, а атжылси—выкупилси.

На пагибиль таму, хто завидуитъ каму.

На пасуля, какъ на стуля—далёка ни уѣдишь: противъ того, кто много обѣщаетъ, но ничего не выполняетъ.

На привѣтъ и сабака бягить.

На прошинага гостя многа нада: говорятъ или въ отвѣтъ на упрекъ за неприглашеніе въ гости, или извиняясь, что пришелъ въ гости безъ зову.

Насильна калодись рыть—вады ня пить: принужденіемъ противъ воли достигнуть цѣли нельзя.

Насильна милъ ня будишъ: говорятъ, если кто, при всемъ стараніи снискать чье-либо расположеніе, бываетъ отвергаемъ.

На симъ дваровъ адинъ тапоръ: о бѣдной деревнѣ.

На славáхъ какъ на варганахъ: о хвастунѣ.

На старай хмель хоть вады узлей: говорятъ при скоромъ опьяненіи на похмелье.

На то лѣта посля абѣда—никогда.

На то каваль клешши куеть, штопъ рукъ ни абжечь: о предусмотрительныхъ средствахъ.

На то у мори шшуки, штопъ карась ни дрималъ: шутка противъ того, кто по оплошности своей допустилъ воровство или обманъ.

Натъ кѣмъ грѣхъ да бида ни живе.

На харошай кусокъ на́йдитца кутокъ: говорятъ хозяева, упрашивая гостей скушать что-нибудь вкусное.

На хатѣнья есть тирпѣнья.

На хо́дарахъ ходя: о неугомонномъ шалунѣ.

Нахотка—падъ лавкаю махотка: противъ того, кто украденную вещь выдаетъ за находку.

На хрѣнъ, да на рѣтькю, да на бѣлаю капусту: при поздравленіи съ Великимъ постомъ.

Начлега за сабой ня носють: говорятъ добрые хозяева путешественнику, просящемуся на ночлегъ.

Начная кукушка дянную пиркукуя: жена всегда можетъ склонить мужа думать по-своему.

На чужой грошъ запоимъ пьеть: о томъ, кто любитъ попить или поѣсть на чужой счетъ.

На чужой карвай живата ни парывай (вар.: пупа, рта ни разивай): говорятъ тому, кто навязывается на чужое угощеніе, или хочетъ воспользоваться чужими трудами.

На чьемъ возя сидишъ, таму и пѣсинку пой: угождай благодѣтелямъ и властямъ.

Наша горница съ Богамъ ня спорится: на дварѣ капели—мы запатѣли: о холодномъ домѣ.

Наша дѣла ни ходить бѣла: говорятъ тѣ, которые не имѣютъ средствъ хорошо одѣваться или хорошо жить.

Наша мѣста свята: приговорка при разсказѣ о нечистой силѣ.

Нашаму слесарю дваюраднай кузнецъ.

Нашла каса на каминь: о двухъ противникахъ, похожихъ другъ на друга упорствомъ или хитростью.

На што намъ музыки, кали у насъ сваи языки.

Нашъ пастрѣлъ вяздѣ паспѣлъ: о томъ, кто вмѣшивается не въ свое дѣло.

Нашъ Хвилатъ таму и ратъ.

Нёба съ авчинку пакажитца (трусу въ испугѣ).

Не была печали, такъ черти накачали: ни оттуда, ни отсюда пришла бѣда.

Не была снѣгу, не была слѣду; далъ Бохъ снѣхъ, далъ Бохъ слѣтъ: насчетъ дѣвицы, за которую сватаются сваты.

Не была у бабы хлапотъ, такъ купила сабѣ кароставага парсенка: насчетъ того, кто самъ отъ себя нажилъ хлопоты.

Не люба—ня слухай, а лгать ни мишай: насчетъ того, кто много говоритъ неправды.

Ни агнёмъ пике, а по́лямя.

Ни атъ таго галѣли, што слатка ѣли: шуточно при употребленіи лакомой пищи или при излишнихъ издержкахъ на что-либо.

Ни бажись, пирётъ Богу памались.

Ни бапка, а угатка: о предсказавшемъ.

Ни Богу свѣчка, ни чорту качирга: о человѣкѣ, ни къ чему не способномъ.

Ни во́ время гость—хужа татарина.

Ни всё лави, што по марю плыве: наставленіе тому, кто всякому слуху вѣритъ, или сказанное въ шутку принимаетъ на свой счетъ.

Ни все то золата, што блистить.

Ни всигда кату маслиница, придя и вяликай постъ: говорятъ или отказываясь угождать прихотямъ, или въ насмѣшку надъ лишившимся какихъ-либо выгодъ или расположенія старшихъ.

Ни всѣ тѣ сабаки кусаюць, што брешуть: въ защиту бранчивыхъ, но не мстительныхъ людей.

Ни всякая лыка у строку: не всякую ошибку или погрѣшность другихъ выставляй на видъ.

Ни въ томъ сила, што кабыла сива, а въ томъ, што воза ни визеть: говорятъ съ насмѣшкою тому, кто представляетъ нерезонныя причины.

Ни давши слова—кряпись, а давши—дяржись.

Ни далеча у сторану дивяноста къ миламу: насмѣшка надъ тѣмъ, кто не по пути заѣзжаетъ или заходитъ въ гости, не смотря на разстояніе.

Ни далъ Бохъ свиньи рохъ: о невозможности безсильнаго вымещать свою злость на другихъ.

Нидасолъ на сталѣ, а пирясолъ на спинѣ: лучше недосолить кушанье, нежели пересолить.

Ни дать ни узять: при сравненіи чего-либо весьма похожагo одно на другое.

Ни живеть, толькя нёба ко́птить: о человѣкѣ, живущемъ въ бѣдности или постоянно больномъ.

Ни живи, какъ хочитца, а живи какъ Бохъ вялить: наставленіе тому, кто недоволенъ своимъ состояніемъ.

Ни загадавай у готъ, а загадавай у ротъ: наставленіе не увлекаться далеко въ предположеніяхъ.

Низнайка ляжить, а знайка па дарошки бягить.

Ни имѣй сто рублей, а имѣй сто друзьёвъ: говорятъ при неожиданной помощи отъ друга.

Ни кала́ ни двара: нищета.

Ни капай патъ чилэкамъ яму—самъ упадешъ.

Ни кидай за варта, кали есть свая сирата: наставленіе предпочтительно дѣлать помощь бѣднымъ роднымъ, чѣмъ постороннимъ.

Ни клади пальца у зубы, а то аткуся: предостереженіе не всегда вѣрить тому, кто по виду кажется ласковъ, скроменъ и не способенъ ко злу.

Ни кожи ни рожи: о нескладныхъ и некрасивыхъ.

Ни куетца, а плюшшитца: при постоянныхъ неудачахъ.

Ни купи домъ, купи сосѣда: о важности хорошаго сосѣдства въ общежитіи.

Ни къ сялу ни къ гораду: некстати.

Ни мытьемъ такъ катаньимъ: говорятъ, если кто причиняетъ непріятность или досаду другому, въ значеніи—ни тѣмъ, такъ другимъ.

Ни мѣста чилэка кра́ся, а чилэкъ мѣста.

Ни наживай ста риблей, наживай сто друзей.

Ни на лавца звѣрь бягить.

Ни нами свѣтъ начался, ни нами кончитца: говорятъ болѣе при извиненіи себѣ какихъ-либо проступковъ (т. е.: не мы первые, не мы послѣдніе совершаемъ такіе проступки. *В. Р.*).

Ни найди ты мине лакамымъ кусамъ, а найди мине ласковымъ словамъ.

Ни напридешъ падъ дымкомъ, ня выткишъ патъ тынкомъ: если не напрядешь зимой, то нечего будетъ ткать лѣтомъ.

Ни наша дѣла—папова, ни нашага папа—чужога: говоритъ тотъ, кто не хочетъ вмѣшиваться въ какое-либо критическое дѣло.

Ни пагана карыта, што пёсъ лакталъ, а паганъ пёсъ, што исъ карыта лакталъ: поганое къ чистому не пристанетъ.

Ни папу́ ни на́ймиту: говорятъ въ шутку въ разныхъ случаяхъ, гдѣ пред ставляется недостатокъ въ чемъ-либо.

Ни пахвалить, такъ ни прадать: говорятъ торговцы, любящіе хвалить свой товаръ.

Ни плачъ—купя мама калачь, сѣмичкамъ памажа, табѣ ни пакажа: насмѣшка надъ дѣтьми, которыя попусту плачутъ.

Ни по харашу харошъ, а по милу милъ: о некрасивомъ мужчинѣ, понравившемся женщинѣ.

Ни права карова (или каза), што у лѣсъ зашла, ни правъ волкъ, што карову (казу) задралъ: говорятъ при обоюдной винѣ двухъ враждующихъ сторонъ.

Ни правая багаства—прахъ.

Ни рабѣй, варабей!

Ни радись харошъ, радись щасливъ.

Ни радуйси нашетши, ни тужи патирявши: въ счастіи не гордись, а въ несчастіи не унывай.

Ни родамъ старцы вядутца, каму Бохъ привиде (старцы=нищіе).

Ни рыба ни мяса: о человѣкѣ мало способномъ.

Ни святыи гаршки лѣпють: искусство доступно каждому.

Ни слуга у лаптяхъ—купи сапаги.

Ни спяши, какъ паповна замушъ.

Ни сули журавля у поли, дай синицу да у руки: про того, кто много обѣщаетъ, но ничего не даетъ.

Ни съ тваимъ носамъ: насмѣшка надъ тѣмъ, кто берется за трудное, неисполнимое дѣло.

Ни сѣла, ни пала—атдай кошки сала: говорится, когда кто, прежде выполненія условій съ своей стороны, хочетъ пользоваться условленными выгодами.

Ни табѣ бы́ла казать, ни мнѣ слухать.

Ни такъ живи, какъ хочитца, а такъ живи, какъ Бохъ вялить.

Ни такъ страшинъ чортъ, какъ *и*го мулюють.

Ни твари лиха людямъ—сабѣ приспѣишъ.

Ни ткать, ни прясть, ни пачатки матать.

Ни у бровь, а пряма у гласъ: говорятъ, если кто укоритъ кого прямо въ глаза.

Ни увошъ, а гнида точить.

Ни умаливаю багачу: сваю рошъ малачу: я не хочу никѣмъ быть обязаннымъ.

Ни у маю мѣру.

Ни умеръ бачка—задавила балячка: не все ли равно.

Ни у пахвальбу сказать.

Ни успрася броду, ня суйси у воду.

Нихай багатай дивитца, чѣмъ бѣднай живитца (живетъ): говорятъ шутливо небогатые люди въ веселомъ расположеніи духа.

Ни хвались у три дни, а хвались у три гада́: не будь скоръ на похвальбу:

Нихто таго ня вѣдая, хто какъ абѣдая: по наружному блеску нельзя заключать о счастіи человѣка.

Ни читать, ни писать, ни у карты играть (вар.: ни у бирюльки играть): о томъ, кто съ малолѣтства не выучился никакому ремеслу, шатается ничѣмъ не занятый.

Ни шатка, ни валка, ни на́ старану: о томъ, кто живетъ умѣренно, держась средины, или въ наставленіе жить умѣренно.

Ни я пла́чу, а горя мае плача: говорится при несчастіи.

Новая митла чиста мите.
Новая ситца на калу висить, а састаріитца—па падлавичью валяитца: новому лицу въ семействѣ всегда поблажаютъ.
Ночь—матка: усе глатка: ночь скрываетъ всѣ преступленія.
Нужда закону ни зная: говорятъ, извиняясь нуждою.
Нужда науча, какъ калачи ѣсть: насмѣшка надъ тѣми, кто при достаткѣ жалуется на нужду.
Нужда плачить, нужда скачить, нужда пѣсенки паѣть: человѣкъ въ нуждѣ изъ угожденія другимъ готовъ дѣлать все.
Нужды сваей вѣкъ ни пирявѣришъ: нуждъ человѣческихъ никогда удовлетворить нельзя.
Нужна издѣлатца панамъ, а пайде усё дарамъ: о тѣхъ должностныхъ лицахъ, которыя берутъ взятки.
Нынча густа, а завтра пуста: о тѣхъ, которые не берегутъ копейки про черный день.
Нѣтъ такога малатца, хтопъ абманулъ винца.
Ня блиска балѣла, ня больна жаль: о томъ, у кого нѣтъ сострраданія къ чужимъ дѣтямъ.
Ня бойси мертвыхъ, а бойси живыхъ.
Ня бойси суда, а бойси судьи.
Ня вижу—душа мреть, а увижу—изъ души преть.
Няволя вялить шалудивага любить: необходимость заставляетъ иногда уважать невѣжду.
Ня вѣрь чужимъ ричамъ, а вѣрь сваимъ ачамъ.
Ня гребинь валаса́ чеша, а время.
Ня дорга дасталась—ня больна жаль: говорятъ, потерявши или истративши легко пріобрѣтенное или дешево купленное.
Ня лошкаю—*и*дакомъ: успѣхъ въ дѣлѣ зависитъ не отъ инструмента, а отъ мастера.
Ня клинамъ свѣтъ шшолси: говорятъ въ утѣшеніе себѣ или другимъ, чтобы въ критическихъ обстоятельствахъ не терять надежды.
Ня къ смерти грѣхъ: не къ сроку.
Ня мой конь, ня мой восъ, ня мнѣ весть: говорятъ при отказѣ отъ участія въ чужомъ, особенно хлопотномъ дѣлѣ.
Ня плюй у калодись—гадѝтца вадицы напитца: наставленіе не дѣлать другимъ зла.
Ня пойманъ—ня воръ.
Ня рой ямы другому—самъ у ніе пападешъ.
Ня свой кутъ—ня вольнай кусъ: о невыгодѣ живущихъ въ чужихъ домахъ.
Ня смѣйси квасъ—ня лутчи насъ; ня смѣйси кисель—ня лутчи людей: говорятъ тому, кто смѣется надъ другими.
Ня смѣйси рабѣ, привидеть Бохъ табѣ: говорятъ тому, кто смѣется надъ бѣдностью или несчастіемъ другихъ.
Ня стрыжана, а кошина: объ упрямой настойчивости въ спорахъ.
Ня суйси у воду, ни спрася броду.
Ня тотъ воръ, хто кралъ, а тотъ, хто прималъ.
Ня тутъ будь сказана: приговорка при разсказѣ о нечистой силѣ.
Ня тѣ денишки, што у дядюшки, а тѣ денишки, што у пазушки.
Ня ѣвши устать—ни вялѝка стать: говорятъ гости въ отвѣтъ на угощеніе хозяина кушать больше, чтобы не быть голодными.
Ня ѣвшы парсятины, да ушъ захрюкала.
Ня ѣвшы чиснаку, ня будя ванять.
Окала агня хадить—нильзя ни абжетца, а окала вады—ни абмачитца: го-

ворятъ въ извиненіе вины, которая при всегдашнемъ обращеніи около чего-либо бываетъ неизбѣжна.

Окала рота мычитца, да у ротъ ни пападе: говорятъ, когда кто хочетъ припомнить забытое, или когда кто не можетъ или не умѣетъ пользоваться счастливыми обстоятельствами.

Охъ—ма! кабы денихъ тьма, жилъ бы—ни тужилъ.

Очи выша лба ни бываютъ: младшій долженъ уступать старшему.

Охъ, ты деревня, ни пакрытая сяло.

Па адёшки пратигай ношки: наставленіе жить сообразно своему состоянію.

Павадилси кушинъ по́ ваду хадить, такъ яму и голаву палажить: о трудности искоренить дурныя привычки или пороки.

Пагади радить—дай за бапкаю схадить: отвѣтъ на нетерпѣливую настойчивость въ чемъ-либо.

Паганая авца усё стада (испортитъ).

Паганая къ чистаму ни пристаня: къ невинному порокъ не пристанетъ.

Паганая трава исъ поля вонъ: о дурномъ человѣкѣ, выбывшемъ изъ семейства или изъ общества.

Падарушки бисъ партокъ ходютъ: говорятъ вмѣсто отказа просящему подарить что-нибудь.

Падъ лижачій каминь вада ни пайдетъ: лѣнивый поневолѣ бѣденъ.

Падяло́мъ вору мука.

Пажалѣишъ свѣчку—чортъ вазме авечку: говорятъ, когда кто, желая избѣгнуть малой траты на что-либо, подвергся гораздо большей.

Пажилѣлъ волкъ кабылу—аставилъ хвостъ да гриву.

Паймалъ облизня: насмѣшка надъ тѣмъ, кто не успѣлъ въ своихъ пролазахъ.

Паклоннаю галовушку и мечъ не биреть: говорится въ похвалу кланяющихся.

Паклонная галава никали ни балить.

Паклонъ съ хахломъ, чилабитья шъ шишкаю: говорятъ шуточно, поручая кому-либо передать поклонъ отсутствующему лицу.

Пакойники усѣ хараши: есть обычай не говорить дурно про покойниковъ.

Пакуль абайдешъ—калачь съѣшъ: говорятъ въ насмѣшку о толстомъ человѣкѣ.

Пакуль сонца узайде, а раса очи выисть: говоритъ несчастный, когда утѣшаютъ его надеждами.

Пакуль у бапки паспѣютъ кныши, а у дѣда ня будя души: говорятъ тому, кто напередъ разсчитываетъ прибыль отъ такого дѣла, которое стоитъ большихъ трудовъ или вовсе неудобоисполнимо.

Палажи зубы на полку: говорятъ, когда нѣтъ хлѣба въ домѣ.

Па-латыни—два алтына, а па-руски—шесть капеекъ.

Палюби мине учарнѣ, а убялѣ усякъ полюбя: говорятъ шуточно одѣтые въ ненарядное платье на замѣчаніе другихъ, что они вь такомъ уборѣ не могутъ нравиться.

Палютитца сатана—лутчи яснага сакала: некрасивый можетъ иногда понравиться лучше красиваго, или глупый лучше умнаго.

Паминай, какъ звали: поговорка о невозвратной потерѣ.

Па нашаму убору и ета у пору: говоритъ въ отвѣтъ тотъ, кому замѣчаютъ другіе о безцѣнности или некрасивости платья или другихъ вещей, ему принадлежащихъ.

Па немъ хоть травушка ни расти: о безпечномъ человѣкѣ.

Паны дярутца (судятся, ссорятся), а у хахловъ чупы балять.

Панюхалъ хваздя: насмѣшка надъ человѣкомъ, не успѣвшимъ въ своихъ пролазахъ.

Панюхалъ прабой, да апять дамой.

Пападесси у руки—набиресси муки: говорятъ слуги о строгости господъ или хозяевъ.

Папалъ пальцамъ у неба: говорятъ, если кто, не понявши разговора, скажетъ что-либо некстати.

Папа у рагошки знають: умный человѣкъ и въ рубищѣ замѣтенъ.

Па платью устричають, а па уму праважають.

Паправилси исъ куля у рагошку: говорятъ о томъ, кто, принося оправданія, болѣе обнаружилъ вину.

Пароги атбилъ: поговорка о томъ, кто наскучаетъ частыми посѣщеніями.

Паръ кастей ня ломя: теплота вреда не чинитъ.

Па рѣчку рубежъ.

Пасади свинью за столъ—ана и ноги на столъ: о невѣжливомъ.

Па Сеньки шапка, па хами калпакъ: по человѣку и уборъ.

Пасиди у моря, падажди пагоды: надобно быть терпѣливымъ.

Пасла ня бьють, ня вѣшають.

Паслѣднія капейкя рибромъ становитца.

Паслѣднія у папа пападья: говорятъ въ шутку въ разныхъ случаяхъ, гдѣ говорится о чемъ-либо послѣднемъ.

Послѣднія спица у калясницы.

Пасля дажжа радитца трава, а пасля вина радятца слава.

Пасля скобили тапаромъ: послѣ хорошаго нехорошее кажется еще хуже.

Пасля смерти нѣтъ пакаянія: говорятъ тому, кто, сдѣлавши что либо дурно, опомнился, да поздно.

Па смерть паруки нѣтъ: за смерть ручаться нельзя.

Паспяшить—людей насмяшить: кто спѣшитъ въ дѣлѣ, тотъ всегда дурно дѣлаетъ его.

Патягушички, парастушачки, ножичкамъ—хадушачки, ручкамъ—рабатушачки, изыку—гаварушачки: такъ ласкаютъ дѣтей, лежащихъ въ колыбели.

Пачёмъ знать чиго ни знаишъ.

Пашёлъ какъ не́ сална хлибавши: говорятъ въ насмѣшку о томъ, кто пристыженный уйдетъ откуда-либо.

Пашолъ на часъ да у добрай часъ: говорятъ о томъ, кто пошелъ на короткое время и не скоро возвращается.

Пашолъ у раздабытки, падвизавши лытки: насмѣшливо говорятъ о тѣхъ, которые ходятъ просить взаймы денегъ или раздобываются чѣмъ другимъ.

Пей, да дѣла разумѣй.

Пей, да ума ни прапей.

Первага купца ни абигай.

Первай блинъ камо́мъ.

Первай кусъ—разбойникъ.

Перваля Бохъ кормя.

Первая (чарка) кало́мъ, другая сакало́мъ, а паслѣдніи—какъ мелкіи пташки: шутливо говорятъ о питьѣ горячихъ напитковъ на похмелье.

Первая чарка—первая палка: говорятъ въ шутку присмотрщику за работаю.

Первыхъ шшанятъ забрасавають: говорятъ шутливо въ утѣшеніе родителямъ, лишившимся первыхъ дѣтей.

Пиривелъ шила на мыла: говорятъ о томъ, кто, взявши что-либо взаймы, отдаетъ или мелкими частями, въ ущербъ давшему, или недобросовѣстными счетами долгъ сводитъ вовсе на ничто. Также говорятъ о томъ, кто безполезно растратилъ что-либо.

Пирямелитца—мука будя: о людскихъ толкахъ.
Писклятъ (циплятъ) па осинь шшитають.
Пить да дна—ни видать дабра: наставленіе объ умѣренномъ употребленіи хмельныхъ напитковъ.
Плахой миръ лутчи добрай ссоры.
Плеть абуха ни пиришибеть.
Плоха ляжишь—брюха балить: говорятъ въ предосторожность, чтобы дорогія вещи или лакомые предметы не класть плохо.
Пой пѣсни, хоть тресни, а ѣсть ни праси.
Правда очи коля.
Пра глухога двѣ абѣдни ня служуть: говорятъ шутливо тому, кто, недослышавши, спрашиваетъ, о чемъ было сказано.
Пра 'дни (одни) дрожжи ни гаварятъ трожди: говорятъ тому, кто наскучаетъ повтореніемъ одного и того же.
Праливши воду, ни зграбишъ: утраченнаго не возвратишь.
Праминялъ кукушку на ястриба: говорятъ въ насмѣшку о неудачномъ обмѣнѣ.
Прападай таго животъ, кто ниправдаю живеть: приговорка эта употребляется болѣе при потчеваніяхъ, въ веселомъ расположеніи духа.
Прападай то сирябро, кали жить ни дабро.
Прапала усё: и дома и нá паля: объ издержкахъ при неудачахъ.
Прапалъ ни за панюху табаку (=ни за что).
Прасинáя каша сама сибе хваля: насмѣшка надъ самохвалами.
Прастата хужа варавства.
Пративна, какъ нишшаму гривна: насмѣшка надъ тѣмъ, кто при полученіи чего-либо или при потчеваніи притворно отказывается или показываетъ неохоту къ тому.
Прашшай миръ, ноги азябли.
Прати (противъ) жара каминь тресня: обида выводитъ изъ терпѣнія.
Пра то зная груть да падаплёка: о тайной скорби.
Пра то першай зная: говорятъ младшіе, исполняя безотчетно распоряженія старшихъ.
Привыкла сабака зá вазамъ хадить: о трудности искоренить дурныя привычки или пороки.
Придеть бида—атваряй варта: говорятъ при постоянныхъ несчастіяхъ.
При злыдняхъ да ишшо съ перцамъ: въ бѣдности, да еще съ прихотями.
При пагостя жить—ни аба всѣхъ тужить: говорятъ тѣмъ, которые сострадаютъ несчастіямъ ближняго.
Пришло махамъ—пашло прахамъ: легко нажитое легко и съ рукъ сошло.
Пришлось чанцу къ аднаму канцу: говорятъ въ крайности, когда кто не можетъ выпутаться изъ бѣды.
Пряма варона литая, да дома ни бувая: шутка противъ тѣхъ, которые, пренебрегая удобствами большой дороги, избираютъ прямой путь проселками.
Птичка—нивяличка, да кагатокъ вастеръ.
Пьянаму моря па калѣна: пьяному все ни почемъ.
Пьяница праспитца, дуракъ—никогда: лучше быть пьяницею, нежели дуракомъ.
Пьяница—чорту братъ.
Пьянъ, да умёнъ—два угодья у нёмъ: говорятъ въ похвалу тому, кто въ пьяномъ видѣ не выходитъ изъ границъ приличія.
Пѣшага сокала и вароны бьють; вар.: пѣшага арла и вароны клюють: по-

словица сравниваетъ знатнаго человѣка, лишеннаго могущества, съ пѣшимъ соколомъ (орломъ).

Пѣшай коннаму ни таваришъ: говорятъ тому, кто навязывается на товарищество безъ соразмѣрныхъ силъ и средствъ.

Пятай клѣпки у галавѣ ни даставая: о человѣкѣ неразсудительномъ или глуповатомъ.

Пятровка—галадовка, спасавка—ласавка.

Рада пъ курачка на свадьбу ни шла, да за хахолъ валакуть: говорится въ случаѣ неповиновенія.

Радни—што мардвы, а пабѣдать негдя: говоритъ бѣдный, испытавъ дурное расположеніе родныхъ.

Радня—да палднѝ, а какъ сонца зайдеть, и радня прападеть: о худыхъ родственникахъ.

Разажви, да у ротъ палажи: растолкуй.

Раздобрилась мачиха да пасынка—вялѣла на загвины усѣ щи паѣсть: говорятъ, если нерасположенный человѣкъ предлагаетъ ничтожную или безнужную вещь.

Ра́на, каму ни да́на: говорятъ шуточно противъ замѣчанія̀, что еще рано начинать ѣсть или пить.

Раннія птушка насокъ патчишшая, а позния глаза прадирая: говорятъ, если кто, заспавшись долго, застаетъ другихъ за пищею.

Радъ бы у рай, да гряхи ни пускають: говорятъ, если кому нѣтъ возможности достигнуть желаемаго.

Рѣтькю ѣсть съ панами, а спать съ свиньями: о непріятной отрыжкѣ отъ рѣдьки.

Родамъ куры хахлаты: о дѣтяхъ, наслѣдовавшихъ смѣтливость, ухватки или слабости родителей.

Ротъ—племинь вижу, а свой ротъ ближа: о желаніи себѣ добра болѣе, нежели роднымъ.

Руби дерива па сабѣ: ищи равнаго знакомства или равной партіи.

Рука—нага балить, а душа ѣсть прося: и больной требуетъ пищи.

Рука руку мо́я: о взаимномъ одолженіи.

Рупъ у накладя ня будя: говорятъ торговцы, когда предлагаютъ имъ какія-либо выгоды.

Рыба ишша, идѣ глупша, а чилэкъ—идѣ лутчи.

Рыбакъ рыбака видя издалика: люди одинаковыхъ понятій скоро сближаются.

Рыльцы свишшуть—лашадей ишшуть, Абаянцы гудуть—лашадей вядуть: язвительная насмѣшка надъ городами Рыльскомъ и Обоянью; эти города нѣкогда славились воровствомъ.

Рѣтка, да мѣтка: хотя не часто, но успѣшно.

Сабака на сѣня ляжить—сама ня ѣсть и другимъ ни даеть: о томъ, кто безъ пользы владѣетъ чѣмъ-либо.

Сабаки сабачья честь: о дурномъ человѣкѣ, получившемъ достойное наказаніе по своимъ дѣламъ.

Сагнулси у три пагибили: поговорка о скупомъ.

Салавья баснями ня кормють: говорятъ занятому разговорами за столомъ.

Сама сибе раба бье, што нячиста жне: говорятъ тому, кто самъ причиною своей вины.

Сами съ усами.

Санливага дабудисси, а лянивага дашлесси: лучше имѣть слугу или семьянина сонливаго или лѣниваго, нежели никакого.

Сарока на хвастѣ принисла: о невѣроятной вѣсти.

Сахаръ мядовичъ: такъ называютъ человѣка крутого нрава.
Сашлись два Дямида—одинъ другога ня видя.
Свай бьютца, дярутца, а чужой ни мишайси.
Свай сабаки грызутца, а чужыи ни мишай.
Свай—што карову свяли: шутливо говорятъ тому, кто ночью на окликъ отзовется словомъ „свои".
Сватъ—ни сватъ, а добрый чилэкъ: такъ называютъ свата, приходящаго свататься за дѣвицу, или человѣка, съ которымъ намѣрены сдѣлать какую-либо сдѣлку.
Свадьба рубашку найдя: необходимость заставитъ найти средства въ нужномъ случаѣ.
Свая ноша ни чижила: свое добро никому не тяжело.
Свая рубашка къ тѣлу ближа.
Свая рука—владыка: шуточная поговорка о томъ, кто себѣ опредѣляетъ больше, нежели другимъ.
Свинья палудни ни зная: поговорка о невѣжливомъ.
Свой сваяму па нyволи друхъ.
Свыкнутца—слюбютца: говорятъ о той четѣ, которая не по расположенію вступаетъ въ бракъ.
Святилъ бы мѣсяцъ, а звѣзды—хоть каломъ на дно: былъ бы расположенъ ко мнѣ старшій, а о расположеніи младшихъ я не забочусь.
Сдуру (или здуру), какъ съ дубу: говорятъ, когда кто по глупости скажетъ что некстати.
Семира варотъ—усѣ на 'гаротъ: поговорка насчетъ такихъ хозяевъ, у которыхъ разгороженъ дворъ.
Семъ бапъ на даму, а вада на Дану: говорятъ при недостаткѣ воды въ семействѣ.
Семъ бѣтъ—одинъ атвѣтъ: отвѣтъ на угрозы.
Семъ лѣтъ ни видались, а пабалакать нечига.
Сидина у голаву, а бѣсъ у рябро: о вѣтрености въ пожилыхъ людяхъ.
Сиднимъ сѣсть—ни трясца съѣсть: подъ лежачій камень вода не пойдетъ.
Сидѣлъ три дни, а высидилъ злыдни: говорится, когда долгое ожиданіе осталось безуспѣшно.
Сирётка на палавиня: средина между хорошимъ и дурнымъ.
Сихъ—сигомъ увесь кругомъ: объ одинокомъ человѣкѣ.
Скажи бораву, а боровъ па всяму гораду: говорятъ о томъ, кто сказанное по секрету передаетъ другимъ.
Сказана—здѣлана.
Сказана—свята: говорятъ въ подтвержденіе исполнить сказанное.
Сказать правду—патирять дружбу.
Скатиртью дарога: говорится шутливо при желаніи хорошаго пути.
Скачи, вража, якъ панъ кажа: дѣлай то, что требуютъ старшіе.
Сколько волка ни карми, ёнъ усё у лѣсъ глядить: о тѣхъ, кто привязанъ къ мѣсту своего рожденія.
Скора скаска сказываитца, да ни скора дѣла дѣлаитца.
Скрыпучія дерива скрыпить да скрыпить, а здаровая какъ листъ лятить: говорятъ при долговременной жизни болѣзненнаго человѣка.
Скупасть—ня глупасть.
Славны бубны за гарами: говорятъ, если кто хвалится своими похожденіями или молодечествомъ въ чужой далекой сторонѣ, и т. под. случаяхъ.

Слиза слязу пашибая: о томъ, кто горько плачетъ.

Слова—ни варабей, вылитя—ни ухватишъ: наставленіе быть осторожнымъ въ словахъ.

Слухай дуброва, што лѣсъ гаварить: говорится въ насмѣшку тому, кто говоритъ вздоръ или безтолковщину.

Слухамъ зимля полнитца: о скорости распространенія слуховъ.

Слышалъ, што звонють, да ни зная, у какой церквя: говорится о томъ, кто, не понявши, передаетъ слышанное въ другомъ значеніи.

Сляпому Амельки усё капейкя: насмѣшка надъ не разсмотрѣвшимъ что-либо.

Смерть причину найдя.

Смирная свинка толстай коринь роя: говорятъ о такомъ человѣкѣ, который подъ тихимъ характеромъ скрываетъ дурныя наклонности.

Смѣлымъ Бохъ уладея.

Снагаря паймалъ: насмѣшка надъ дѣтьми, которыя зимою, бѣгая долго по улицѣ, назнобятъ лицо.

Снявши голаву па валасамъ ни плачуть.

Сокалъ съ мѣста, варона на мѣста: говорятъ шутливо, если кто, сидѣвши, встанетъ, а другой займетъ его мѣсто.

Солна ѣшъ, горькя пей—и умрешъ, ни сгніешъ: шутливо говорятъ при употребленіи соленой пищи или горькаго питья.

Соль табѣ у гласъ: говорятъ въ отвѣтъ тому, кто позавидуетъ кому въ чемъ-либо, опасаясь, дабы предметъ зависти не подвергся глазу (призору очесъ).

Соракъ лѣтъ—бабій вѣкъ.

Спасиба Гуру, што узялъ нашу дуру: говорятъ шуточно о замужней дочери.

Сперидy лижа, а ззаду стрыжа.

Спитъ сава, да курей бачить: о томъ, кто прикидывается простачкомъ.

Спорь да слёсъ, а абъ заклатъ ни бейси.

Спытки ни убытки, спросъ ни бида: говорятъ, совѣтуя не приступать самонадѣянно къ дѣлу, а спросить у знающихъ, какъ что дѣлать.

Ссылалси цыганъ на сваихъ дитей: говорятъ, если кто въ свое оправданіе ссылается на приближенныхъ къ нему.

Стала наша Матрёна ни пава ни варона: насмѣшка надъ тѣмъ, кто изъ низкаго званія къ высшему не присталъ, а отъ своего отсталъ.

Старага варабья на мякиня ни абманишъ: опытнаго обмануть трудно.

Старай долхъ лутчи нахотки.

Старай друхъ лутчи новыхъ двухъ.

Старай—што малай: старые да малые равны по силамъ.

Стара сабака, да ни батькію йе звать: не всякій старикъ достоинъ уваженія.

Старасть ни радасть, моладасть ни карысть: говорятъ шуточно старики сами о себѣ.

Старая кабыла баразды ня портя: о преимуществѣ стариковъ передъ молодыми въ опытности.

Старая пасловица вѣкъ ни сломитца.

Старъ да бадёръ—два угодья у нёмъ.

Страшинъ ракъ, да у гузня очи: говорятъ въ отвѣтъ на угрозы мелкихъ людей.

Страшинъ сонъ, да миласливъ Бохъ: говорятъ въ отвѣтъ при угрозахъ.

Стрыляй сароку и варону, пападешь и у яснага сокала: наставленіе не пренебрегать малою прибылью, а при терпѣніи можно достигнуть и большой.

Стыдна сказать, грѣхъ потаить.

Судьбы канёмъ ни абъѣдишъ.

Сужанага канёмъ ни абъѣдишъ.

Сулёная готъ ждѐтца: имѣй терпѣніе въ ожиданіи обѣщаннагo.

Сухая лошка ротъ дире: говорятъ, когда для успѣха въ дѣлѣ необходимъ подарокъ.

Схадись—бранись, а расхадись—мирись.

Схамянулси у свиныи полдни: поздно хватился за умъ.

Съ аднаго вала двухъ шкуръ ни дяруть.

Съ валками жыть—па волчью выть.

Съ лица вады ня пить: не въ красотѣ лица состоитъ достоинство человѣка.

Съ міру па нитки—голаму рубашка.

Съ наска бьеть: о томъ, кто гордыми поступками оскорбляетъ другихъ.

Съ нимъ каши не сваришь: о томъ, съ кѣмъ трудно сойтись въ чемъ-либо.

Съ паклону галава ни атвалитца: наставленіе кланяться всякому, быть почтительнымъ.

Съ свинымъ рыламъ у калашнай рятъ ня суйси: говорятъ въ укоръ мелкимъ людямъ, которые или вмѣшиваются не въ свое дѣло, или лѣзутъ туда, гдѣ они не нужны.

Съ умнымъ пагаварить—ума набратца, а съ дуракомъ—и паслѣдній патиряишъ.

Съ умомъ харашо и суму насить, а бизъ ума и тае патиряищь: съ умомъ и бѣдность не страшна.

Съ харошага кусточка харошая и ягатка: въ похвалу дѣтей честныхъ родителей.

Съ чужога каня сирётъ грязи далой.

Съ чужога пахмелья галава балить: чужія дѣла не даютъ покою.

Съ щастьимъ харашо и па грябы хадить: говорятъ шуточно, если кому все удается.

Сытъ галоднага ни разумѣя: говорится въ разныхъ случаяхъ, гдѣ только высказывается невнимательность къ другимъ или несострадательность къ бѣднымъ и неимущимъ.

Сѣй хоть у золу, да у пору: наставленіе стариковъ молодымъ хозяевамъ сѣять хлѣбъ въ свое время, хотя бы и въ сухую землю.

Сядимъ у рятъ, пагаваримъ у латъ: говорятъ шуточно въ гостепріимной бесѣдѣ.

Сяки дерива па сибѣ.

Сярковы очи: о безстыдномъ.

Тады бапка варажить стала, какъ хлѣба ни стала: о томъ, кто тогда началъ заботиться о дѣлѣ, когда оно пошло худо.

Тады была учить, какъ папирёкъ лавачки лижалъ: въ укоръ родителямъ, которые въ молодости баловали дѣтей и не пріучали къ трудамъ и благонравію.

Тады дѣвушка радитца, кали за мужамъ удадитца.

Тады ражживемси, какъ у пастухи наймемси: шутка хозяевъ при недостаткѣ чего-либо въ хозяйствѣ.

Талкавать—начинать: говорятъ при толкахъ или спорахъ для того, чтобы положить имъ конецъ.

Талкачъ аблизалъ: насмѣшка надъ женихомъ, который получилъ отказъ.

Талкуй Захаръ съ бабаю: говорится, когда кто, долго толкуясь съ кѣмъ-либо, не соглашается.

Талкуй сабѣ—я пра Хаму, а ты пра *И*рему: говорятъ въ тѣхъ же случаяхъ.

Тамъ харашо, идѣ насъ нѣту: говорятъ тому, кто завидуетъ чужому приволью.

Таргавалъ кирпичёмъ и асталси ни при чёмъ.

Тачили пъ воши, а то точуть да гниды: говорится, если кто переноситъ обиды отъ младшихъ.

Тибе толькя па смерть пасылать: говорятъ посланному, который не скоро возвращается.

Типерь ни да парсятъ, кали матку палять: теперь не до другихъ, когда есть свое горе.

Тирпёлъ Бохъ Кармилицъ: поговорка о долготерпѣніи Божьемъ.

Титъ! Хади малатить!—„Галава балить".—Хади вотку пить!—„Дай зипунишка ухватить": насмѣшка надъ лѣнтяями.

Тиша ѣдишъ—даля уѣдишъ.

То будя, што и насъ ня будя.

Толькя и радни, што лапти адни: говорятъ про тѣхъ, у которыхъ или вовсе родныхъ, или есть, но такіе, съ которыми не имѣютъ никакихъ родственныхъ отношеній.

Толькя и ходу, што изъ броду да у воду: говорятъ о томъ, кто въ выходѣ изъ дома или въ знакомствѣ ограничиваетъ себя не больше какъ однимъ домомъ или мѣстомъ.

Трашшинай волкъ пня баитца.

Трашшинай заицъ кошки баитца.

Трашшиная варона куста баитца: напуганный человѣкъ всего опасается.

Трудна бяду згарадить, бида дяньгу радить.

Тутъ саха и барана: тутъ всѣ средства къ жизни.

Ты *и*го ксти, а ёнъ кричить „у воду пусти": ему говорятъ то, а онъ твердитъ свое.

Ты, Божа, памажи! а ты, лежинь, ни ляжи! наставленіе быть трудолюбивымъ.

Ты хочишь на́ гару, а чортъ за́ нагу: ты отъ бѣды, а бѣда впереди.

Тѣмъ жа саламъ да па тэй жа кожи: совѣтъ покрывать издержки или убытки по хозяйству доходами изъ него же.

Тѣхъ жа щей да пажыжа улéй.

Тѣ шъ гости да у другіи двери: говорятъ насчетъ того, кто наскучаетъ частымъ посѣщеніемъ.

Тѣ шъ дранки да на изнанку: говорятъ въ насмѣшку о тѣхъ, которые перешиваютъ платье, подражая модѣ.

Тярпи горя, пей мётъ: говорятъ въ насмѣшку тому, кто притворно представляетъ себя терпящимъ нужду или горе.

Тярпи, казакъ—атаманамъ будишъ: терпѣніе все преодолѣваетъ.

У бабы воласъ длининъ, да умъ каратокъ: говорится при неудачахъ, происшедшихъ отъ ея опрометчивости или ошибокъ.

У багатага мужика ни узнаишъ сына дурака.

Убилъ бабра: насмѣшка при неудачной женитьбѣ.

У Бога усё гатова.

У Бога усиго многа.

Убяри пня—и пень харошъ: говорятъ, завидую наряжающимся.

Увъ адномъ карманя увошъ на арканя, у другомъ—блаха на чапи.

У васъ праздничикъ блиска—вамъ кланитца ниска: говорятъ шуточно тому, у кого предстоитъ угощеніе.

У вора дубинку укралъ.

Угаворицъ—братицъ.

Угаворъ лутчи денихъ.

Угадай да двѣ денишки дай.

У гастяхъ да на посланамъ: говорятъ шутливо гости, остающіеся ночевать, при извиненіи хозяина въ недостаткѣ постелей.

У гастяхъ харашо, а дома ишшо лутчи.

У дароги и батькя—таваришъ: о свободномъ обращеніи дорожныхъ людей, несмотря на различія состояній.

Удасса—квасъ, а ни удасса—кислаи щи.

У добрага хазяина па аднэй ни закусаваютъ: шуточно говорятъ гости за закускою, намекая хозяину потчевать ихъ по другой чаркѣ.

У добрай часъ сказать, у худой—памалчать.

Удралъ галку пó баку: говорятъ въ насмѣшку, если кто необдуманно или некстати что-либо сдѣлаетъ или скажетъ.

У зимы ротъ вяликъ.

Узялъ кабалу̂ на сваю галаву̂: говорятъ, если кто взялъ на себя лишнія хлопоты.

У иго тамъ и печки и лавачки: говорится о домашнемъ другѣ.

У каго дѣтки, у таго ягатки.

У каго матка, у таго галовка глатка.

У каго табачёкъ, у таго празничекъ: насмѣшка надъ тѣмъ, кто нюхаетъ табакъ.

У каго у рукахъ, у таго у вустахъ: говоритъ гость хозяину при потчеваніи какимъ-либо напиткомъ.

У карманъ за словамъ ни палѣзя: говорятъ о томъ, кто свободно объясняется.

У людей Ананья, а дома чортъ ни найдя: говорятъ о томъ, кто любитъ въ гостяхъ попить и поѣсть, а самъ избѣгаетъ пріема гостей.

У людей дѣтачки—люба паглядѣть: говорятъ родители въ укоръ своимъ дѣтямъ.

У лѣся драва рубютъ, а у горатъ шшепки литятъ.

У лянивай пряхи нѣтъ пра сибе рубахи: говорится насчетъ лѣнивыхъ.

Умёнъ, какъ попъ Симёнъ—книги прадалъ, карты купилъ: шуточно говорятъ о томъ, кто полезное мѣняетъ на безполезное.

Умнаю рѣчь и слухать харашо.

Умна жана, какъ мѣхъ пшана, а какъ два—ишшо умнѣй: у богатаго всегда жена умна.

Умри ты нынча, а я завтра; или: пацалуй ты мине нынча, а я тибе завтра: отказъ на просьбу того, кто думаетъ настоять на ней силою обѣщаній.

Умъ—харашо, а два—ишшо лутчи.

У палки два канца: отвѣтъ угрожающему палкою.

У поли двѣ воли: на свободѣ, какъ въ полѣ, можно выбирать любую дорогу.

У Польши нѣтъ хазяина больши: говорятъ шуточно хозяину при потчеваніи.

У рубашки радилси: о счастливцѣ.

У сваей избѣ и углы памагаютъ: говорятъ, когда посторонніе въ чужомъ домѣ заводятъ распри.

Усё ядина—што макъ, што рябина.

У старца сумку атнять: говорятъ, когда бѣднаго лишаютъ послѣдняго достоянія или помощи.

У страха очи вялики.
Усъ, барада—честь, пахвала.
Усѣ капильки падабралъ: говорятъ, если кто совершенно схожъ съ кѣмъ, особенно въ жестахъ, ухваткахъ и поговоркѣ.
Усѣ люди, усѣ чилавѣки; то будя, што и насъ ня будя.
Усю паднаготнаю прашолъ: о пройдохѣ, который все видѣлъ.
Усю паткалоднаю зная: о пронырливомъ, отъ котораго не скрываются никакія тайны.
Усякая дѣльца любя глядѣльца.
У сями дварахъ адинъ тапоръ.
У сями няникъ дитё бизъ глазу.
У сямьи ни бизъ уроды.
У таски чара вилика, да дна ня выпьишъ: о трудности переносить горе.
У тихамъ балотя черти водютца.
Утра вечира мудрянѣя.
У хату напливалъ: говорятъ о такомъ гостѣ, который былъ на самое короткое время.
У хвостъ и у голаву: говорится, если кто всегда и вездѣ носитъ одно и то же платье, по неимѣнію другого.
Ухо́мъ ни виде́ть: о неслухѣ.
У чливай нявѣстки усигда мала дабра: о щедромъ.
Учонага учить—толькя портить: говорится, если кто не хочетъ принять совѣта въ чемъ-либо.
У чужихъ рукахъ пирохъ вяликъ: говорятъ тому, кто завидуетъ участи другого.
У чужомъ глазу и пылинка видна, а у сваемъ и бривна ни найдешъ: говорится, если кто замѣчаетъ меньшие пороки у другихъ, а у себя и большихъ не замѣчаетъ.
У чужомъ пиру пахмелья.
У чужую церкву съ сваимъ уставамъ ня ходють: говорятъ въ укоръ тому, кто навязывается съ своими наставленіями или совѣтами въ чужомъ дѣлѣ.
Хадилъ ни по́ шта, принёсъ ничиго́.
Хамутъ да дуга—уся вага.
Харашо дуть, какъ дадуть: говорятъ тому, кто напередъ разсчитываетъ получить отъ кого что-либо.
Харашо ни находисси, слатка ни наѣшси.
Харашо таго бить, хто плача.
Харашо таго учить, хто слухая.
Харашо таму бяситца, каго прытки бяруть: говоритъ тотъ, кто или не расположенъ, или вовсе лишенъ возможности веселиться такъ же, какъ другіе.
Харошая слава далёка лятить, а худая ишшо даля.
Харошъ, какъ свинья у дошъ.
Харошъ день, да бить некага.
Хатѣлъ, да Хатей ни вялѣлъ: говорятъ въ шутку тому, кто, извиняясь въ неисполненіи чего-либо, говоритъ, что онъ хотѣлъ, но не могъ.
Хатѣлъ плюнуть за́ гаратъ, а плюнулъ сабѣ на́ варатъ: говорится насмѣшливо о томъ, кто затѣялъ много, а окончилъ ничѣмъ.
Хахолъ узатъ умёнъ: насмѣшка надъ малороссіянами.
Хвали руку, таваръ видинъ: говорятъ продавцу, который расхваливаетъ свой товаръ, или тому, кто хвалитъ свое что-либо, не стоящее похвалъ.

Хвалитца—ни падивитца.
Хвалькё нахвалитца, а живко наживетца: отвѣтъ на угрозы.
Хвароба никаго ни крася.
Хвароба уходя пудами, а выходя залатниками: говорятъ при продолжительной болѣзни.
Хвастливага съ багатымъ ни узнаишъ.
Хватай юшку, рыба на днѣ.
Хватилъ гарячаго да слёсъ: насмѣшка надъ пьянымъ.
Хватилъ шиламъ патаки: насмѣшка надъ человѣкомъ, не успѣвшимъ въ своихъ пролазахъ.
Хврантъ—сапаги у рантъ, да бисъ падошавъ: насмѣшка надъ тѣмъ, у кого нарядъ не соотвѣтствуетъ состоянію.
Хиба толькя свѣту, што у вакнѣ: говорятъ, когда не удается въ какомъ-либо одномъ предпріятіи.
Хлѣбу мѣра, а де́ньгамъ шшотъ.
Хлѣпъ да вада—салдацкая *ида*.
Хлѣпъ да вада—усяму галава.
Хлѣпъ за брюхамъ ни пагонитца: говорятъ тому, кто по упрямству не станетъ ѣсть.
Хлѣпъ-соль заимная дѣла.
Хлѣпъ-соль ѣшъ, а правду што рѣшъ.
Хоть бабушка рѣпку пой: говорятъ въ разныхъ случаяхъ, гдѣ встрѣчается невозможность выйти изъ затруднительнаго положенія.
Хочь близакъ локать, да *и*го ни укусишъ.
Хочь бы памяло, абы на умъ навяло: говорятъ въ наставленіе не пренебрегать совѣтами незначительныхъ людей.
Хочь волкамъ вой: говорятъ при невозможности выйти изъ непріятнаго положенія.
Хочь голъ, да правъ: говорятъ въ похвалу бѣднаго, но честнаго человѣка.
Хочь гряшно, да барышно.
Хочь губа талста, да кишка пуста: говорятъ о томъ, кто по капризу останется не ѣвши.
Хочь дуракъ, да жанатъ: говорятъ въ шутку, извиняя неблагоразумие женатаго человѣка.
Хочь жаль бачку, да весть на пагостъ: шутка при сожалѣніи о неизбѣжной потерѣ.
Хочь малъ, да удалъ.
Хочь ни багать, да тараватъ.
Хочь нѣтъ барыша, такъ слава хараша: шутка при неудачной торговлѣ.
Хочь ня книжинъ, да глатка стрыжинъ: говорятъ болѣе въ шутку тому, кто гладко стрижетъ голову.
Хочь плюй яму у глаза, яму усё Божья раса.
Хочь плюнь да свисни: говорятъ при невозможности достигнуть чего-либо.
Хочь талкачемъ, такъ есть па чемъ: шутка надъ дороднымъ.
Хочь уплынь плыть, да у милага быть: для свиданія съ другомъ можно преодолѣть всѣ препятствія на пути.
Хочь худинькіи (штаны), да съ пугавками: говорятъ въ насмѣшку о томъ, кто при бѣдной одеждѣ подражаетъ модѣ.
Хочь щей гаршокъ, да самъ бальшой: лучше имѣть скудную пищу, да быть самому хозяиномъ, нежели при довольствѣ въ пищѣ жить у людей.
Хочь щи ни салёнаи, такъ штаны зиленаи: насмѣшка надъ тѣмъ, кто любитъ хорошо одѣваться, а дома терпитъ нужду.
Хочь ѣсть нечига, да жить весила.

Хочь яму колъ на галавѣ тяши: о неслухѣ или о глупомъ и непонятливомъ человѣкѣ.

Хто бапки ни унукъ; хто Богу ня грѣшинъ, царю ни винаватъ.

Хто дѣлая усё на авось, у таго усё хоть брось.

Хто кралъ, тотъ силу клалъ: и краденое достается не безъ труда.

Хто любя папа, хто пападью, а хто папову дочку: у каждаго свой вкусъ.

Хто людей ня слухая, тотъ Богу спорникъ.

Хто малчить, тотъ двухъ научи́ть: говорится въ похвалу молчаливости.

Хто многа зная, таму и книги у руки: говорятъ болѣе въ насмѣшку тому, кто выказываетъ себя много знающимъ.

Хто на́ мари ни бувалъ, тотъ бяды ни видалъ.

Хто ни видилъ горькига, тотъ ни увидя слаткага.

Хто новины ни видалъ, тотъ и веташи ратъ: кто не видалъ лучшаго, тотъ доволенъ и худшимъ.

Хто ня попъ, тотъ батькя: кто бы ни былъ онъ, мнѣ все равно.

Хто позна ходя, тотъ самъ сабѣ шкодя: говорятъ шуточно гостю, опоздавшему на угощенiе.

Хто празничку ратъ, тотъ до́ свиту пьянъ: насмѣшка надъ тѣмъ, кто въ праздникъ рано напивается пьянъ.

Хто рана уставая, таму Бохъ давая: говорится о пользѣ встающихъ рано для работы.

Хто смѣлъ, тотъ два съѣлъ: говорятъ о томъ, кто смѣлостью выигрываетъ болѣе другихъ. Буквальный смыслъ пословицы слѣдующiй: въ большомъ семействѣ или въ артели работниковъ за столомъ часто несмѣлому не достается съѣсть ни одного лакомаго куска, а смѣлому вдвойнѣ достается.

Хто старая успомня, таму гласъ вонъ.

Хто съ кѣмъ танцуя, тотъ таго цалуя: шуточно говорятъ мужчины женщинамъ по окончанiи танца.

Хто у лѣсъ, хто па драва.

Хто утапая, тотъ за саломинку хватаитца.

Худа таму дому, идѣ жана папомъ, а мушъ дьяканамъ: говорится о такомъ супружествѣ, гдѣ жена старше мужа.

Худая трава исъ поля вонъ.

Худой миръ лутчи добрай брани.

Хутъ ли мужишка—затулья маё: завалюсь за иго, ни баюсь никаго: лучше имѣть плохого мужа, нежели вовсе никакого,—говорятъ при лишенiи мужей или въ наставленiе женамъ, недовольнымъ мужьями. Вар.: Хутъ ли мушъ, да падворья маё—завалюсь и проч.

Царь гарада латая.

Чаму быть, таму ни минавать.

Часамъ—съ квасамъ, парою—съ вадою: говорятъ про собственную умѣренную жизнь.

Часъ добрай—хвостъ долгай: говорятъ въ насмѣшку тому, кто, обидѣвшись, уходитъ откуда.

Чванитца, какъ пападья на паминкахъ: насмѣшливо говорятъ о чванныхъ.

Честь лутчи бящестья.

Чиго дома ни пякуть, таго и у людихъ ни дадуть: говорятъ при неудачной попыткѣ занять что-либо у людей.

Чиго ня выприла падъ дымкомъ (зимою), таго ня выпридишъ патъ тынкомъ (лѣтомъ).

Чилэкъ притпалагая, а Бохъ распалагая.

Чилэкъ чилэку рось.
Чирясъ губу ня плюня: о томъ, кто загордился.
Чирясъ пень калоду валя: о такомъ человѣкѣ, который лѣниво работаетъ.
Чирясъ силу и конь ни пряня: говорится болѣе при болѣзненномъ состояніи; значитъ: безъ силы работать невозможно.
Чичавика ни вялика, да у мишокъ ня лѣзя: дѣло небольшое, да сдѣлать трудно.
Чишша вады ня будишъ: говорится тому, кто разборчивъ при питьѣ воды.
Чернаго кабиля ня вымаишъ да-била: насмѣшка надъ смуглымъ.
Чортъ бидами калыша: говорятъ при какой-либо бѣдѣ.
Чортъ бяри абѣхъ, абы я атъ нихъ атбѣхъ: говоритъ тотъ, кто не хочетъ вмѣшиваться въ непріятности другихъ.
Чортъ миру ня любя: говорится въ случаѣ ссоръ и дракъ.
Чортъ—ня свой братъ.
Чортъ пару снёсъ: говорятъ о такомъ супружествѣ, въ которомъ мужъ и жена похожи другъ на друга крутымъ характеромъ, неуступчивостью и т. под.
Чортъ плачитца, што моды ни настачитца: противъ модъ.
Чортъ силёнъ, да воли нѣтъ.
Чортъ чартовку палюбилъ у пятровку: насмѣшка надъ имѣющими непотребныя связи.
Чудиса у ришатѣ: диракъ многа, а выскачить некуды.
Чужая адёжа—ни надёжа: замѣчаніе тому, кто беретъ чужое дитя вмѣсто своего.
Чужая балячка никаму ни бальна.
Чужая бида никаму ни видна.
Чужая душа—патёмки.
Чужая хата горша ката: невыгоды жизни въ чужомъ домѣ.
Чужой ротъ ни гаротъ—ни загародишъ: говорятъ жалующемуся на осужденіе, клевету, или ругательство другихъ.
Чужоя дитё учить—толькя глаза парашить (навлекать неудовольствіе).
Чужоя сваимъ ни завуть.
Чужуя бяду руками развяду, а сваей ума ни прибяру: говорятъ насчетъ того, кто о чужихъ дѣлахъ судитъ, какъ опытный знатокъ, а въ своихъ собственныхъ ошибается.
Чья пъ карова рявѣла, а твая пъ дамно анямѣла: говорятъ въ упрекъ тому, кто вмѣшивается некстати въ чужой разговоръ или въ людскія сплетни.
Чѣмъ багатъ, тѣмъ и ратъ: говорятъ, извиняясь при угощеніи.
Чѣмъ зашипси, тѣмъ лячись: говорятъ шуточно тому, кто на похмелье жалуется на нездоровье.
Чѣмъ чортъ ня шутя.
Шалудиваму парсёнку у Пятровки зима: говорятъ о томъ, кто жалуется при теплѣ на холодъ.
Шатай—валяй: о разгульномъ человѣкѣ.
Шиваратъ на выварать, затылкамъ напирётъ: одно и то же въ другомъ видѣ.
Шиламъ моря ни нагрѣишъ: говорятъ тому, кто думаетъ поправить свое состояніе мелкими средствами, или много упущенное дѣло ничтожными трудами.
Шила у мяшку ни утаишъ: говорится въ такомъ случаѣ, когда трудно скрыть что-либо.

Шить ли, бялить ли—завтра вялйкъ-динь: говорится, когда по краткости времени нѣтъ возможности успѣть сдѣлать нужное дѣло.
Шкадливъ какъ кошка, трусливъ какъ заицъ.
Што Бохъ, то—Бохъ, а што Миканоръ Иванавъ—то *И*го свитая воля.
Што была, то видили, а што будя, то увидимъ: говорится при угрожающемъ будущемъ.
Што была, то прашло.
Што была, то сплыла.
Што есть—умѣстя, чиго нѣтъ—папаламъ: говорится, когда между друзьями нѣтъ ничего раздѣльнаго.
Што есть у пячи, усё на столъ валачи: говорятъ радушные хозяева при угощеніи гостей.
Што знаишъ, таго за плячами ни насить: знаніе не тяготитъ.
Што издѣлаишъ нынча, таго ня дѣлать завтра: наставленіе не быть празднымъ.
Што казами сѣна травить: говорятъ, не совѣтуя потчевать горячими напитками молодыхъ людей.
Што написана пяромъ, таго ня вырубишь тапаромъ: говорятъ при письменномъ утвержденіи условій и обязательствъ.
Што наша честь, кали нечига ѣсть.
Што ни галава, то разумъ.
Што ни горатъ, то норавъ, што ни диревня, то абычій.
Што ни у ротъ, то спасиба: говорятъ о хорошемъ кушаньи.
Што ни дѣлаитца, то усё къ лутчиму.
Што пасѣилъ, то и жни.
Што пра то гаварить, чаго у баршу ни варить: про невозможное и говорить нечего.
Што прашло, то праѣхала: прошедшаго не возвратишь.
Што съ воза упала, то—пиши—прапала: о невозвратимомъ.
Што твая честь, кали нечига ѣсть.
Што у твирёзага на умѣ, то у пьянага на *и*зыкѣ.
Што ѣлъ, што кушалъ—усё за абѣтъ пачтуть: говорятъ шуточно за столомъ тому, кто мало ѣстъ, или тотъ, кто много ѣстъ.
Шшогаль—каровьи ноги: говорятъ насмѣшливо объ одѣвающемся неловко или несоотвѣтственно своему званію.
Шшыпи куцка да самага Курска.
Щастья кулинкина—говорятъ при неудачахъ.
Ѣшъ боля, а гавари меня: наставленіе тому, кто много болтаетъ.
Ѣшъ, пака ротъ свѣшъ: говорятъ шуточно при угощеніи; значитъ: ѣшь, пока живъ и здоровъ.
Ѣшъ пирохъ съ грибами, дяржи языкъ за зубами: наставленіе тому, кто много болтаетъ.
Ѣшъ рыбу, да рыбака ня съѣшъ.
Яблачка атъ ябланки далёка ни аткотитца: о нравственномъ сходствѣ дѣтей съ родителями.
Ягорій съ мастомъ, а Микола съ гваздёмъ: по замѣчаніямъ простолюдиновъ, со дня Георгія (27 ноября) начинаютъ быть прочные морозы, а со дня Николая Чудотворца (6 декабря) становится настоящая зима.
Ядимъ да свой, а ты у парогя пастой: шуточный отвѣтъ на привѣтъ: „хлѣбъ-соль".
Языкъ бисъ кастей—гавари, што хочишъ: говорятъ съ спокойнымъ духомъ, выслушивая порицанія, упреки и въ особенности обидныя выдумки и насмѣшки отъ другого.

Языкъ да Кеива даводя: говорятъ тому, кто затрудняется неизвѣстностью пути.

Языкъ ни лапатка—зная, што слатка: шутка насчетъ того, кто любитъ сладкое.

Языкъ прикусилъ: говорятъ о томъ, кто отъ стыда замолчитъ.

Яйцы курицу ня учють: говорятъ въ укоръ младшему, который дѣлаетъ наставленіе старшему.

Яму хоть гарохамъ апъ стѣну бей; или—яму хочь колъ на галавѣ тяшы: говорится о непослушномъ или о непонятливомъ человѣкѣ.

Ясли къ лашадямъ ня ходють, а лошади къ яслямъ: говорятъ въ замѣчаніе тому, кто не ищетъ средствъ къ своему пропитанію.

„Я уклачу“ (говоритъ осень), „а я какъ захачу“ (говоритъ весна): поговорка о всходѣ хлѣба.

Я шъ ни харошъ, мине шъ и ни хвалють: насмѣшка надъ тѣмъ, кто, будучи виновенъ, оправдывается.

II.

Загадки,

записанныя въ городѣ Обояни и его уѣздѣ учителемъ Машкинымъ.

Чирненькя, маленькя—калоду варочія. (*Блоха*).
Баранъ у хляву, а рага за хливомъ. (*Буракъ*).
Трихнетца, давнетца, кровью абальетца. (*Вишни*).
Адинъ бяжить, другой ляжить, третій кланіитца. (*Вода, песокъ и камышъ*).
Четвира стелютца, двоя свѣтютца, а адинъ спать лажитца. (*Волкъ*).
Лятить арёлъ,— нисеть агонь; каго стрѣлъ, таго съѣлъ. (*Выстрѣлъ*).
Скручинъ, связанъ—пó зими скача. (*Вѣникъ*).
Шумить, гудить цѣлай вѣкъ, а ни чилавѣкъ. (*Вѣтеръ*).
Кру́гла, гарбата, окала лахмата; придеть бида, патикеть вада. (*Глазъ*).
Стаить дупъ абъ двинатцати витей, на кажнай вяти па чатыри гнизда, у кажнамъ гнѣздѣ па сями яицъ. (*Годъ*).
Сколькя лѣтъ тярпѣлъ, сколькя душъ кармилъ—дѣ упалъ, тамъ прапалъ. (*Горшокъ*).
Жилъ панъ гадама́къ—всѣхъ людей гадавалъ—дѣ упалъ, тамъ прапалъ, нихто кастей ни сабралъ. (*Тоже*).
Стаить сталбомъ, гарить агнёмъ: нѣтъ ни пару, ни жару, ни уголья. (*Горящая свѣча*).
Слипой Матвѣй пó палю загоняя свиней. (*Гребешокъ*).
Кистянтинъ чирязъ гору свиней гоня. (*Тоже*).
Мастиръ дѣлалъ ни зли сибе; а хто купилъ, таму ни нада; а каму нада, тотъ ни зная. (*Гробъ*).
Рявнулъ волъ на ста горъ, на ста гарадовъ. (*Громъ*).
Сивай жирбецъ па всяму свѣту ржеть. (*Тоже*).
Ня гусь, ни баранъ: на блюдя ни бувалъ, а всякъ *и*го *и*далъ.
Лебить бѣлай на блюдичку не былъ, ножичкамъ нярушинъ, а всякъ *и*го кушалъ. (*Грудь*).
Два лижа, два стоя—адинъ ходя, другой водя. (*Дверь*).
Лигла гася, растиглася, а какъ устаня, то нёба дастаня. (*Дорога*).
Ляжить мирзлякъ, гаварить ёнъ такъ: кабы я усталъ, такъ бы нёба да сталъ. (*Тоже*).
А што такавó, чиго у вузлокъ ни свяжишъ? (*Тоже*).
А што таково, што бясъ твѣту твите? (*Дѣвица*).
Сининькій клубочикъ бягитъ патъ дубочикъ. (*Жолудь*).
День картить, ночь картить, падъ затопамъ спить. (*Заслонка*).
У горадя рубють, а за́ гаратъ шшепки литя. (*Звонъ*).
Полъ дуба сырога, полъ дуба сухога. (*Зима и лѣто*).
Поланъ палавень бѣлыхъ галубей. (*Зубы*).
Окала прирупки—бѣлаи галупки. (*Тоже*).
Бягить свинка—стальная спинка, альлиной хвостикъ. (*Игла съ ниткою*).
А што таковó, што ка всякаму пристала. (*Имя*).

Пóдъ лисамъ, лѣсамъ красная платья висить. (*Калина*).

Стаить попъ низакъ, на нёмъ сто ризакъ. (*Качанъ*).

Стаить Хвилатъ, на нёмъ сто латъ. (*Тоже*).

Два брата гонють, а два даганяють. (*Колеса въ повозкѣ*).

Узлѣзу я на мостъ, патяну быка за хвостъ, быкъ зариветь, па всяму свѣту загудеть. (*Колоколъ*).

Выду я на гой—гой ударю я гой—гой; разбужу я Царя въ Масквѣ, караля въ Литвѣ, старца въ кельи, дитя въ калыбели. (*Тоже*).

Первава мая вылитила птичка изъ рая; лятить—кричить, сядить—замалчить; хто ету птицу убьеть, тотъ сваю кровь пральеть. (*Комаръ*).

Сирётъ двара стаить капна—спéреди вилы, зъ заду митла. (*Корова*).

Два-ста пада-ста, чатыри-ста хада-ста, симóй памагай. (*Тоже*).

Чатыри чатырки, двѣ растапырки, адинъ балтунъ. (*Тоже*).

Ляжить свинка—выризана спинка. (*Корыто*).

Штука пряня, трава вяня. (*Коса*).

Што-та за трава, што сляпыи знають? (*Крапива*).

У насъ падъ мастóмъ сидить барыня съ хвастомъ. (*Крыса*).

Вышла царица Арина, спрашиваить царя Калкалéя: идѣ нашъ царь дирянскай?—Пашолъ ва Глинъ горатъ ваивать. (*Крыса спрашивала прусака о котѣ*).

У нашай нявѣски семдиситъ рубахъ; дуня вѣтиръ, астанитца галà. (*Курица*).

Два парсёнка, чатыри хвастёнка. (*Лапти*).

Шила-матавила падъ нибисами хадила, па Турецки закидала, па Нимецки гаварила. (*Ласточка*).

Бясъ стуку, бизъ гряку мостъ памашшонъ. (*Ледъ*).

Ѣду, ѣду, слѣду нѣту; рублю, рублю, шшепакъ нѣту. (*Лодка*).

А што такаво, што зиму и лѣта на дномъ палазу ѣздя? (*Лошадь*).

Ляжить на палатихъ увесь у заплатахъ, хто ни гляня, тотъ заплача. (*Лукъ*).

Стаить дупъ старадупъ; на томъ дубя старадубя сидить птица виртяница, нихто йе ни дастаня: ни Царь, ни Царица, ни прикрасная дявица. (*Луна*).

Лысай быкъ падваротню глядить. (*Тоже*).

Сидить тютюшачка—ни звѣрь, ни птушачка. (*Лягушка*).

Падъ аднимъ калпакомъ—симъ сотъ казаковъ. (*Макъ*).

Малинкій мальчикъ скрость землю прашолъ, краснаю шапочку нашолъ. (*Тоже*).

Мархва у хатя, рукава на дварѣ. (*Матица*).

Соракъ цыганакъ на днэй падушки спя. (*Тоже*).

Рявцы рявуть, бягцы бягуть, сухо деривца нясуть,—ни трухнитца, ни варухнитца. (*Мертвецъ*).

Чирясъ тынъ-манастырь назатъ пятками. (*Молотокъ*).

У насъ, да у васъ парсёнакъ завясъ. (*Мохъ въ стѣнѣ*).

Пóдъ лисамъ, лѣсамъ талалай бреша. (*Мельница*).

Вякъ, вякъ—бисчирёвная сабачка (*Тоже*).

Бягить свинка изъ балота уся искалота. (*Наперстокъ*).

Расстялю рагошку, пасыплю гарошку, палажу хлѣба краюшку. (*Небо, звѣзды и луна*).

Два кольчика, два кончика, пасирётки гвоздикъ. (*Ножницы*).

Чорная карова усё стада пакалола. (*Ночь*).

Окала ямы сидя люди съ кіями. (*Обѣдъ*).

Стаить Гаврила замазанная рыла. (*Овинъ*).

Краснинькій качитокъ па изгаротки лазя. (*Огонь*).
Бизъ аконъ, бизъ двирей пална церква людей. (*Огурецъ*).
Махотачка маленькя, кашка сладенькя. (*Орѣхъ*).
Радилси—ни хрястилси, умёръ—ни спасъ, Баганосцамъ былъ. (*Осёлъ*).
Жали у поли два жница; приѣхали два купца,—кали мушъ жъ жаною, то Божа памажи! Кали братъ съ сястрою, то насъ рассмяши.—Ня мушъ жъ жаною, ни братъ съ сястрою, а иго матушка маей матушки свикровья была. (*Отецъ съ дочерью*).
Лятѣлъ панъ у воду упалъ, самъ ни зашипси, вады ни взмутилъ. (*Перо*).
Мать талста, дочь красна, сынъ хорабёръ па паднебисью пашолъ. (*Печь, пламя и дымъ*).
Поля бѣлая, сѣмя чорная; хто иго сѣя, тотъ самъ разумѣя (*Письмо*).
Курица-пустадомъ свила гнѣздо за дваромъ, снисла яйцо за гниздомъ. (*Плеть огуречная*).
Смошшинъ мостъ на миліёнъ вёрстъ, въ канцѣ маста раствёлъ твѣтъ на весь бѣлай свѣтъ. (*Праздникъ Пасхи*).
Тритцать гусей, пятдисятъ либидей, адинъ гагалекъ усѣхъ пирямохъ. (*Тоже*).
Малая малышка, залатая кубышка—ни звѣрь, ня птица, ни вада, ни каминь. (*Просо*).
Пять авецъ стохъ абъидають, а пять прочь адбигають. (*Пряденіе, дѣйствіе прядущаго*).
Лятѣлъ звирёкъ чирисъ Царскай дварокъ и гаварить: тутъ мая силка гарить. (*Пчела*).
Стаить дупъ латынскай—платья багатырская; хто нéйдя, тотъ зацопитца. (*Репейникъ*).
Загадаю я загатку, пирякину чирисъ грятку:
та мая загатка у готъ пайде, гадавикъ найде. (*Рожь*).
Заря зарница, красная дявица по палю гуляла, ключи патиряла: Сонца украла, мѣсицъ видилъ. (*Роса*).
Верть, верть у чирпочку смерть. (*Ружье*).
Ѣду ни путёмъ, пагоняю ни кнутомъ, кину ни палку, убью ни галку, шшиплю ня перья, ѣмъ ни мяса. (*Рыба*).
Кругла, да ни баба; съ хвастомъ, да ня мышъ. (*Рѣпа*).
Падъ дупкомъ, падъ карандушкамъ—ни то клубокъ, ни то камушикъ, ни то крысинай хвостъ. (*Тоже*).
У нашага сиротки загарѣлась у сирётки. (*Самоваръ*).
Лятѣли три павы—сирётъ двара пали—адна гаварить: мнѣ тутъ зиму зимавать, а другая—лѣта литавать, а третья гаварить: мнѣ зиму и лѣта пирямѣны нѣту. (*Сани, телѣга и лошадь*).
Сѣрая суконца лѣзя у ваконца. (*Свѣтъ*).
Сама гала, а рубаха за пазухаю. (*Свѣча*).
Вышалъ дѣтъ сямидисити лѣтъ, вынисъ унучку старя сибе. (*Священникъ съ Евангеліемъ*).
Малинькій, гарбатинькій усё поля праскакалъ. (*Серпъ*).
По́дъ лисамъ, лѣсамъ калёсы вися. (*Серьги*).
Сивая кабыла по палю хадила; къ намъ пришла, па рукамъ пашла. (*Сито*).
Жалѣзнай токъ, свиной пиратокъ, гаричанай пасадокъ. (*Сковорода*).
Бѣлинькій тулупчикъ шшитъ бязъ рупчикъ. (*Скорлупа*).
У лѣся радилась, у лѣся вырасла, а на рукахъ плача. (*Скрипка*).
Стаить Хвядосья—растрёпаны валосья. (*Снопъ*).
Услышали мякинники—уставайтя грячишники, пришла жалта-балта,

унисла шшадру—бадру. (*Собаки лаемъ дали знать хозяевамъ, что волкъ унесъ овцу*).

Стаить мостъ на симъ верстъ, на масту—ябланка, на ябланки твѣтъ—на весь бѣлай свѣтъ. (*Солнце*).

А што такаво, чиго у сундукъ ни замкнешъ? (*Тоже*).

Сама съ кулачокъ, а хвостъ съ памилокъ. (*Сорока*).

Чатыри брата падъ аднэю шляпаю стоя. (*Столъ*).

Лѣзу па жалѣзу на мяхкаю гору. (*Сѣдло*).

Громъ грямить, маланья свиркая: съ аднаго боку тая, съ другога замирзая. (*Тканье полотна*).

Стаить Миронъ—пална галава варонъ. (*Токъ*).

Мишъ двумя дубами завясъ тилёнакъ зубами. (*Топоръ*).

Стаить дѣтъ надъ вадою, труся барадою. (*Тростникъ*).

Скрость паталокъ чортъ кишку правалокъ. (*Труба*).

Два сивыхъ кабана усё поля залягли. (*Туманъ*).

Бязъ рукъ, бязъ нохъ на плитень диретца. (*Тыква*).

Жолтая курица патъ тынамъ дуитца. (*Тоже*).

Пришли нѣмцы падъ наши сѣнцы шкуры паласкать. (*Утки*).

Два раза радилси, ни разу ни хрястилси. (*Цыплёнокъ*).

Крякнула утка—нá мари чутка, сабралиси дѣтки ня днэй матки. (*Церковь*).

Стучить, грямить, вяртитца, никаго ни баитца. (*Часы*).

Стаять вилы, на вилахъ кочка, на кочки бочка, на бочки кивала, на киваля махала, на махаля зивала, на зиваля смаркала, на смаркаля маргала, на маргаля остравъ, на остравя козы.

Утрамъ—на читырёхъ, у полдинь—на двухъ, а къ вечиру ходя на трехъ нагахъ. (*Человѣкъ*).

Кастяшка сикеть, дирвяшка визеть, Андрюшка варочіить. (*Ѣда*).

Ходи ходя, виса висня; ходи хоча вису съѣсть; виса паня, ходи съѣсть. (*Яблоко и человѣкъ*).

У ваднэй кадачки два тестица—адно харашо, а другоя лутчи.

У вадномъ бачоначку два сорта вина. (*Яйцо*).

Стаить калода сиряди балота—ни трухня, ни гніе. (*Языкъ*).

III.

Образцы простонародныхъ разговоровъ города Обояни и его уѣзда.

Разговоры горожанъ:

1. Двухъ шибаевъ[1] *на базарѣ.*

— Маё вамъ!..
— Сё ли у добрамъ?..
— Какаво паживаишъ?
— Ни шатка, ни валка, ни на́ старану.
— Што тибе такъ долга ни видать? Ай ѣздилъ куды?
— Бралъ ярманачку[2] у Бѣламъ, да толькя учо́ра[3] пріѣхалъ.
— Ты, чай, па нашаму, сталъ быть[4] па шибайнай части?
— Што шъ дѣлать! нужда наўчить, какъ калачи ѣсть. Таргавалъ крамамъ[5] пускалси, выходить,[6] бакшевничить[7], а нужды сваей усё ни пасабилъ. Папытаимъ щастья у шибаяхъ.
— А какаво таргавалъ?
— Ничиво; на всё, примѣнна,[8] цѣны были падатны, толькя кряшъ[9] и вашшина пашли у гору[10].
— Многа была купца?
— На наши тавары купца была мала.
— Нѣтъ ли у тибе шкуръ прадажныхъ?
— Есть съ питокъ, и то габёлки[11] да жиребки[12].
— Етатъ таваръ намъ ни патхошъ.
— Ня купишъ ли ты у мине быракъ[13] съ палсотни?
— А пачёмъ?..
— Прихади, сайдемси.
— У мине есть пинёчки пудовъ на дисить,—ня хочишъ ли минькя́[14])?
— Я слышалъ, какава у тибе пинькя: сплошъ ямшычка[15]). Нѣтъ! ана на-

---

1) Шибай, или шибайла—мелкій торговецъ.
2) Брать ярманку—торговать на ярмаркѣ.
3) Учо́ра—вчера.
4) Торговать.
5) Крамъ—мелочной красный товаръ.
6) Выходить—поговорка, часто повторяемая торговымъ классомъ въ разговорахъ безъ нужды.
7) Бакшевничать—заниматься содержаніемъ бахчей.
8) Примѣнна и примѣрна—то же, что выходить (см. выше примѣч. 6).
9) Кряшъ—толстый грубый холстъ; хрящъ.
10) Пашли́ у го́ру—о товарахъ: возвысились въ цѣнахъ.
11) Габёлакъ—кожа съ годовалаго теленка.
12) Жирёбакъ—кожа съ жеребенка.
13) Быракъ—кожа съ ягненка.
14) Минькя́ -мѣнять.
15) Ямшы́чка—низкаго сорта пенька, скупаемая мелкими торговцами небольшими прядками.

шаму брату ни рука; а кали [16]) хочишъ, давай минять на паяракъ,—у тибе, гаварять, есть.
— Слухай, дружишша! мнѣ, примѣнна, на паяракъ минять ня сходна: ета таваръ, адно слова, маё пачтенія!.. ни успѣишъ вывисть на базаръ—бабьё [17]) ни дадуть стать, удрухъ расхватають. Пакупай лутчи на деньги.
— Пачёмъ за путъ?.
— Шишнатцать...
— Эка загналъ [18]) какую цѣну! Нильзя ли па тринатцати?
— Экай ты, садовая галава! Нынча за ету цѣну и пристрыжы [19]) ня купишъ. Ты знаишъ, што бясъ хлѣба нѣтъ абѣда... Да вонъ [20]) мнѣ самаму апшолси па питнатцати... А каковъ таваръ! Анады [21]) маи бабы выпрасили у мине хунтавъ съ дисятакъ, выходить, на сваи причиндалы [22]), а на ту пору лучись [23]) валнатёпы [24]),—да какъ пирябили *иво*, такъ што твой пухъ!
— Ну будя зубы чисать! Узялъ питнатцать?..
– Ни капейки ме́ня—шишнатцать... Признатца, мнѣ не́кали [25]) съ табою акашеливатца [26]). Прашшай!
— Слышъ! узялъ съ палтинаю питнатцать?..
— Сказана—ни капейки ме́ня.
— Эка, какой натурнай чилэкъ [27])! Вярнись! на, табѣ карбованицъ задатку, толькя магарычь твой.

2. *Двухъ встрѣтившихся на улицѣ женщинъ.*

— Здарова табѣ, Архип*и*вна! Ской далеча [1]) хадила?
— Да была, мая Ярмиль*и*вна, у ридахъ. Ай ни знаишъ, што мы сваю Пашутку прасватали? Ушъ была-та пичаль, была-та пичаль, што, мая матушка, савсѣмъ хлѣба ришила́сь [2]). Сямь*и*шша-та нисуютная [3]), *иво*-та (жениха) и хвалють и нѣтъ; атказатца—бутта нильзя: ты сама знаишъ—маетки [4]) наши ни бальшіи, а тутъ акрамя [5]) етай ишшо есть три нашейницы [6])—ушъ да людей дарастають; а заропшикъ-та [7]) адинъ; падмоги ишшо долга ждать: самаму бо́льшиму мальчику на Аспосъ [8]) толькя срамналась девить гадовъ. Думаишъ, думаишъ—да ашъ [9]) галава кру́гамъ пайдеть.

16) Кал*и́*—когда.
17) Бабьё—женщины.
18) Загнать—запросить непомѣрную цѣну.
19) Пристрыжъ—шерсть, снимаемая съ овецъ въ осень.
20) Вонъ—онъ.
21) Анады—на прошлыхъ дняхъ.
22) Причиндалы—вещи или части, составляющія принадлежность.
23) Лучись—вм. случились.
24) Валнатёпъ—тотъ, который бьетъ шерсть.
25) Не́кали—некогда.
26) Акаше́ливатца—упускать время, предаваться праздности.
27) Нату́рнай чилэкъ—упрямый человѣкъ.

1) Ской дале́ча—какъ далеко.
2) Хлѣба ришила́сь—совсѣмъ потеряла аппетитъ.
3) Нисуютная—неладная, несогласная.
4) Маетки—достатокъ, состояніе.
5) Акрам*я́*—кромѣ.
6) Нашейница—безполезная женщина, живущая на чьемъ-либо иждивеніи.
7) Заропшикъ—тотъ, который зарабатываетъ.
8) Аспосъ—праздникъ Рождества Пр. Богородицы.
9) Ашъ—такъ что.

— И, мая Архипьивна! Ништо—што Бохъ... Бисъ Бога ни да парога. Бисъ пакору свадьбы ни живеть. Тахъ-та и я, грѣшная, сваю Анюрку аддавала, ушъ сколькя была пакору. Бувалача—тотъ адно скажить, другой—другоя, а я атъ слесъ было адулась. А типерича—слава Тибѣ, Госпади! Хоть бы Гаспоть саздалъ усякаму праваславнаму такоя житьё. Вить, мая матушка, съ не уходамъ у домя аткуля [10]) узялси развытъ [11])—и съ людьми стали знатца и зли [12]) сибе ни у чомъ нѣтъ атказу, што на кусокъ, што на иноя што, а ушъ чашачка и рюмачка—павсигда. Свекаръ и свикровья душачки у ней ня слышуть, а ёнъ (мужъ) такъ у глазачки и глядить. Мались! Гаспоть миласливъ...

— Кабы та Мать Присвитая Багародица на насъ грѣшныхъ аглянулась. Да нѣтъ—ни наша-та щастья.

— А што ты у ридахъ-та брала?

— Да усё то-та нада, мая Ярмильивна... Узила штоху на саянъ [13]) и на шугайкю [14]), ситчику на три платьица да на абивачки [15]), штучку миркалику [16]) на утиришши застольнаи [17]), глатцовай [18]) кисейки на накрюшнички [19])... Да я ушъ ножуньки сваи притаптала, ходючи па ридамъ. А брала-та усё у на́биръ [20])—какъ-та будимъ атдавать.

— Ситицъ-та какой ты брала?

— Адинъ нимецкай [21]), другой разводной [22]), а третій—такъ сабѣ мурастинькій [23]). Вить некаму савѣту дать, што брать и какъ шыть, а сама савсѣмъ адурѣла, ума ни прилажу. Хочь бы ты када пришла пабалакать.

— А радня-та твая?..

— Какая?

— Да хочь бы Ликсандравна.

— Та-та паткалодная [24]). Па табѣ слова [25]), мая Ярмильивна,—ана пъ рада́ была мине у лошки утапить; а дочка йе ушъ чумавита—чумавита [26]), чисто чиресъ губу ня плюнить: мима прайдеть и здарова ни скажить... Вотъ жа я забарилась [27]). Прасти Христа ради! Спаси Христосъ за добраи рѣчи!

3. Сосѣда съ сосѣдомъ.

— Иванъ Максимычь! раскажы пажалуста, што ета у тибе нынча ночью былъ за гвалтъ [1])?

---

10) Атку́ля—откуда.
11) Развытъ—щедрость, нескупость.
12) Зли—для.
13) Саянъ—женская одежда въ родѣ сарафана.
14) Шугайкя—женская шубка, которая дѣлается нѣсколько въ окороть, но особенно полною въ подолѣ.
15) Абивачки—занавѣски, которыми, по мѣстному обыкновенію, завѣшиваются въ столахъ и кроватяхъ наружныя стороны.
16) Миркаликъ—миткаликъ.
17) Застольнаи ути́ришшы—полотенца для утиранія губъ и рукъ за столомъ.
18) Глатцо́вая кисея—гладкая кисея.
19) Накрюшнички—полотенца, которыя вѣшаются въ видѣ украшенія на зеркалахъ и на гвоздяхъ по стѣнамъ.
20) У на́биръ—въ долгъ.
21) Нѣмецкимъ ситцемъ называютъ вообще красные ситцы.
22) Разводно́й—состоящій изъ большихъ разводовъ, или узоровъ.
23) Мура́стинькій—состоящій изъ разныхъ неяркихъ цвѣтовъ
24) Паткалодная—злая, хитрая.
25) На табѣ слова знач.: между нами будь сказано.
26) Чумавита—спѣсива, горда.
27) Забари́лась—замедлилась.

---

1) Гвалтъ—шумъ, тревога.

— Да што, па́ринюшка... ахотнички [2]) прихадили. Вотъ я табѣ усю патарочію [3]) раскажу. Толькя мы маленичка прилегнули [4])—слышу—сабаки падня́ли брёхъ [5]); я пріусталъ тихонькя съ пастели и ну приглядаватца у вакно; вижу—што-та маячитца [6]) окала канюшни; я смикнулъ, у чомъ дѣла, и бросилси будить рибятъ. Пакуль [7]) рибята праснулись, а ужъ ани успѣли збить замокъ. Мы усѣ притаили духъ, стаимъ нагато́вя [8]). Вотъ видимъ, што адинъ изъ нихъ пашолъ у канюшню, а другой асталси зли варотъ каравульшымъ [9]). Тутъ я вижу, што нечива больша ждать, шапнулъ рибятамъ: за мною! и бросились пряма къ нимъ, кричимъ: лави! лави! Каравульшай тро́пнулъ [10]) пряма на гаро́тъ [11]), а мы—у канюшню, и думаимъ: ну, хочь адинъ да нашъ. Што шъ ты думаишъ? Ни тутъ-та была: вонъ, какъ лукавай, *и*рзнулъ [12]) падъ застрѣху, и былъ таковъ. Мы тѣмишъ [13]) выскачили за канюшню: паминай, какъ звали—сгнилъ, прапалъ.

— Какимъ жа ета по́бытамъ [14]) вонъ такъ скора праскачилъ скрость [15]) застрѣху?

— Апасля́-та [16]) мы разглядѣли, што ани прежа [17]) прарыли у застрѣхи дирькю на всякай случій.

— Да, нидобрая стала дѣитца у нашамъ горадя. Намедни [18]) шурьякъ [19]) расказалъ мнѣ тошъ аказію [20]). Къ *и*во лавки ночью падашли три малатца и ну пробавать замки. На ту пору пришлось *и*му съ работниками итить съ крупарушни дамой. Варишки, увидимшы людей, аташли прочь атъ лавки и пашли пряма на Пушнаровку, а вонъ съ рибятами—за ними уназарь [21]). Прашли улицу, другую, а да́ля [22]) спустились у лохъ, да низами праструнули [23]) альнишъ [24]) къ Абаянки; а аттуль [25]) паднялись на горку и падашли къ баньшику, аглянулись кругомъ—никаво нѣту. А наши у тёмнамъ кутку присѣли и глидять, што будить дальша. Вотъ ани начинають у заборя вынать [26]) доски; разабрали часть забора и пашли на дворъ. Тутъ наши бросились за ними, падняли гвалтъ, паузбулгачили [27]) хазя*и*въ и, какъ расъ, схватали галупчикавъ; пирвизали *и*хъ и атвяли пряма на съѣжжаю. Ушъ ни знаю, чѣмъ ета дѣла кончитца.

---

2) Ахотниками въ шуточномъ смыслѣ называютъ воровъ.
3) Патарочія—разсказъ о какомъ-либо происшествіи.
4) Прилегну́ть—нѣсколько заснуть.
5) Брёхъ—лай.
6) Мая́читца- представляется глазамъ.
7) Паку́ль—пока.
8) Нагато́вя– въ готовности.
9) Карау́льшымъ—караульнымъ.
10) Тро́пнулъ—скоро побѣжалъ.
11) Гаро́тъ—огородъ.
12) *И*рзнулъ--скоро ушелъ, скрылся.
13) Тѣмишъ—въ то же время.
14) Побытомъ—способомъ, образомъ, манеромъ.
15) Скрость—сквозь.
16) Апасля́—послѣ.
17) Прежа—прежде.
18) Намедни—нѣсколько дней назадъ.
19) Шурьякъ—шуринъ.
20) Аказія—происшествіе, достойное удивленія.
21) Уназарь—не спуская глазъ, слѣдя за кѣмъ-либо.
22) Даля—дальше, потомъ.
23) Праструну́ли—прошли, пробрались.
24) Альнишъ—даже.
25) Аттуль—оттуда.
26) Вына́ть—вынимать.
27) Паузбулгачили--поразбудили отъ сна, порастревожили.

4. Кумы съ кумою.

— Спасиба табѣ, кумушка, што пришла мине правѣдать. Правадёмшы сваихъ... адна скука да таска мине съѣла.

— Да будя, будя; а чёмъ ета? Ай нидаѣтки, ай нидапитки...

— Рибитёнки, кума, састарили мине: то тотъ, то другой, бéспиричь [1]) хвараютъ. Адинъ твой хресникъ далси мнѣ знать—кричитъ какъ пирясѣчинай; ни дня ни ночи яму нѣтъ. Хто знаитъ, што у ниво балитъ.

— У, кума, да ета у ниво криксы [2]). Ты вазьми, три зари панаси *и*во патъ курей.

— Вить ни знаю, какъ *и*хъ загавариваютъ.

— Да вотъ какъ: какъ сядутъ куры на насѣсть, ты вазьми рибёнка и падняси падъ нихъ, да и скажы: куры рябаи, куры чернаи! Вы вазьмитя сваи криксы атъ хришшонава, паражонава, малитвиннава раба Божь*и*ва Ивана; а пóтамъ плюнь три раза, пирвярнись и иди бизъ аглятки. Снóсишъ три зари—куды што дѣнитца. Тахъ-та мой Пятюшка былъ мастинькій [3])... Яму и падѣйси зъ гласъ,—какъ типерича помню—Антониха асурочила [4]) *и*во,—бувалача ни дня ни ночи яму нѣтъ пакою—съ крику натсадилси. Спасиба пакойница—матушка, царства ей нибесная, пришла ка мнѣ и научила, какъ палячить; я издѣлала такъ—и какъ рукою снило.

— Ну, харашо; нынча шъ издѣлаю. Пасиди ка крошачку, кума, а я паставлю самаварчикъ.

— И, што ты, кума! Я ни затѣмъ къ табѣ пришла. Я пришла расказать табѣ аказію. Учирася вечирамъ—мы ушъ павичерили; Михалычь мой памалилси Богу и хатѣлъ лажитца спать, а мы съ Пронюшкаю [5]) ишшо каё—што па дамашниму прибирали,—слышимъ – хто-та стучитца у варта; я и гаварю: выди-ка, Михалычь, узнай, хто тамъ стучитъ. Михалычь разадёшкаю [6]) выскачилъ на дворъ. Я и байдюжа [7]), прибираю сабѣ пасуду, а Пронюшка стала станавить пираги—хропъ [8])! а вонъ видетъ гастей. Гаврила Трихванычь съ сынамъ и са всею раднёю пріѣхали глядѣть Пронюшку [9]). Я такъ и ахнула. Признатца, мы ни ждали *и*хъ учира, а ждали нынча—и ничѣмъ ни гатовились. Што мнѣ дѣлать? чѣмъ чиставать [10]) нижданыхъ гастей? Спасиба на ту пору лучилси парсёнакъ жаринай; парсёнакъ-та былъ важнай [11])—исъ цуцкихъ [12]). Сватъ-ни сватъ, а добрай чилавѣкъ—нада принять. Паставила, мая матушка, самаварчикъ—и вотачка была дома, да жаль, што ренскава ни лучилось. Слова пó славу, сваты стали прасить паглядѣть Пронюшку. Вотъ ана, мая дититка, вышла, павапаваю! У первай расъ у штохвиннамъ саяня, у другой у матерчитамъ платью, а у третій у шырстяномъ. [13]) Гаврила Трихванычь заикнулси бы́ла

---

1) Беспиричь—безпрестанно.
2) Криксы: такъ называютъ дѣтскія болѣзни, отъ которыхъ дѣти сильно кричатъ.
3) Мастинькій—маленькій.
4) Асурочила—сглазила.
5) Пронюшка—ласкательное имя Прасковьи.
6) Разадёшкаю – раздѣвшись.
7) Байдюжа—не обращая вниманія.
8) Хропъ—междометіе, выражающее нечаянность.
9) По мѣстному обычаю, женихъ въ первый разъ смотритъ невѣсту въ присутствіи родныхъ.
10) Чиставáть—потчевать, угощать.
11) Вáжнай—хорошій.
12) Цуцкія свиньи имѣютъ длинныя висячія уши и гораздо большій ростъ противъ обыкновенныхъ свиней и составляютъ особую породу
13) На смотринахъ, или, по мѣстному названію, на «згляденкахъ», невѣста переодѣвается нѣсколько разъ въ разныя платья.

а приданамъ, да мой Михалычь сказалъ яму на атрѣсъ, што дискать за нашаю дочирью ничиво нѣтъ, а вонъ и губу прикусилъ [14]). Дивачка бутта *и*мъ приглянулась, да и малай-та, кажитца, извѣснай, съ маличку [15]) на глазахъ у насъ росъ. Падумали, пагадали, и тутъ жа слова палажили. А даля тара-да-бара [16]), да прасидѣли да третьихъ качатовъ.

— Паздравляю шъ тибе, мая кумушка! Дай Бохъ начатая дѣла кончить у добрамъ здаровью. Люди, кажитца, харошаи, а абъ маламъ—цѣлай горатъ прайди—ничиво дурнова ни услышышъ: што умница на ричахъ, што торговицъ; а дародникъ-та какой! истённая мать. На маю думку, чиво шъ лутчи хатѣть?

— Признатца, къ намъ патсылала Давыдь*и*вна зá сына, да дѣвки вонъ што-та ни па обычью, да и намъ ни упадобилси [17]); знаишъ, мишъ нами буть сказана, малай-та шалапа*и*ватъ [18]) какъ-та.

Разговоры поселянъ:

1. Двухъ крестьянъ, встрѣтившихся на дворѣ волостного правленія.

— Здарова, аднасумъ [1])!
— Здарова!
— Ишшо жывъ?
— Жывъ, слава Богу.
— Зачѣмъ ты тутъ?
— Да вотъ ушъ другой день абрыдаю [2]) па сваёмъ дялишку.
— Апъ какомъ?
— Да ты знавалъ у насъ Сёмку Личастая, што живе абызгаратъ [3]) кабака?
— Ну?
— Анадыся нахратамъ [4]) запахалъ маю ляху [5]). Мнѣ—чила [6]), ёнъ абмишулился [7]), я и пади къ няму, и кажу: Симёнъ! такъ и такъ, ты нихарашо издѣлалъ; а ёнъ и ни туды глядить. Ни съ таго ни съ сиго давай мине крышить [8]), а даля какъ патхватя палиняку, да такъ и пирхавячилъ [9]) мине, альни и типерь больна. А ты зачѣмъ суды [10])?
— Да што, братуха [11]), міръ налигая [12]): указавая на мине быть выбарнымъ; а ты зна*и*шъ маё адиноства [13])—хто будя подати зарабатывать?

14) Гу́бу прику́силъ—замолчалъ.
15) Сма́личку—съ малолѣтства.
16) Тара-да-бара—говорить да говорить.
17) Упадóбитца—полюбиться, понравиться.
18) Шалапа*и*ватъ—глуповатъ, не расторопенъ.

1) Аднасу́мъ—пріятель.
2) Абрыда́ю—наскучаю, надоѣдаю.
3) Абы́згаратъ—по сосѣдству.
4) Нахра́тамъ—насильно, отъемомъ.
5) Ляху—небольшую полосу пахатной земли.
6) Мнѣ-чила—мнѣ думалось.
7) Абмишулилси—ошибся.
8) Крышить—бранить.
9) Пирхавячилъ—ударилъ поперекъ.
10) Суды́—сюда.
11) Братуха—другъ, товарищъ.
12) Міръ налигая—общество притѣсняетъ.
13) Адиноства—одиночество.

Прибѣхъ [14]) на паклонъ къ валастнымъ—знаишъ, памалитца [15]), нильзя ли памилавать.

— Вястима [16]), што адинокаму чилэку ни приходитца хадить [17]) выбарнымъ... А какавы у васъ усходы?

— Азимаи мала—мала хараши, а *и*равыи изъ зямли не́йдуть. Вишъ [18]) ты—Бохъ дожжычку ни давая. У насъ за всю вёсну толькя на Маргосья [19]) памжылъ [20]) слихка, да то путёмъ и пыли ни прибилъ.

— Нѣтъ, у насъ, слава Богу, пирпадали чистенькя; вотъ ета на Праваю сериду [21]) улилъ дошъ важнай. *И*равыи пашли—шшотка-шшоткаю, а травы какіи, братицъ ты мой, ашъ духъ радуитца. Какъ-та Бохъ дасть даля.

— Ишъ [22]) ты! А у насъ сухмень [23]) стаить. Ну, какаво мой тёска пажывая?

— Што, паринь! Твой тёска савсѣмъ ахлялъ [24]): усю зиму—зимскаю правалялси; извёлси, какъ нитачка. А празницахъ бутта маленичка паляпилси [25]), а съ навьихъ проватъ [26]) ипять слёхъ. Пирхота [27]) адалѣла яго, а тутъ ноги раздулися, какъ склянки. Ночь-та настаня, бѣхъ бы изъ избы: усю ночь—начинскаю прапирхая [28]) да пракрехча [29]). Вазили и па бапкамъ [30]), а усё помачи нѣту.

— Экай сирдека [31])! Мы съ нимъ зимнію Миколу пастричались у горадя на ярманки,—былъ вить, дабро милая, здаравехуникъ—усё тянулъ у кабакъ, да признатца, мнѣ некали [32]) была.

— Та-та ярманка и сапсавала [33]) яго. Пьянинькій ночью сбилси съ дароги, прапалази́лъ [34]) цѣлаю ночь па палямъ; да прибилси къ свѣту ашъ на Гримячій Ерикъ [35]), а аттыля [36]) насилушку дабралси двару [37]). Съ тѣхъ поръ захваралъ да захваралъ. Водъ-жа у галава и́дя; хаи [38]) умѣстя насрѣчу.

---

14) Прибѣхъ—очень скоро пріѣхалъ.
15) Памалитца—попросить.
16) Вястима—извѣстно.
17) Хади́ть—отправлять должность.
18) Вишъ—видишь.
19) Маргосья—недѣля мироносицъ.
20) Памжилъ—прошелъ самыми мелкими каплями.
21) Правая Сирида—Преполовеніе.
22) Ишъ—видишь.
23) Сухмень—засуха.
24) Ахлялъ—похудѣлъ тѣломъ, ослабѣлъ.
25) Паляпилси—во время болѣзни показалъ нѣкоторые признаки выздоровленія.
26) Навьи правады—поминовеніе усопшихъ, отправляемое во вторникъ Ѳоминой недѣли.
27) Пирхота—кашель.
28) Прапирхая—прокашляетъ.
29) Пракрехча—простонаетъ.
30) Бабками называются вообще люди, занимающіеся лѣченіемъ или ворожбою.
31) Сирдека—бѣдняга.
32) Некали—некогда.
33) Сапсавала—испортила.
34) Прапалази́лъ—проѣздилъ на саняхъ, сбившись съ дороги.
35) Ерикъ—ручей.
36) Аттыля—оттуда.
37) Двару́—домой.
38) Хаи—пойдемъ.

2. Антипа съ Серёгою.

— Што я къ тибѣ пришолъ, дядя Антипъ? Ни пазычишъ ли [1]) мнѣ на нядѣлькю какую динжонакъ цалковыхъ три? Знаишъ, маленичка ни хватая на подати. Сборшыкъ ушъ пароги мнѣ аббилъ, да и на грамадѣ [2]) сябры [3]) пагрымали [4]): на табѣ, дискать, спаконъ вѣку [5]) залигая [6]) казенная.

— Атчиго ни такъ. На добрая дѣла можна... Кались-та [7]) твой пакойнай ба́чка [8]), царства яму нибесная, издилялъ и мине. Я и до́ си [9]) помню *и*го дабрадѣтиль. То-та душевнай былъ чилэкъ. Расъ ёнъ вызвалилъ мине исъ такой бяды, што я пакыль [10]) умру, ни забуду. Гадовъ зъ дватцать таму назатъ была нада мною хвитинка [11]),—можа и табѣ, Сирёга, у притямъ [12])? Да нѣтъ, ты ишшо былъ маленикъ. Мой малай пагналъ у яругу [13]) лашадей у нашноя [14]); лашадей пустилъ, а самъ и засни,—знаишъ, рибячья дѣла,—а лошади лашкомъ прабралися ашъ на *и*равишша [15]); ды маленичка пашкодили [16]) пашаничку зарѣчинскага пана [17]). Шко́да—ня шкода [18]), а съ панамъ ни съ сва*и*мъ братамъ. На ту пору набѣхъ на сяло ни-но [19]) засидатиль, ни-но станавой. Ну, вястимая дѣла, што панъ панскаю и руку держа, а нашъ братъ и бизъ вины будя винава́тъ. Маленичка паскубилъ [20]) малага за виски [21]), да и присудилъ мнѣ заплатить за пабой пашаницы дватцать пять рублёвъ. Што мнѣ дѣлать? Идѣ [22]) узять стольkя казны? А гадокъ былъ плахой, зацапитца была не́ за шта. Падумалъ-падумалъ, да и бросилси пряма къ тваяму пакойнаму... „Акимъ Абакумавичь! Стань за атца—за матиря! Таковская дѣла [23])... Пазычь диньжонакъ, а ни то приходитца сѣрага мерина прадавать; ты знаишъ, што ёнъ мой кармилицъ; бизъ *и*го я какъ бязъ рукъ". У ту пору ёнъ былъ ва времяни́ [24]),—слова ни сказалъ—далъ.

— Съ бачкинаю галавою, дядя Антипъ, усё пашло изъ рукъ. У пакойника и дамовка [25]) была полная, бы́ла и скатинки удоваль: а мнѣ вотъ давялося гуни [26]) трипать. Ты скажи—бьюсь, бьюсь, какъ рыба абъ лётъ, а у

---

1) Ни пазычишъ ли—не дашь ли взаймы.
2) На грамадя—на общественномъ собраніи крестьянъ.
3) Сябры—крестьяне, участвующіе въ общественномъ собраніи.
4) Пагрымали—гнѣвно поговорили, дѣлали выговоры.
5) Спаконъ вѣку—изстари.
6) Залигая—остается неуплаченнымъ.
7) Кались-та—когда-то.
8) Бачка—отецъ.
9) До-си—до сихъ поръ.
10) Пакыль—пока.
11) Хвитинка - непредвидѣнный случай.
12) Упритимъ—памятно.
13) У ягугу—въ оврагъ, поросшій лѣсомъ.
14) У нашноя—на пастьбу во время ночи.
15) *И*равишша—поле, засѣянное яровымъ хлѣбомъ.
16) Пашкодили--сдѣлали вредъ, убытокъ.
17) Живущаго за рѣкою господина.
18) Шкода—вредъ, убытокъ.
19) Ни-но—или.
20) Паскубилъ - подралъ.
21) Виски—волосы.
22) Идѣ—гдѣ.
23) Таковская дѣла—вотъ какое дѣло.
24) Ва времяни—въ довольствѣ.
25) Дамовка—хозяйство.
26) Гуни - изорванное, отрепанное платье.

рукахъ ничиго нѣту-ти. Вишъ ты—гада́ стали плахіи; хлѣбушку нидаротъ а скатинка то и дѣла—дохня. А тутъ, ты самъ знаишъ, лѣтася [27]) исъ пуньки [28]) паслѣднію худобишку [29]) пакрали. Такъ-таки бида бяду и паганяя.

— Ни дарамъ исстари пасловица видетца: „придеть бида—атваряй варта", Ну-ка, старуха (*обращаясь къ женѣ*), падай-кя мнѣ гаманокъ [30])—тамъ-та у зепя [31]). Слышъ, Сирёга! Какава нимѣра [32]), приспича [33]) табѣ ишшо нуждишка у чомъ—прихади: табѣ можна дать вѣрку [34]): малай ты твирёзай, рабатать—друзяка [35]). Кали ня будя чѣмъ аддать—атрабата́ишъ. Вотъ на табѣ три карбованца,—тады [36]) падашъ, кали будуть.

— Спасиба табѣ, дядя Антипъ! Вызвалилъ жа ты мине. Какъ абабью аклуначикъ [37]) авсица, то утѣмишъ [38]) атвязу на базаръ прадать—и какъ расъ табѣ пристачу [39]).

3. Двухъ женщинъ, встрѣтившихся на ярмаркѣ.

— Здарова, Свиридь*и*вна!

— Здарова, Астапь*и*вна!

— Жыва ты сабѣ?

— Ахъ, мая матушка, Астапь*и*вна! Прапала я типеря, грѣшница!

— А што?

— Вить дерива-та маё свалилась.

— Ахъ, ахъ!! што ты?!

— Да, мая кармилица, пахаранила я сва*и*го дружачку.

— Дамно?

— Да вотъ ушъ три нядѣлички аташло, и душачку памянула.

— Што ты скажишъ!... Дамно ли ета была? у гавѣйна [1]) за*и*жжалъ къ намъ здаровинькій да висёлинькій...

— Захваралъ, мая матушка, на Пахвалу [2]); чатыри нядѣличка пралижалъ мой галупчикъ, какъ плётачка; хочь бы росинку чиго-нибуть у ротъ занёсъ. Бувалача скажу: Иванавичь! а Иванавичь! ни мари сваей душачки. Ты пъ, можа, чиго-нибуть съѣлъ? Можа пъ табѣ дабыть яблачка мачонага, али игрушакъ варёныхъ? И слухать ня хоча. Падѣ*и*лась [3]) яму, мая Астапь*и*вна, съ гласъ, я ета притаманна [4]) знаю. У пятницу-та пришла кума Алгинья [5]), а ёнъ, мая матушка, толькя голаву памылъ и сидить тахъ-та за

---

27) Лѣтася—въ прошедшемъ году.
28) Пунькя—клѣть, устроенная изъ плетневой огорожи.
29) Худобишку—имущество.
30) Гаманокъ—кожаный кошелекъ для денегъ.
31) У зепя—въ карманѣ.
32) Какава нимѣра—въ случаѣ, на случай.
33) Приспича—будетъ крайняя необходимость.
34) Вѣрку—довѣріе.
35) Друзяка—усердный къ работѣ.
36) Тады—тогда.
37) Аклунакъ—недокладенный одонокъ, кладушка.
38) Утѣмишъ—въ то же время.
39) Пристачу—доставлю.

---

1) У гавѣйна—въ Великій постъ.
2) На Пахвалу—въ субботу на похвальной недѣлѣ.
3) Падѣилась—сдѣлалось, приключилось.
4) Притаманна—вѣрно, дѣйствительно.
5) Алгинья—Евгенія.

сталомъ бѣлай да дароднай; ана таки падивавалась на яго, а гласъ-та у ней ни харошъ, и толькя пашла ана, аткыль [6]) узилася у ниго зивата—и вичерить ни сталъ. А у суботу-та ушъ мой сокалъ савсѣмъ слёхъ.

— Ты пъ *и*го умыла [7]).

— Умувала, мая ягатка! Усѣ угалёчки на дно пали [8]). Ушъ я што-ня-што́ дѣлала, какихъ-ни-какихъ бабакъ привадила...

— Быть ушъ таму, галубачка Свиридь*и*вна,—смертачка *и*го причина. Харошаи люди и Богу надамны.

— А гу́тарилъ-та [9]), мой кармилицъ, па самаю смёртачку. Пирятъ смертью минутачки за три слышу—заигралъ у ниго калкалецъ [10]), а даля тахъ-та узглянулъ на мине, и Богу душачку аддалъ. Я идѣ стаяла, тамъ и удырилась [11]), и ушъ насилу ачупалась [12]).

— Ишъ какъ ты абрѣзалась [13]), сама на сибе ни пахажа́; а всё то-та машшуишъ [14]) па сваёмъ пакойничку. Горимъ, мая жаланная [15]), ничиго ни пасобишъ. Мались лутчи Богу—Ёнъ Адинъ Памошникъ удовамъ и сиро́тамъ.

— Охма-хма! [16]) какъ мнѣ быть, какъ мнѣ жить—ума-разума ни прилажу. А смирённикъ-та да разумникъ какой былъ пакойнай. Бувалача и мухи ни абидя. За дисить гадовъ вить словамъ мине ни ажастилъ [17]). Къ таму-та, што яму умиреть—вижу, мая Астапь*и*вна, ува снѣ, бутта у насъ какай-та свадьба, а я усё хлапачу сталы накрывать, и за сугатамъ [18]) бутта такъ замитусилася [19]), што забыла у ваправу [20]) абрядитца. Вотъ мнѣ тотъ-та сонъ дарамъ ни прашолъ [21]).

4. *Мужчины съ женщиною.*

— Каё ты падыла́сь [1]), тётка Палага [2])?

— Иду, мой кармилицъ, къ свишшельнику; хочимъ дома малебинъ атслужить. Ты ни знаишъ маей радасти...

— Какой?

— Мой сынокъ Лагутушка [3]) пришолъ.

— Што ты?

— Да, учира, какъ снѣхъ на́ галаву канулъ.

— Какъ жа ета люцкiи ратники паприхадили пирѐтъ [4]), а твой апасли́?

6) Аткыль—откуда.
7) По народному повѣрью, заболѣвшаго отъ «глаза» умываютъ водою, которую предварительно нашептываютъ, причемъ бросаютъ въ нее нѣсколько горячихъ угольевъ.
8) Тэтъ признакъ, что болѣзнь дѣйствительно приключилась отъ глаза.
9) Гутарилъ—говорилъ.
10) Калкалецъ—звукъ, слышимый въ дыхательномъ горлѣ умирающаго человѣка.
11) Удырилась—ударилась, упала.
12) Ачупалась—очувствовалась.
13) Абрѣзалась—похудѣла въ лицѣ.
14) Машшуишъ—грустишь, печалишься, тоскуешь.
15) Жаланная—любезная, милая.
16) Охма-хма!—междометiе, выражающее печаль.
17) Ажастилъ—оскорбилъ.
18) За сугатамъ—за шумомъ, за крикомъ отъ множества людей.
19) Замитусилася—за хлопотами забылась.
20) У ваправу—въ головной уборъ.
21) По народному повѣрью, видѣть во снѣ свадьбу или накрывать столы предвѣщаетъ покойника въ домѣ. Видѣть себя раздѣтымъ или неприлично одѣтымъ предвѣщаетъ также несчастiе.

1) Куда ты поднялась?
2) Палага—Пелагея.
3) Лагутушка—уменьшительное имя Логвина.
4) Пирѐтъ—прежде.

— Кажа [5])—у какомъ-та горадя, какъ-та хитро́ ёнъ назвалъ яго, права я ни узумѣю сказать, пралижалъ, гарюша [6]), у лизаретя. Вишъ ты, ёнъ, мой саколикъ, ранинъ.

— Ну, тетка, пагулася шъ [7]) ты па нёмъ.

— Ушъ я, мой кармилицъ, и ни чаила яго абызрить [8]); такъ и думала, што яго дамно на́ свѣтя нѣту. Усѣ глазушки сабѣ праплакала. Бувалача усѣ стёжачки [9]) агалашу [10]), идѣ ёнъ, мой касатикъ [11]), хаживалъ; ни адна адежачка яго ни асталась, штопъ я ие ни аплакала. А учира я по́раюсь [12]) сабѣ адна окала печи, дома-та никаго не была, а ёнъ атварилъ тахъ-та избу и лѣзя у двери. Я пирва падумала, што прахожага служивага [13]) къ намъ паставили, а даля—глять! ажно ета ёнъ. Затрусились у мине руки и ноги, какъ бутта варагуша [14]) мине патхватила—и съ мѣста ни сайду. А ёнъ, жаланнай мой, удырился мнѣ пряма у ноги, ды атъ слёсъ славечушка ни прамолвя. А ушъ хутъ, хутъ—у чомъ у нига толькя душачка держитца.

— Нябось [15]) на вайнѣ набрался жаху [16])?

— Тамъ, мой кармилицъ, какъ по́чня расказавать—и батюшки-свѣты! ашъ волас дыбамъ станави́тца. Я табѣ ни гразда расказать такъ, какъ ёнъ. Прихади-ка къ намъ,—ушъ есть чиго паслухать.

— А пра Лявона Пивукова ничиго ни казалъ [17])?

— Какъ ни казалъ! Они съ нимъ у вадномъ мѣстя прибычали [18]). Нашъ та вызвалился, а ёнъ, сирдешнай [19]), наудаку [20]) будя мать-сыру-землю таптать. Вишъ ты, яму ногу атшыбли, а нашаму толькя аскрёткамъ [21]) паранили руку. Спасиба у лизаретя скора загоили [22]).

— Што ты падумаишъ! Вить Ляванавай хазяйки нимину́чія дѣла придетца міркать [23]) падъ-оканью. Нада шъ чѣмъ-нибуть кармить чикарду [24]). Скажы ты, у кароткая время акрамя яго третья галава у домя валитца.

— Ты ни пириказавай ей маихъ ричей, а то ана и такъ што у̑ Бага дня [25]) гузыня [26]), и у̑гаману ей нѣтъ. Ну, прашшай, а то мнѣ нидасу [27]) съ табою долга растабаривать [28]).

---

5) Кажа— говоритъ.
6) Гарюша—бѣдняжка.
7) Пагулася—поплакалась.
8) Абызрить—увидѣть.
9) Стёжачки—дорожки для пѣшеходовъ.
10) Агалашу - оплáчу.
11) Касатикъ—ласкательное названіе мужчинѣ.
12) По́раюсь—занимаюсь стряпаньёмъ.
13) Служивай—солдатъ.
14) Варагуша—лихорадка.
15) Нябось—предположительное нарѣчіе (=*не правда ли? В. Р.*).
16) Жаху—страху, ужасу.
17) Ни казалъ—не говорилъ.
18) Прибычали—пробывали.
19) Сирдешнай, въ значеніи существительнаго—бѣдняга.
20) Наудаку—едва ли.
21) Аскрёткамъ—осколкомъ.
22) Загоили—залѣчили.
23) Міркать—нищенствовать.
24) Чикарду—дѣтей малъ мала меньше.
25) У Бага-дня—ежедневно.
26) Гузыня—плачетъ.
27) Нидасу—некогда, недосужно.
28) Растабаривать—разсказывать, разговаривать.

5. Разговоръ мѣщанина съ крестьяниномъ.

Мѣщ. Разумнай ты чилэкъ, Пархвёнъ, а дѣлаишъ нипарятки: мужикъ ты зажиташный—адонки [1]) гаро́ды ломють,—отчиво пъ табѣ сваихъ рибятъ ни учить граматя?

Крест. Ты нараишъ [2]) на дабро. У насъ на міру и такъ давольна аглаѣдавъ [3]); ишшо ни даставала штопъ маи дѣти сѣли на мірской шеи. Наши дяды и атцы ни учились письму [4]), а хлѣпъ *и*дали, да и намъ ни давлѣя брасать сваю кармилицу—соху. Идѣ-та видана, штопъ письмённай [5]) узялси за́ саху? ёнъ швыжа утретца у какіи нибуть начальники па сялу, штопъ ни рабата́мши жыть на чужбину, да кляузы завадить, а ня то—хочь исъ чарки патписаватца за нашага брата тюхрика [7]). Вотъ хочь нидалечка сказать, мой брате́никъ [8]) вывчилъ сва*и*го малага сабѣ на́ гаря: знаишъ ты—былъ токнинькій [9]) сыночикъ; „семъ [10]) вывчу яго письму!" аддалъ у вучобу [11]), пирва къ дьячку, а даля у школу. Нечига сказать, малай былъ бойкій, скора узялси письму. Бувала хочь какую книгу разбире, али на сяло придя какой прикасъ изъ воласти—выбарнай за́расъ мчить пряма къ няму прачитать—какъ рась дасть толкъ. Атецъ никакъ ни, налюбуитца малымъ. Али инда [12]) лучитца у насъ па сялу какоя дѣла,—каму руки патписать за сябровъ? бяги швыжа за Алдохаю [13]), а нашъ Хвилатъ таму и ратъ [14]): авось какая чарка и яму припаде. Што шъ ты думаишъ? малай излидачилси [15]) никуды: нынча придя украсу [16]), завтра придя украсу. Пасуди самъ, Кирѣичь, каму пъ пашла работа на умъ, кали кажидёнъ [17]) гулюшки [18])? Старику ушъ стала аднаму ни у магату [19]) пружничить [20]). Тутъ хватилси мой братеникъ, да позна. Самъ сталъ бяссилить, а Алдоха—пьянставать. Вотъ и расслылси [21]) домъ.

— Ни усѣмъ жа такая дарога, Пархвёнъ, какъ вашаму Алдохи. Ни дарамъ сказана: ученья—свѣтъ, ниученья—тьма; вить ано къ чиму-нибуть да сказана. Анагодни [22]) вечирамъ пришлось мнѣ быть у *И*хима Симёныча—ты знаишъ, нашава краснарятца,—чилэкъ стоюшшай [23]), граматникъ—какихъ свѣтъ мала радить. Прихажу, а вонъ сидить патъ святыми [24]), а

1) Адо́нки—небольшіе круглые скирды хлѣбныхъ сноповъ.
2) Нараишъ—наставишь, вразумишь.
3) Аглаѣдавъ—людей праздно шатающихся, дармоѣдовъ.
4) Письму—знанію читать и писать, грамотѣ.
5) Письмённай—грамотный.
6) Швы́жа—скорѣе.
7) Тюхря́къ—не проворный, не слишкомъ умный.
8) Брате́никъ—братъ.
9) Токнинькій—единственный.
10) Семъ—союзъ предположительный или желательный (*=ну-ка. В. Р.*).
11) У вучобу—въ ученье.
12) Инда—иногда.
13) Алдоха—Евдокимъ.
14) Народная поговорка.
15) Излида́чилси—испортился, сдѣлался дурнымъ.
16) Украсу́—выпивши хмѣльного.
17) Кажидёнъ—ежедневно.
18) Гулюшки—препровожденіе времени въ праздности.
19) Ни у магату́—не въ мочь.
20) Пружничить—работать напрягая силы.
21) Расслы́лси—разорился, опустошился.
22) Анаго́дни—за нѣсколько дней назадъ.
23) Стоющій—достойный.
24) Подъ Святыми—подъ иконами.

укрухъ [25]) *и*во дѣти, сидить и читаить житiё святыхъ атцовъ. Я также присѣлъ паслухать—и Божи мой, какъ харашо! слухать-та хочитца. Ты скажи—паслухаишъ тахъ та святова писанiя, и чилэкъ-та станависси савсѣмъ другой: лишнiй расъ ми́ластину падашъ и пра Бога успомнишъ. Да и акрамя таво, бизъ граматы плоха жить на свѣтя. Примѣрамъ—хочь бы и маё дѣла тёмная: иной расъ нужна пъ записать што нибуть па таргов-ли, а ты ни умѣишъ,—аттаво многа дѣлаю прамашки. Нѣтъ, Пархвёнъ, типерь ушло то время, што харашо жыли люди бизъ граматы.

— Вястимая дѣла, што грамату Гаспоть узаконилъ добрымъ людимъ на польгу [26]). Да нашъ-та братъ, мужикъ, кали узялси за пяро, то саха яму ни панутру [27]). На маёмъ вяку знавалъ я многа письмённыхъ мужиковъ, а мала исъ каго видилъ путь,—кали ни пьяница, такъ кляузникъ. Ани у насъ на мiру перваи хардыбаки [28]) да нахраты [29]).

---

25) Укрухъ—вокругъ.
26) На польгу—на пользу.
27) Нипанутру—нездорово, непрiятно.
28) Хордыбаки—грубiяны.
29) Нахраты—1) наглые обидчики, присваивающiе чужое; 2) люди, оказывающiе упорство, неповиновенiе передъ старшими.

IV.

Примѣты и предразсудки Обоянскихъ простолюдиновъ.

Когда на святкахъ бываетъ „*вишей*" (иней), то въ тотъ годъ будетъ урожай всякаго хлѣба. Подъ Новый годъ на ночь выносятъ на дворъ всякаго хлѣба, а на утро замѣчаютъ, который изъ нихъ болѣе покрытъ инеемъ: того хлѣба будетъ лучшій урожай.

При хорошемъ урожаѣ *орѣховъ* бываетъ плохой урожай хлѣба.

Появленіе въ большомъ количествѣ *мышей* предвѣщаетъ голодъ.

Обиліе *блохъ* предвѣщаетъ обильный сборъ гречихи.

Если во время уборки сѣна (около 29 іюня) идутъ дожди, то будетъ благопріятный сборъ гречихи. Крестьяне говорятъ: „когда сѣно черное, то блины будутъ бѣлые".

Погожій день на „Мокрины" (19 іюля) предшествуетъ погожей осени.

Если „бабье лѣто" (съ 1 по 8 сентября) погожее, то осень бываетъ непогожая; но если „бабье лѣто" непогожее, то осень бываетъ погожая.

Появленіе въ большомъ количествѣ *божьихъ коровокъ* предвѣщаетъ хорошій сборъ ржи.

Появленіе въ большомъ количествѣ *хрущей* весною предвѣщаетъ засуху.

При изобильномъ родѣ щавеля бываетъ хорошій урожай льну.

Урожайное лѣто обильно оводами.

Теплая зима обѣщаетъ плохое лѣто для урожая.

Если земля весною покроется снѣгомъ, послѣ обнаженія, то, по замѣчанію крестьянъ, въ этотъ годъ не бываетъ хорошаго урожая хлѣба.

Если снѣгъ на зиму ляжетъ на сухую землю, то на лѣто бываетъ плохой урожай хлѣба.

Если въ ночь на 1 января—вѣтеръ, который можетъ поколебать деревья, то въ этотъ годъ будетъ хорошій урожай фруктовъ. Когда же въ эту ночь не бываетъ вѣтра, въ такомъ случаѣ многіе изъ простолюдиновъ выходятъ въ свои сады и трясутъ сами фруктовыя деревья въ томъ убѣжденіи, что отъ этого на тѣхъ деревьяхъ родятся фрукты.

Ясная звѣдная ночь на 25 декабря предвѣщаетъ хорошее лѣто для пчелъ.

Когда въ Филипповъ постъ, при таяніи снѣга на крышахъ, образуются *ледяные капельники* (сосульки), то предстоящій годъ будетъ обиленъ медомъ.

Если на зиму снѣгъ ляжетъ на землю *ровно*, то будетъ равный урожай какъ озимаго, такъ и ярового хлѣба.

Морозъ 25 марта предвѣщаетъ хорошій урожай овса. Крестьяне говорятъ: „когда на Благовѣщенье бываетъ морозъ, то сѣй овесъ".

Если 6 января „іордань" замерзнетъ до освященія воды *), то будетъ хорошій урожай ранней гречихи.

Если 2 февраля по дорогамъ несется вѣтромъ *снѣжная пыль*, то будетъ хорошій урожай проса.

---

*) «Іордань» обыкновенно устраивается здѣсь на рѣкахъ предъ началомъ обѣдни.

Солнечный теплый день 2 февраля, въ который таетъ снѣгъ, предшествуетъ ранней веснѣ и хорошему урожаю хлѣба; простолюдины говорятъ „если на Срѣтеніе курочка подъ порогомъ напьется, то будетъ ранняя весна и хорошій урожай хлѣба".

Мятель или иней на всеѣдной недѣлѣ въ рождественскій масоѣдъ не обѣщаетъ хорошаго урожая хлѣба.

Если на день Пасхи бываетъ дождь, это предвѣщаетъ урожай хлѣба.

При хорошемъ урожаѣ ржи бываетъ обильный ловъ рыбы.

Когда за недѣлю до 25 марта не оставятъ ѣздить на саняхъ, то послѣ 25 марта еще недѣлю проѣздятъ на саняхъ.

По народному замѣчанію, около праздника Введенія во храмъ Пр. Богородицы (21 ноября) бываютъ оттепели, отчего ломается на рѣкахъ ледъ. Эта примѣта подтверждается народною поговоркою: „Веденьё ломаетъ леденьё".

Если весною на рѣкахъ ледъ не поломается глыбами, а цѣлымъ падетъ на дно рѣкъ, то это предвѣщаетъ болѣзненный годъ для людей.

Появленіе сухого тумана—дурной знакъ для народнаго здоровья.

Когда во время дождя выскакиваютъ на водѣ *пузыри*, это означаетъ, что дождь будетъ продолжаться долго.

Если въ *понедѣльникъ, среду или пятницу* пойдетъ дождь, то большею частью будто бы продолжается три дня.

Во время *града* простолюдины стараются выгонять куръ на дворъ, подъ градъ, въ томъ убѣжденіи, что оттого куры будутъ нести много яицъ; а чтобы остановить градъ, выбрасываютъ въ окно *помело*.

Оставшуюся наканунѣ праздника Крещенія Господня *кутью* берегутъ до весны и кормятъ ею дворовыхъ птицъ, отчего будто-бы птица несетъ больше яицъ.

Въ предотвращеніе градобитія зарываютъ въ разныхъ мѣстахъ поля пузырьки, наполненные крещенскою *св. водою* и закупоренные воскомъ страстной свѣчи.

6 января послѣ обѣдни раскладываютъ на дворѣ кругообразно всякій кормъ и кормятъ имъ всю домашнюю скотину, причемъ хозяинъ, не пивши и не ѣвши ничего, набросивъ на себя шубу, вывернутую вверхъ шерстью, окропляетъ кормъ и скотину принесенною съ „іордани" св. водою, для того, чтобы цѣлый годъ было въ изобиліи всякаго корму, и чтобы скотина была здорова.

Если весною въ первый разъ отправляются на полевую работу, то берутъ съ собой благовѣщенскую *просвиру*, которую передъ обѣдомъ рабочіе дѣлятъ между собою по частямъ и съѣдаютъ. По мнѣнію крестьянъ, оттого долженъ быть лучше урожай хлѣба. Въ день Благовѣщенія сельскіе священники заготовляютъ въ особенно большомъ количествѣ просвиры и раздаютъ въ церкви по цѣлой каждому домохозяину.

Когда садятъ на гряды капусту, то на одной изъ нихъ ставятъ большой величины *горшокъ* съ просверленнымъ дномъ, подъ который кладутъ ломоть ржаного хлѣба и нѣсколько соли—для того, чтобы кочаны капусты были такъ же велики, какъ поставленный на грядѣ горшокъ.

Если собака начнетъ кататься по землѣ, то это предвѣщаетъ непогоду.

Передъ дождемъ свиньи уходятъ изъ стада и бѣгутъ домой съ визгомъ.

Если свинья начинаетъ чесаться обо что-либо, то это предвѣщаетъ непогоду.

Кваканье подъ поломъ лягушки также предвѣщаетъ непогоду.

Возвращенiе жаворонковъ изъ теплыхъ странъ--вѣрный признакъ для земледѣльца скораго открытiя весны. Съ появленiемъ жаворонковъ крестьянинъ начинаетъ приводить въ порядокъ свои земледѣльческiя орудiя.

Пѣнiе пѣтуховъ рано съ вечера предвѣщаетъ перемѣну погоды.

Если галки вдругъ взлетаются стаями, это означаетъ скорое измѣненiе погоды.

Во время появленiя молодого мѣсяца простолюдины заключаютъ о состоянiи предстоящей погоды по нѣкоторымъ признакамъ, о которыхъ они говорятъ: „Если мѣсяцъ рогами вверхъ, то будетъ мочливый, а если рога опуститъ, то сухой".

О состоянiи погоды слѣдующаго дня узнаютъ по возвращенiю домой стада коровъ: если впереди стада идетъ корова свѣтлой шерсти, то будетъ погожiй день; если корова идетъ рябая, то дождь будетъ перемежаться; если же черная—то день будетъ или совершенно дождливый, или пасмурный.

Если куры, роясь въ землѣ, осыпаются пылью, какъ бы купаясь, это означаетъ, что будетъ дождь.

Передъ сырой погодой въ табакеркѣ пристаетъ къ крышкѣ табакъ.

Если отъ горящей свѣчи или ночника отскочитъ *искра*, то это предвѣщаетъ или морозъ, или приходъ сердитаго гостя.

Карканье *ворона* предвѣщаетъ непогоду или несчастiе.

Крикъ *сыча* и крикъ *пугача* предвѣщаетъ несчастiе.

Вой *собаки* предвѣщаетъ несчастiе. Услышавши вой собаки, простолюдинъ всегда говоритъ: „На свою голову!" Чтобы остановить вой собаки, нужно снять съ лѣвой ноги обувь и, перевернувши ее вверхъ подошвою, стать тою же ногою на подошву, и смотрѣть въ ту сторону, гдѣ происходитъ вой: оттого будто бы собака въ то же время перестаетъ выть.

Если *пѣтухъ* закричитъ у порога избы, это предвѣщаетъ гостей.

Щебетанье на дворѣ *сороки* предвѣщаетъ гостей.

Встрѣча со *священникомъ* не обѣщаетъ удачи въ предпрiятiи.

Встрѣча съ *соборованнымъ* человѣкомъ—также знакъ неблагопрiятный.

Если собака роетъ *яму* на дворѣ, это предвѣщаетъ смерть кому-либо изъ домашнихъ.

Если *дятелъ* долбитъ стѣну въ домѣ, то говорятъ, что онъ выживаетъ кого-либо изъ дому.

Когда собака подымаетъ морду вверхъ, это предвѣщаетъ пожаръ.

Крикъ *пустушки* на дворѣ предвѣщаетъ опустошенiе дома.

Если курица закричитъ, подражая пѣтуху, это предвѣщаетъ несчастiе въ домѣ. Для предотвращенiя несчастiя отрубаютъ ей голову на порогѣ.

Если на пути кому-либо *заяцъ* перебѣжитъ дорогу, то встрѣча такого рода—признакъ несчастiя. Напротивъ, если дорогу перебѣжитъ *волкъ*—встрѣча хорошая, предвѣщающая успѣхъ въ предпрiятiи.

Если *каша* въ печи выйдетъ изъ горшка, это предвѣщаетъ убыль въ семействѣ.

Если *заторъ квасной* въ печи выйдетъ изъ горшка или чугуна, это предвѣщаетъ несчастiе въ домѣ.

Если *паукъ* опустится въ комнатѣ съ потолка, это предвѣщаетъ гостя; а если опустится надъ чьею либо головою, это предвѣщаетъ счастье ему.

Если *кошка* умывается (облизывается) и „ставитъ костыль" (поднимаетъ вверхъ ногу), это предвѣщаетъ или гостя, или перемѣну вѣтра.

Если въ саду зацвѣтетъ въ другой разъ какое-либо дерево, это предвѣщаетъ несчастiе хозяину.

Если *гробъ* или *могила*, приготовленные для покойника, по какой-либо причинѣ окажутся болѣе противъ мѣрки, снятой съ покойника, то это означаетъ опять скораго покойника въ домѣ. Мѣрка, снятая съ покойника, кладется съ нимъ въ гробъ.

Если у покойника *открываются* глаза, то это предвѣщаетъ вскорѣ другого покойника въ домѣ. Простолюдины говорятъ, что покойникъ высматриваетъ кого-либо взять съ собою.

Если *мышь* проточитъ у кого платье, это предвѣщаетъ несчастіе для него.

Трехъ свѣчей въ одной комнатѣ не ставятъ. По народному мнѣнію, три свѣчи, горящія въ одной комнатѣ, неминуемо должны быть предвѣстникомъ несчастія для хозяевъ.

Если *нечаянно* погасить свѣчку или „каганецъ" (ночникъ), это означаетъ приходъ нечаяннаго гостя.

Кто имѣетъ въ домѣ *песцовъ* или *плющъ*, тотъ, по мнѣнію простолюдиновъ, долженъ неминуемо подвергнуться несчастію, и потому многіе избѣгаютъ имѣть ихъ въ своихъ домахъ.

Появленіе на ногтяхъ *бѣлыхъ пятнышекъ* предвѣщаетъ или нечаянную обнову или напраслину.

Если у кого „свербитъ" *лодонь* въ правой рукѣ, то простолюдинъ говоритъ, что вскорѣ ему придется отдавать деньги; если лодонь „засвербитъ" лѣвой руки, то—получать деньги.

Если у кого свербитъ правый *глазъ*, то говорятъ, что вскорѣ ему придется радоваться, а если лѣвый или оба глаза свербятъ, то—плакать.

Если у кого *бровь* свербитъ, то говорятъ, что придется ему вскорѣ кланяться съ кѣмъ-либо.

Если у кого *конецъ носа* или *переносица* свербитъ, то говорятъ, что вскорѣ придется ему услышать въ первомъ случаѣ о родныхъ, а во второмъ—о мертвецѣ.

Если у кого свербитъ въ *ушахъ*, то это означаетъ, что скоро будетъ непогода.

Если у кого горитъ правая *щека*, то означаетъ, что его кто-либо хвалитъ, а если лѣвая, то—коритъ; но если обѣ щеки горятъ, то означаетъ, что о немъ гдѣ-либо говорятъ.

Если у кого *губы* свербятъ, то говорятъ, что ему скоро придется цѣловаться.

Если, при накрытіи стола, придется случайно положить *лишнюю ложку* противъ числа лицъ, садящихся за столъ, то означаетъ, что въ тотъ день долженъ быть гость.

Если за столомъ просыплется соль, то это предвѣщаетъ ссору въ домѣ.

Если двое изъ сидящихъ за столомъ возьмутся въ одно и то же время за *солонку*, то это означаетъ, что между ними должна быть ссора.

Если кто въ избѣ надѣнетъ шапку, то говорятъ, что оттого у него будетъ теща глухая.

Отъ *свистѣнія* въ комнатѣ, простолюдины говорятъ, горшки бьются.

Если замужней женщинѣ не носить въ ушахъ *серегъ*, то она, по мнѣнію простолюдиновъ, должна оттого овдовѣть. Вдовамъ же носить серьги считается грѣхомъ.

Замужней женщинѣ плести въ одну косу волосы считается грѣхомъ, а слѣдуетъ непремѣнно плести ихъ въ двѣ косы.

Надѣть нечаянно на себя что-либо изъ одежды *навыворотъ*—признакъ будущей непріятности.

Если, при разсказѣ о чемъ, кто-либо *чихнетъ*, то это означаетъ, что сказанное есть истина.

Если простолюдинъ *икнетъ*, то вѣритъ, что въ это время кто-либо вспомнилъ о немъ. Отчего произошла поговорка, употребляемая при воспоминанiи о комъ-либо: „Легонько ему икнись".

Когда заболѣвающiй начинаетъ *зѣвать*, то простолюдинъ увѣренъ, что болѣзнь ему приключилась отъ дурного глаза.

Если больной, лежа на постели, оборачивается болѣе къ стѣнѣ, то это означаетъ, что онъ долженъ умереть.

При сожженiи оставшихся отъ соборованiя елейныхъ сучцевъ, замѣчаютъ, куда пойдетъ отъ нихъ *дымъ*: если къ надворной двери или къ окнамъ, то, по мнѣнiю простого народа, это означаетъ, что больной долженъ умереть, а если дымъ пойдетъ вверхъ, то—выздоровѣтъ.

Появленiе *кометы* предзнаменуетъ войну.

Если строевыя лошади *ложатся* и *вздыхаютъ*, то солдатъ вѣритъ, что быть скоро походу.

Старые солдаты также вѣрятъ, если во время войны въ станѣ войскъ жарко горятъ *костры*, это предзнаменуетъ жаркое дѣло.

Если женщины въ время беременности полнѣютъ въ лицѣ, то онѣ родятъ преимущественно дочерей; если худѣютъ, то сыновей.

Дѣти, рождающiяся въ *сорочкахъ* (оболочкахъ), по замѣчанiю простолюдиновъ, бываютъ счастливы въ жизни. Двѣ народныхъ поговорки: „въ рубашкѣ родился" и „въ коростѣ родился" говорятъ о томъ, кто счастливъ въ жизни. Оболочка, въ которой родится дитя, изсушивается и носится на шеѣ вмѣстѣ съ крестомъ и ладонкою, въ полномъ убѣжденiи, что носящiй ее всегда будетъ счастливъ.

Если кто на тѣлѣ имѣетъ *родинки*, а особенно такiя, которыхъ онъ не можетъ видѣть, напр., на спинѣ, тотъ бываетъ счастливъ въ жизни.

Кто изъ дѣтей любитъ пить водку, тотъ въ совершенномъ возрастѣ не будетъ любить ее. На этомъ основанiи многiе изъ родителей безпрепятственно даютъ дѣтямъ пить водку, дабы предотвратить въ нихъ расположенiе къ пьянству въ зрѣломъ возрастѣ.

Новорожденнымъ дѣтямъ въ продолженiи года не шьютъ рубашекъ изъ новой ткани, но шьютъ изъ какихъ-либо старыхъ *обносковъ* для того, чтобы они въ жизни не были но́ски на платье.

Пьяницы не любятъ ѣсть молочное.

Кто скоро ѣстъ, тотъ ретивъ къ работѣ; лѣнивые же и малоспособные напротивъ ѣдятъ нескоро. Говорятъ, что нѣкоторые изъ опытныхъ хозяевъ, при наймѣ неизвѣстныхъ работниковъ, сажаютъ ихъ напередъ кормить, чтобы судить о ихъ качествахъ, а потомъ уже дѣлаютъ съ ними договоръ.

Кто имѣетъ у себя на головѣ *жесткiе волосы*, у того сердитый нравъ.

Прививанiе оспы считается грѣхомъ. Раскольники почитаютъ эту благодѣтельную мѣру за антихристову печать.

По первому *гостю*, пришедшему 1 октября, крестьяне замѣчаютъ, какого пола ягнятъ будутъ больше рождать овцы—барашковъ или ярокъ: если гость былъ мужчина, то овцы родятъ болѣе барашковъ, а если женщина, то—ярокъ.

Если кому придется убить змѣю, то палку, которою убита змѣя, берегутъ до своза съ полей хлѣба, а когда хлѣбъ складываютъ въ одонья, тогда кладутъ ее въ одинъ изъ нихъ для того, чтобы въ хлѣбѣ не заводились мыши.

Если *мышь* проточитъ внутрь печенаго хлѣба *нору*, то смотря въ какомъ направленiи она проточена, простолюдины замѣчаютъ о повышенiи

или пониженіи цѣнъ на хлѣбъ: если нора идетъ снизу вверхъ, то цѣны на хлѣбъ должны возвыситься; если же сверху внизъ, то цѣны должны понизиться, но если нора будетъ итти въ прямомъ направленіи, то цѣны должны быть среднія.

Перевезенныя или перенесенныя *черезъ воду* свѣжія яйца, по народному замѣчанію, не могутъ быть годны принести плодъ.

Первое яйцо, данное при христосованіи, а особенно отъ священника, отъ долговременности не портится, а высыхаетъ, не имѣя дурного запаха.

Освященная въ навечеріе Крещенія Господня вода также не портится. У многихъ она бережется годъ и болѣе, не подвергаясь ни малѣйшей порчѣ. (Въ справедливости этой примѣты сомнѣваться нельзя: она испытана многими, въ томъ числѣ и мною. *А. М.).*

По захожденіи *солнца* не отливаютъ уксуса изъ посуды, потому будто бы, что оттого портится уксусъ.

Равнымъ образомъ не даютъ по захожденіи *солнца* постороннимъ изъ дому молока въ томъ убѣжденіи, что черезъ то корова должна испортиться на молоко.

Если *ласточка* подлетитъ подъ дойную корову, то, по мнѣнію простолюдиновъ, она должна испортиться на молоко. По этой причинѣ гнѣздо ласточки здѣсь никогда не разоряется изъ опасенія ея мести. Убить же ласточку считается грѣхомъ.

Кто убьетъ *ворона*, тому, говорятъ, не миновать трехъ напраслинъ.

Если въ домъ пристанетъ чужая *собака* или *кошка*, то это въ первомъ случаѣ предвѣщаетъ хозяину прибыль, во второмъ—несчастіе.

Мѣсто, на которомъ *каталась* лошадь, простолюдины всегда обходятъ. По мнѣнію ихъ, на перешедшаго это мѣсто нападаютъ лишаи.

Впустить въ комнату собаку считается грѣхомъ.

Если изъ ружья убить *собаку*, то будто бы отъ этого ружье должно испортиться.

Воробей, влетѣвшій въ комнату, предвѣщаетъ несчастіе.

Перейти кому-либо дорогу при встрѣчѣ—дурной знакъ для исполненія намѣреній того, кому перейдена дорога.

Простолюдины слѣпо вѣрятъ въ существованіе *вѣдьмъ*, *домовыхъ*, *русалокъ*, *лѣшихъ*, *оборотней* и въ *хожденіе* по ночамъ тѣхъ изъ *мертвецовъ*, которые были особенными грѣшниками въ жизни, а также въ существованіе *дурного глаза* и во вліяніе его не только на людей, но и на животныхъ. Для сбереженія скота отъ козней домового они вѣшаютъ на шею нелюбимой, по мнѣнію ихъ, домовымъ скотинѣ ладонъ, завернутый въ тряпку, или окуриваютъ ее ладономъ. Не менѣе того они вѣрятъ въ существованіе *худого часа*. Въ предосторожность отъ несчастія, могущаго произойти въ худой часъ, въ разговорахъ часто употребляютъ поговорку: „Въ добрый часъ сказать, въ худой помолчать".

По простонародному мнѣнію, *вихрь* есть не что иное, какъ игра бѣса.

Крестьяне вѣрятъ, что огонь съ весны щенится и потому большая часть изъ нихъ съ праздника Пасхи до осени избѣгаютъ зажигать огонь по вечерамъ въ своихъ избахъ, изъ опасенія пожаровъ.

Одинъ пожаръ, по народному замѣчанію, рѣдко обходится, чтобы вскорѣ послѣ него въ той же мѣстности не было другого.

Когда кто въ первый разъ весною услышитъ *кукушку*, то бросаетъ себѣ за пазуху щепоть земли для того, чтобы не кусали его блохи.

Въ день приплода какого-либо животнаго не даютъ ничего изъ дому. Когда есть прибыль въ домѣ, то, говорятъ, не должно быть убыли и расхода во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій.

Равнымъ образомъ при отъѣздѣ на заработки или въ первый разъ

въ поле на работу не даютъ ничего изъ дому въ томъ убѣжденіи, что черезъ то будетъ удача и успѣхъ во всякомъ дѣлѣ.

На Новый годъ также не даютъ ничего взаймы, для того, чтобы въ продолженіе всего года не было въ домѣ ущерба.

День Св. Пророка *Наума* (1 декабря) считается благопріятствующимъ успѣху для обученія дѣтей грамотѣ. Напротивъ же, дни свв. мучениковъ вообще считаются тяжелыми днями для начинанія всякаго ученія.

Въ день усѣкновенія главы Іоанна Предтечи (29 августа) ничего съѣстного не рѣжутъ ножами и не ѣдятъ ничего круглаго, какъ, напр., арбузовъ, дынь и т. п.

Дни свв. мучениковъ Кирика и Улиты (15 іюля), пророка Иліи (20 іюля) и св. великомученика Пантелеймона (27 іюля) въ народномъ мнѣніи считаются *грозными* праздниками, и потому крестьяне въ эти дни въ полѣ не производятъ никакихъ работъ.

По суевѣрію простолюдиновъ, *громъ* происходитъ оттого, что пророкъ Илія разъѣзжаетъ на небѣ на колесницѣ.

Въ день свв. мучениковъ Флора и Лавра (18 августа) крестьяне ничего не работаютъ на лошадяхъ, почитая св. муч. покровителями лошадей. День этотъ у нихъ называется *лошадинымъ праздникомъ*.

Св. священномученика Власія (11 февраля) считаютъ *покровителемъ коровъ*.

Май считается *несчастнымъ мѣсяцемъ* для сочетанія бракомъ, и потому весьма многіе избѣгаютъ дѣлать въ этомъ мѣсяцѣ свадьбы.

Въ страстной четвертокъ, возвратившись отъ всенощной службы съ зажженною свѣчей, дѣлаютъ копотью кресты на матицахъ или потолкахъ, во избѣжаніе несчастій отъ *громовыхъ ударовъ*. Въ этотъ день, по повѣрью простолюдиновъ, *воронъ купаетъ своихъ дѣтей* до восхожденія солнца, для того, чтобы они были здоровы; на этомъ основаніи нѣкоторые изъ суевѣровъ, чтобы въ продолженіе года также быть здоровыми, купаются также въ этотъ день на дворѣ, сидя на дровосѣкѣ. Купаньемъ этимъ, по мнѣнію ихъ, должно предупредить ворона.

Въ праздники печь хлѣбы считается грѣхомъ, пироги же печь не считается грѣхомъ; но если необходимость заставитъ кого печь хлѣбы въ праздникъ, то, говорятъ, нужно только въ такомъ случаѣ *посолить тѣсто*, и оттого не будетъ грѣха.

Въ *пятницу* дѣлать щелокъ, печь хлѣбы, шить, бучить бѣлье и вообще производить тяжелую работу считается грѣхомъ.

Въ поминальные дни ничего не шьютъ, потому что, по народному мнѣнію, кто въ эти дни шьетъ, тотъ *колетъ* родителямъ (покойникамъ) иглою *глаза*.

Въ понедѣльникъ ничего важнаго въ житейскомъ быту не предпринимаютъ, потому что *понедѣльникъ*, во мнѣніи простолюдиновъ, есть *день тяжелый*.

Въ понедѣльникъ, по мнѣнію раскольниковъ, *черти дѣтей купаютъ*, оттого въ этотъ день они не дѣлаютъ квасу изъ опасенія, чтобы въ немъ чертъ не выкупалъ своихъ дѣтей.

Вечеромъ не выносятъ изъ избы *сору*, дабы не было ссоры.

При выходѣ изъ дому постояльцевъ или при продажѣ дома другому владѣльцу не выметаютъ *сору* изъ комнатъ, дабы между новыми и старыми жильцами не было ссоры. Причемъ не берутся за *печь*, чтобы новымъ жильцамъ не было печали.

При входѣ въ новый домъ для житья хозяева отрубаютъ на порогѣ *голову у курицы*, для того, чтобы въ домѣ не было никакихъ несчастій для живущихъ.

Если въ домѣ появятся *черные тараканы*, это предвѣщаетъ счастіе для хозяевъ.

Если въ потолкѣ жилого дома *покоробится доска*, это предвѣщаетъ покойника въ домѣ.

Перворожденныхъ отъ молодой суки щенятъ рабрасываютъ въ такія мѣста, гдѣ они издыхаютъ, потому что они будто бы по возрастѣ бѣсятся.

При встрѣчѣ не говорятъ: „куда идешь?" Отъ этого вопроса, по мнѣнію черни, не будетъ счастья тому, кому предложенъ вопросъ; если же нужно спросить о томъ встрѣтившагося, то говорятъ: „ской далече?"

На *порогѣ* не видаются и не прощаются, чтобы не было между видающимися или прощающимися ссоры.

Если во время вѣнчанія кто первый изъ вступающихъ въ бракъ станетъ на *подножье*, тотъ въ супружеской жизни будетъ имѣть первенство или власть надъ другимъ. Причемъ замѣчаютъ, у кого изъ вѣнчающихся сгоритъ болѣе *свѣчи*, тотъ долженъ прежде умереть.

Потеря *вѣнчальнаго кольца* предвѣщаетъ смерть того изъ супруговъ, кому принадлежало кольцо.

Женщинамъ рѣзать птицъ и другихъ животныхъ считается грѣхомъ.

На огонь плевать считается грѣхомъ.

Когда бучатъ бѣлье, то, выливши послѣдній чугунъ со щелокомъ въ букъ, опрокидываютъ его на нѣкоторое время за порогомъ въ томъ убѣжденіи, что оттого не будутъ при носкѣ бѣлья заводиться въ немъ насѣкомыя.

Въ первый разъ съ осени стараются начать топить комнаты 1 октября. По мнѣнію простого народа, оттого зимою бываютъ теплѣе и суше комнаты.

1 апрѣля обманываютъ своихъ знакомыхъ или родныхъ для того, чтобы они были счастливы.

Съ весны не дозволяютъ дѣтямъ пускать *бумажныхъ змѣевъ* до тѣхъ поръ, пока не начнетъ поспѣвать рожь: по мнѣнію простолюдиновъ, пусканіе змѣевъ препятствуетъ урожаю хлѣба.

Когда цвѣтетъ хлѣбъ, то не бѣлятъ холста: при бѣленіи холста надо колотить его валькомъ, а *стукъ*, происходящій отъ колоченія холстовъ, служитъ, по мнѣнію черни, причиною того, что хлѣбъ отцвѣтаетъ неблагополучно.

Весной вѣсятъ первыя три яйца, снесенныя молодою курицею въ первый разъ. Если самое *первое яйцо* тяжелѣе прочихъ двухъ, порознь взятыхъ, то первый яровой посѣвъ будетъ урожайнѣе и умолотнѣе второго и третьяго посѣва. Такъ же заключаютъ объ урожаѣ по второму и третьему яйцу, противополагая второе яйцо второму посѣву, третье—послѣднему.

Во время бездождія женщины *обливаютъ* проходящихъ мимо колодцевъ людей и обливаются сами въ той увѣренности, что черезъ то пойдетъ дождь.

Исходъ луны считается лучшимъ временемъ для принятія лѣкарствъ противъ глистовъ.

Видимыя пятна на лунѣ, въ мнѣніи простого народа, представляютъ картину, на которой изображенъ Каинъ, убившій Авеля, окруженнаго овцами.

Простолюдины вѣрятъ, что въ день Пасхи и въ день свв. Апостоловъ Петра и Павла солнце при восхожденіи играетъ (переливается разными цвѣтами).

Насморкъ приключается, по мнѣнію простолюдиновъ, отъ питья воды, *нанюханной кошкою*. Для излеченія его они нюхаютъ у кошки *конецъ хвоста*, прижженный на огнѣ.

Найденную между орѣхами *двойчатку* кладутъ въ денежный кошелекъ въ томъ убѣжденiи, что оттого будто бы будетъ прибыль и спорость въ деньгахъ.

Чтобы куры несли яйца въ своемъ дворѣ, нужно яичныя скорлупы *сжигать* въ печи или вырывать по перу изъ хвостовъ тѣхъ курицъ, которыя не дома несутъ яйца, и также сжигать въ печи.

Если курей сажать на яйца для вывода цыплятъ въ *пятницу*, то, говорятъ, преимущественно будутъ выводиться „молодки" (цыплята женскаго пола).

Простолюдины вѣрятъ въ магическое дѣйствiе *разрывъ—травы*. Доставшiй ее долженъ вложить въ разрѣзанную рану, гдѣ она по времени зарастаетъ вмѣстѣ съ заживленiемъ раны, и тогда онъ, по мнѣнiю ихъ, получаетъ способность разрывать цѣпи и отмыкать замки безъ ключа.

Равнымъ образомъ, они вѣрятъ въ магическое дѣйствiе *папоротника*, который, какъ говорятъ, всегда цвѣтетъ въ полночь подъ Ивана Купала (24 iюня). Сорвавшему цвѣтокъ папоротника, съ помощью его, безъ всякихъ препятствiй даются заколдованные клады.

Разбитое громомъ дерево употреблять на какую-либо подѣлку считается грѣхомъ.

Если съ пасѣки будетъ украдено нѣсколько колодокъ съ пчелами, то, по убѣжденiю простолюдиновъ, остальная пасѣка должна перевестись. Въ такомъ случаѣ хозяинъ предупреждаетъ утрату обреченной будто бы къ неминуемому уничтоженiю пасѣки заблаговременною продажею ея.

Чтобы купленная корова знала дворъ новаго хозяина, для того даютъ ей на *печной заслонкѣ* или ломоть хлѣба или нѣсколько соли съ приговоромъ: „Какъ заслонка отъ печи не отходитъ, такъ и ты не отходи отъ двора". Съ тѣмъ же приговоромъ и для той же цѣли на печной заслонкѣ моютъ лапки у вновь принесенной въ домъ кошки.

Если съ весны *толкушки* (крылатыя насѣкомыя, толкущiяся въ воздухѣ безчисленными роями въ теплые вечера) летаютъ высоко, въ такомъ случаѣ прядево будетъ длинно, а если толкушки летаютъ низко, то прядево будетъ коротко.

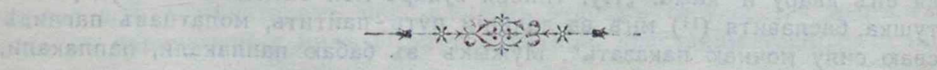
Обилiе *мухъ* предвѣщаетъ хорошiй сборъ гречихи.

При сватовствѣ родные невѣсты стараются прибирать подальше *вѣники* и старые *башмаки*, чтобы не унесли ихъ сваты. По мнѣнiю простого народа, когда сваты унесутъ что-либо изъ этихъ вещей, то невѣста непремѣнно должна выйти за предлагаемаго ими жениха, хотя бы онъ и не соотвѣтствовалъ невѣстѣ родомъ и достаткомъ.

Паденiе *звѣзды*, по повѣрью простолюдиновъ, означаетъ переселенiе души отъ земли въ вѣчность.

Сонъ, видѣнный подъ праздникъ, какъ бы ни былъ страшенъ онъ, имѣетъ силу только въ тотъ день до обѣда.

Если недавно оягнившаяся овца не подпускаетъ подъ себя ягненка, въ такомъ случаѣ, по мнѣнiю крестьянъ, кто-либо изъ хозяевъ долженъ выйти на улицу и сказать вслѣдъ первому проходящему мимо двора человѣку: „Постой! у меня овца не стоитъ подлѣ ягненка", — и съ тѣмъ вмѣстѣ уйти домой; и тогда будто бы овца сама будетъ кормить ягненка.



V.

Сказки, разсказы, анекдоты, прибаутки и дѣтскія пѣсенки, записанныя въ городѣ Обояни и его уѣздѣ.

Сказки:

I.

Иванъ-Царевичъ.

а) Жылъ сабѣ мужыкъ ды баба, у нихъ не была дітей. Долга они сакрушались ды плакали, што у нихъ дитей-та не была; ушъ ани и знахарій нахадили, и варажыли-та, и што—ня што дѣлали—усё ни памагала. Вотъ баба у вадно время лигла спать и видя у ва снѣ, што приходя къ ней старуха и кажа: „ты, баба, ни пичальси: пайдешъ у лѣсъ за ягадами; увидя тибе тамъ царь, палюбя ёнъ тибе, и радишъ ты атъ ниго сына славнаго багатыря Ивана-Царевича. Ёнъ у тибе будя рость ни па днямъ, а па чисамъ. Ты яму воли ни запинай, а што ни папрося усё давай". Уставшы, баба и думая: „Ну, сна-та я мужу ни скажу, а падарачикъ яму припасу". Долга ли, коратко, нарядилась ана што ни-у-самая твѣтлая [1] платья и пашла у лѣсъ за ягадами. Аткуля [2] ни—узялси царь. Долга ня думавшы, купилъ у бабы ягады и у галавѣ паискать папрасилъ. Вотъ стала ушъ вичарять, баба двару [3] пришла и ягатъ ни принисла. Мушъ стричая [4] йе и успрашывая: „Идѣ [5] шъ ты ягады падивала?"—„Ягатъ многа набрала, да усѣ папрадала; а денихъ многа принисла". И ратъ, ратъ былъ мужыкъ, што баба денихъ-та многа принисла. Жывуть ани; вотъ и радилси у нихъ сынъ. Сколькя была радасти! Давай ани думать: какъ кстины сабирать и какъ яму имя нарикать. Думали, думали и рящыли: нихай [6] имя яму будя Иванъ, а празванью—Царевичъ. Вотъ Иванъ-Царевичъ расте ни па днямъ, а па чисамъ: пять дней пражылъ—што пять гадовъ, питнатцать дней—што питнатцать гадовъ. Мужыкъ зъ бабаю ни нарадуютца, што Иванушка *ихъ* скора расте. Давай ани яму игрушки пакупать. „Нѣтъ, гасударь мой батюшка и радимая матушка, вы мине етимъ ни забавляйтя, а падити-ка вы ва кузинку, закажытя мнѣ палачку жалѣзнаю, апъ трехъ пудовъ". Вотъ ани заказали яму палачку апъ трехъ пудовъ. Узялъ Иванъ-Царевичъ ету палачку, вышалъ ва чисто поля, туды-суды [7] повяртѣлъ *ие*, падбросилъ уверхъ, патставилъ лопъ, палачка упала и сагнулась. Приходя ёнъ двару и кажа: „Нѣтъ, гасударь мой батюшка и радимая матушка, тата [8] палачка мнѣ лихка, издѣлайтя мнѣ у пять пудовъ. Издѣлали яму и у пять пудовъ. Вотъ ёнъ ипять [9] вышалъ у чисто поля, туды-суды павяртѣлъ *ие*, пакрутилъ, падбросилъ уверхъ, патставилъ лопъ, палачка упала и ни пагнулась. Тады [10] приходя ёнъ двару и кажа: „Ну, типеря сударь мой батюшка и гасударыня матушка, баславитя [11] мнѣ ва дальній путь пайтить, молатцавъ паглядѣть, сваю силу мочнаю паказать". Мужыкъ зъ бабаю паплакали, паплакали, а

---

1) Цвѣтное. 2) Откуда. 3) Домой. 4) Встрѣчаетъ. 5) Гдѣ. 6) Пускай. 7) Туда-сюда 8) Эта. 9) Опять. 10) Тогда. 11) Благословите.

удиржать иго была нильзя; баславили и у дальній путь снарядили. Идя ёнъ путёмъ—дарогаю, и разузналъ, што у аднаго багатага гаспадина кругомъ жылья были лиса дрямучіи, а ва тѣхъ лисахъ развялись такіи страшнаи змѣи, што нильзя никаму мима ни прайтить, ни праѣхать: каго гаспадинъ ни пашле, скотъ ли стиречь (1), али (2) ишшо (3) за чѣмъ, то скотъ адинъ приходя двару, а чилэка съидають змѣи. Вотъ Иванъ-Царевичъ и идя пряма къ таму гаспадину, и нанялси къ няму у батраки. Пирначивавшы, хазяинъ и пасылая иго авецъ стиречь. Стирге Иванъ-Царевичъ авецъ, а самъ лёхъ на травку, глядить—паднилась буря, лятить змѣй апъ трехъ галовъ: „Здрастуй, Иванъ-Царевичъ! Зачѣмъ ты суды зашолъ—битца ай (4) миритца?“—„Нѣтъ, праклятай змѣй, ни за тѣмъ я суды пришолъ, штопъ миритца, а за тѣмъ, штопъ битца“. Ну, и начали дратца; дрались, дрались, змѣй савсѣмъ была сталъ адаливать Ивана-Царевича: па калѣна у землю иго утапталъ. Вотъ ёнъ глянулъ нà ниба и кажа: „Госпади, ни папусти христіянскай крови праклятаму змѣю на съяденья!“ Аткуля узилась у ниго сила: какъ махнулъ ёнъ сваею палкаю, такъ три галавы зъ змѣя и слятѣли. Иванъ-Царевичъ выралъ ямку, закапалъ иго и пагналъ авецъ двару. Пригнавшы, ни сказалъ ничиго пану. А панъ и думая: „Штошъ ета за дива? нашы люди пайдуть, и жывы двару ня придуть, адинъ толькя скотъ двару приходя, а етатъ и самъ пришолъ, и авецъ пригналъ! Знать змѣй нынча ни прилиталъ“. На другой день ипять ёнъ гоня авецъ. Авецъ пустилъ на кормъ, а самъ лёхъ на травку аддахнуть, глядить—паднилась буря, лятить змѣй апъ шасти галовъ. „Здрастуй, Иванъ-Царевичъ! Што будимъ битца, ай миритца?“—„Ни за тѣмъ пришолъ я, штопъ миритца, а за тѣмъ пришолъ, штопъ битца“. Вотъ стали ани битца. Бились, бились, змѣй савсѣмъ была сталъ Ивана-Царевича адаливать: ушъ пò паисъ у землю иго увагналъ. Иванъ-Царевичъ узглянулъ нà ниба и кажа: „Госпади, ни папусти маей христіянскай крови праклятаму змѣю на съяденья“! Аткуля ни взилась у ниго сила: махнулъ туды—сюды палачкаю—и усѣхъ шасти галовъ у змѣя какъ ни бывала. Выралъ Иванъ-Царевичъ ямку и зарылъ иго. Пригнавши авецъ двару, ипять ничиго ни сказалъ пану. Панъ ишшо боля дивитца, што батракъ асталси жывъ. На третій день Иванъ-Царевичъ ипять гоня скотъ стиречь. Паднилась буря, лятить змѣй абъ двинатцати галовъ. „Здрастуй, Иванъ-Царевичъ! Што пришолъ битца, ай миритца?“—„Я ни за тѣмъ суды пришолъ, штопъ миритца, а за тѣмъ, штопъ битца“. Давай ани битца. Бились, бились, змѣй савсѣмъ была убилъ Ивана-Царевича: па груди у землю иго увагналъ. Иванъ-Царевичъ узглянулъ нà ниба и кажа: „Господи, ни папусти маей христіянскай крови праклятаму змѣю на съяденья!“ Аткуля ни взилась у ниго сила: убилъ ёнъ и етага змѣя и двинатцать галовъ яму збилъ. Выралъ Иванъ-Царевичъ ямку и закапалъ иго, а самъ пагналъ скатину двару. Пригнавшы, ипять ни сказалъ хазяину ничиго. Панъ и думая: „Што шъ ета за аказія: и нынча батракъ асталси жывъ! знать ипять змѣя не была“. На читвертай день Иванъ-Царевичъ и кажа: „Ну, типерь, хазяинъ, заплати мнѣ за труда, а я пайду двару“.—„Што шъ табѣ заплатить?“ „Да што дашъ, за то спасиба“.—„Вотъ табѣ за три дня три авцы“. Иванъ-Царевичъ паблагадарилъ хазяина и пашолъ. Ишолъ, ишолъ; стрѣлси 5) съ мужыкомъ. Мужыкъ виде трехъ сабакъ на привизи. И гаварить яму Иванъ-Царевичъ: „Давай минять сабакъ на авецъ!“ —„Давай“. И паминяли авецъ на сабакъ. Узялъ ёнъ у мужыка сабакъ и пашолъ. Ишолъ, ишолъ путёмъ-дарогаю и услышылъ, што у нѣкатарамъ царствя, у нѣкатарамъ гасударствя жылъ сабѣ царь съ царицаю, и у нихъ были три дочири, красавицы такіи, што ни у

1) Пасти. 2) Или. 3) Еще. 4) Или. 5) Встрѣтился.

скаски сказать, ни пиромъ написать! и што приключилась у *и*хъ царствя горя вяликая: завёлси у нихъ змѣй гаринычъ, абъ двинатцати галовъ и пажыралъ людей. Царь и люди палажыли аддавать яму кажнай Божай—день па дѣвушки. Давили, давали яму дѣвакъ адна па аднэй и усѣхъ пирдавали. Дашла черьга (¹) и да царскихъ дачирей. Снарядили старшую, разбили у царскамъ саду шатёръ и пасадили *и*е тамъ змѣю на съяденья. Сидить ана и горькя плача. Патходя къ ней Иванъ-Царевичь. „А чомъ ты, Марья-царевна, горькя плачишъ? Ты раскажы мнѣ бяду сваю“.—„Што я табѣ, добрай моладицъ, раскажу? Ты горю маяму ни паможышъ, а сибе загубишъ. Иди лутчи (²) скарѣй атцуда (³)“. „Нѣтъ“, кажа, „ни пайду, а тибе спасу. Раскажы толькя мнѣ горя сваё“. Вотъ ана и кажа: „Аддають мине батюшка съ матушкаю лютаму змѣю на съяденья“.—„Ну, Марья-царевна, ни плачь; сибе пагублю, а тибе спасу. Типеря я зъ дароги ляжу паляжу, а ты мине паишшы, да каравуль, какъ полнеба загаритца, такъ скарѣича мине буди, а ни разбудишъ, прападемъ абоя (⁴). Лёхъ Иванъ-Царевичь и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Видя Мрья-царевна, што полнеба загарѣлась и лятить змѣй, начила *и*го будить, талкать. Ушъ ана *и*го какъ—ни какъ ня будя, никакъ ни разбудя, а сама горькя плача. Слёска упала Ивану-Царевичу на шшоку и какъ агнёмъ *и*го пражгла. Енъ ускачилъ. „Ахъ, Марья-царевна, што ты мине позна разбудила: ушъ змѣй скора прилятить!“ Ни успѣлъ ёнъ сказать, какъ прилятѣлъ и змѣй. „Здрастуй, Иванъ-Царевичь! Што пришолъ битца али миритца?“—„Я ни за тѣмъ пришолъ, праклятай змѣй, штопъ миритца, а за тѣмъ, штопъ, битца“. Крикнулъ, гаркнулъ Иванъ-Царевичь сваю ахоту любимаю: „Сабаки маи любимаи, сабаки маи вѣрнаи, бейтись такъ, какъ я: ни на жывотъ, а на смирть!“ Вотъ начали дратца: сабаки рвуть, а самъ ёнъ какъ махне палкаю, аднимъ канцомъ—аднэй галавы у змѣя нѣтъ, другимъ канцомъ—другой галавы у ниго какъ ни бывала. Долга ли, каратко ани дрались, Иванъ-Царевичь убилъ змѣя и тутъ жи костачки у землю зарылъ. „Типерь жа пратшай, Марья-царевна“, кажа Иванъ-Царевичь, „буть здарова, а я пайду аддахну“. Прашла ночь; на утра царь и пасылая сва*и*го слугу узнать: жыва-ли Марья-царевна. „А хто *и*е спасъ, тотъ на ней и женитца“, сказалъ царь. Слуга пришолъ у шатеръ къ Марьи-царевны, видя, што она жыва, вынулъ саблю и кажа: „Гавари, Марья-царевна, хто тибе спасъ?“—Нѣтъ, ни скажу.—„Гавари, а ня то голаву сыйчасъ атрублю!“—Ни скажу, хто мине спасъ.—„Ну, такъ скажы царю, што я тибе спасъ“. Марья-царевна испужалась и пасулилась сказать атцу, што ёнъ *и*е спасъ. Пришли къ царю, и гаварить Марья-царевна: „Вотъ, батюшка радимай, вотъ хто мине спасъ“. Царь и кажа: „Быть жа табѣ, Марья-царевна, *и*го жаною: аддаю тибе за ниго замушъ“. Ну, чеснымъ пиркомъ да за свадибку. Пирвинчали, начали пиравать. А Иванъ-Царевичь сазвалъ сваю ахоту и гаварить: „Сабаки маи любимаи, сабаки маи вѣрнаи! Какъ бы узнать, што дѣлаитца у царскамъ дварцу“. Вотъ адна сабака пабѣгла у царскай дварецъ, паразузнала, паразглядѣла усё· Прибигая назатъ, да и кажа: „Вотъ што, Иванъ-Царевичь, у царскамъ дварцу дѣлаитца: пьють, *и*дя и вислятца, да натъ табою, добрымъ молатцамъ, издиваютца. Адна толькя Марья-царевна ни пье, ня ѣсть и ни висялитца, а па табѣ сакрушаитца“. Вотъ, пагадя нямнога, Иванъ-Царевичь пасылая другую сабаку узнать, што у царскамъ дварцу дѣлаитца. Пабѣгла и другая сабака, паразглядѣла усё, паразузнала. Прибѣгла, да и кажа: „Вотъ што, Иванъ-Царевичь, у царскамъ

1) Очередь. 2) Лучше. 3) Отсюда. 4) Оба.

дварцу дѣлаитца: столы расставляють дубоваи, скатирти расстилають бѣлаи“. Тутъ Иванъ-Царевичь узялъ сваю ахоту любимаю и пашолъ у царскай дварецъ. Праходя адну горницу, праходя другую, третью; у читвертай горницы сталы накрыты, и сидя гости за сталами. Ёнъ сталъ у двиряхъ, и нихто *и*го ни замѣтилъ; толькя адна Марья-царевна аглядѣла *и*го и ускрикнула: „Гасударь ты мой батюшка и радимая матушка, вотъ мой истённай (¹) жанихъ! а етатъ толькя названнай“. Тутъ ана расказала аба всемъ царю. Царь вялѣлъ названнаго жаниха казнить. А Ивана-Царевича распрасилъ: хто ёнъ, аткуля и какого роду и племини? Ёнъ *и*мъ пра всё расказалъ. Царь паслалъ привесть атца и мать Ивана-Царевича; и какъ толькя ани пріѣхали, стали свадьбу играть. Былъ пиръ на весь міръ. Я тамъ былъ, мётъ—вино пилъ, па усамъ тякло, а у ротя не была.

б) У нѣкатарамъ царствя, у нѣкатарамъ гасударствя жылъ сабѣ царь, адинъ, ни жанатай—халастой. Вотъ ёнъ уздумалъ жанитца; идѣ, идѣ ни глядѣлъ ёнъ сабѣ нявѣстъ, какихъ—никакихъ яму ни привазили красавицъ—ни адна яму ни упадобилась (²). Вотъ у ваднэй бѣднай избушки жыли двѣ красавицы дявицы—ро́днаи сястрицы. Адна, старша́я и гаварить другой: „Кабы царь жанилси на мнѣ, я пъ яму сама кушать варила, и кахала пъ *и*го што малага рибенка“.—„А я, гаварить ме́ньшая, радила пъ яму сына и дочиря, па калѣна ноги у золатя и по лакать руки у сирябрѣ“. Царь патслухалъ *и*хъ разгаворы да и думая: „Усѣ—усѣ диковинки на свѣтя я видалъ, а дитей такихъ я ни видалъ; на какой женисси, што и дитей вовся ня будя, а ета упирётъ суля“. На другой день царь шле къ ме́ньшай сястрицы сватовъ и наказывая: „Нихай будя па *и*е—нихай идя замушъ за мине и радить мнѣ такихъ дѣтей, што па калѣна ноги у золатя, по лакать руки у сирябрѣ“. Сыграли свадьбу. Жывуть ани. Вотъ пришло время царицы радить; пазвали бапку. А старшая сястрица таила зло на ме́ньшаю сястру за то, што царь *и*е за сибѣ ни узялъ; паткупила ана бапку, што пъ та падмянила рибенка шшанёнкамъ. Радилси сынъ па калѣна ноги у золатя, по лакать руки у сирябрѣ. Бапка сына украла, а на мѣста *и*го падлажыла шшанёнка. Царь и успрашывая у бапки: „Ну, бабушка, што намъ Бохъ далъ?“—„Стыдна сказать, грѣхъ патаить, ваша царская миласть: радилси шшанёнакъ“. Царь больна рассирчалъ, и вялѣлъ царицу за абманъ расстрылять, а тѣла къ лашадинаму хвасту привизать и костачки па чисту полю размыкать. Ни успѣлъ царь такіи рѣчи вымалвить, какъ явилси нячистай и гаварить яму: „Царскаго рода ни льзя ни бить, ни казнить, ни смерти придавать“. Царь смилавалси, прастилъ *и*е и далъ сроку на гать, пакуля (³) радить ана другоя дитё, а шшанёнка вялѣлъ ускармливать. Прашолъ готъ. Царицы пришло время ишшо радить. Старшая систра ипять паткупила бапку, што пъ ана падмянила рибёнка кашаненкомъ. Радилася дочь, па калѣна ноги у золатя, по лакать руки у сирябрѣ. Бапка дѣвачку украла, а на мѣста *и*е падлажыла кашанёнка. Царь и успрашивая у бапки: „Ну што, бабушка, намъ Бохъ далъ?“—„Што, батюшка, ваша царская миласть, стыдна сказать—грѣхъ патаить: радился кашанёнакъ“. Царь и кашанёнка вялѣлъ ускармливать, умѣстя съ шшанёнкамъ; а на царицу ишшо боля рассирчалъ, и приказалъ *и*е расстрылять, а тѣла къ лашадинаму хвасту привизать и па чисту полю костачки размыкать. Ни паспѣлъ царь вымалвить сваи грознаи рѣчи, какъ явилася тамъ нячистая сила и сказала: „Царскаго роду нильзя ни

1) Истинный, настоящій. 2) Не понравилась. 3) Пока.

бить, ни казнить, ни смерти придавать, а можна толькя у патполья сажать". Царь паслухалси, вялѣлъ пасадить ие у патполья и давать ей па крушки вады и па шкорки (1) абгарѣлай хлѣба у день; а самъ жанилси на старшай сястрѣ. Жывуть ани готъ, жывуть другой, а дитей у нихъ нѣтъ. Укравшы царскихъ дитей, новая царица зъ бапкаю таили ихъ у затворя у високамъ теримя; и ушъ какъ ани баялись, што пъ ни правѣдалъ а томъ царь. Дѣти расли ни па днямъ, а па чисамъ, какъ тѣста на апаря паднимались. Расъ паднилась пристрашная-страшная буря, размитала теримъ, идѣ сидѣли царскаи дѣти, патхватила ихъ и принисла къ дѣвичьиму манастырю. Адна старая манашка нашла ихъ и узила на сваи руки; палюбила ихъ и хадила за ними какъ за сваими дятьми. Жывуть ани. Вотъ видють, што другіи дѣти ходють у лѣсъ за ягадами, и ани просютца пустить ихъ съ ними, толькя манашка ни пускала ихъ. У вадно время старушка ни углядѣла за ними, какъ ани ушли у лѣсъ за ягадами. Толькя пашли ани—паднилась буря и унисла ихъ; нисла, нисла и паставила сирётъ лѣса дрямучига. Манашка хватилась ихъ, паискала—паискала, поплакала, пагаривала, да такъ и астáлась—ни нашла. Дѣти спирва испужалися, а даля (2) аглядѣлись, выкапали сабѣ зимлянку и стали у ней жыть. Систра и гаварить брату: „Што шъ мы, братицъ, будимъ ѣсть?" —„А вотъ я издѣлаю сабѣ стрѣлку, пайду дичи настрыляю, а ты наваришъ да нажаришъ, и будя што ѣсть". Издѣлалъ сабѣ стрѣлачку и хадилъ усякай расъ стрылять дичь; тѣмъ ани и питались. Жывуть ани готъ, жывуть другой и третій, ушъ павырасли, и были такіи красиваи, што на бѣламъ свѣтя такихъ красавцавъ нѣтъ. Расъ какъ-та братъ пашолъ на ахоту, а систра астáлась дома; выихалъ также и царь паахотитца; вотъ и стрѣлись (3) ани. Царь, увидившы такога красавца, зъ-диву—удалси (4): аткуля ёнъ узялси! Ну, и успрашывая у него: аткуля ёнъ, и какого роду и племини? Ёнъ и кажа: „хто я и аткуля, я ничиго ни знаю; мы жывемъ съ сястрою у лѣся, у зимлянки; принясло насъ суды вихрамъ—бурію". Пагутаривишы, царь распрастилси съ нимъ и падарилъ яму новаю харошаю стрѣлачку и малинькію сабачку. Приѣхамчи двару, царь и говарить царицы: „Ну, царица, нынча видилъ я такого красавца, што на свѣтя нѣту другога: сапошки залатыи, а пиршатачки сиребринаи; жыветь ёнъ съ сястрою у лѣся, у зимлянки". Царица какъ услыхала, такъ и серца у ней абарвалось. „Какъ-расъ (5) ета тѣ дѣти, што бурію у насъ унясло", падиржала ана сабѣ на умѣ. Пасылая ана за бапкаю и гаварить ей: „Вотъ какоя и вотъ какоя дѣло, бабушка: какъ—расъ ета тѣ дѣти, што бурію у насъ съ табою унясло. Какъ бы намъ ихъ съ свѣту свесть?"—„Ни пичальси, матушка царица; пайду провѣдаю, кали ани, то мы найдимъ имъ мистечка, аткуля нѣтъ узвароту". Вотъ и пашла бапка; хадила, хадила полису, насила нашла зимлянку, идѣ жыли царскаи дѣти. Увашла ана у зимлянку, памалилась, пакланилась и гаварить: „Здрастуйтя, Иванъ-Царевичь и Марья-царевна!" Тѣ уздивавались, што ана ихъ такъ павильчала. „Скажы намъ, бабушка: чья ты и аткуля, и атчиго ты насъ такъ называишъ? Мы ни знаимъ сваиго ни роду, ни племини; занисяны мы суды вихрамъ—бурію".—„Охъ, вы милаи дѣти! какъ жа мнѣ васъ ни знать: сама я васъ павивала, на сваи руки принимала. Вы—дѣти славнага царя заморскага; напали на вашыхъ атца съ матирью злыи недруги, и умарили ихъ ани у злой няволюшки. А ты, долга ня думавшы, сабирайси, Иванъ-Царевичь, у путь за нявѣстаю; я табѣ нявѣсту нашла. Ни бяри ты приданага—ни злата, ни сéрибра, а бяри войска нясмѣтная и ратуй сваё царства вяли кая

1) По коркѣ. 2) Потомъ. 3) Встрѣтились. 4) Удивился. 5) Подлинно, точно.

Выдишъ изъ лису, дяржысь дароги направа, и усё иди па ней; дайдешъ да пиряхрёстка, будя табѣ три дароги, ступай ни па сиредній, ни па лѣвай, а иди па правай дароги, тамъ будя стаять избушка, у тэй избушки жыве старушка, иди къ ней, ня бойси; ана табѣ путь-дарогу укажа". Распрашшалась и ушла. Пришла къ царицы да и гаварить: „Ни пичальси, матушка-царица, паслала я иго на такую дарошку, идѣ жывуть людаѣды и паидають усѣхъ, хто мима идя али ѣдя; ни вярнутца яму аттуда!" А Иванъ-Царевичь съ сястрою падумали, пагаваривали, и паряшыли итить Ивану-Царевичу папытать щастья. Памалилси ёнъ Богу, на всѣ на чатыри стораны пакланилси, папрашшалси съ сястрою и гаварить: „Ну, систра мая милая, систра мая любезная, аставляю табѣ сабачку, а сабѣ бяру стрѣлачку. Знай: кали я буду жывъ, то и сабачка мая будя жыва, а кали я умру, то и сабачка издохня". И пашолъ. Ишолъ-ишолъ, долга ли—каротко, скора скаска сказываитца, да нискора дѣла дѣлаитца, видя стаить хатка (1) на куриныхъ лапкахъ, на сабачьихъ пяткахъ, къ лѣсу перидамъ, а къ няму задамъ. Иванъ-Царевичь и гаварить: „Хатка, хатка, пирвярнись ка мнѣ перидамъ, а къ лѣсу задамъ!" Хатка пирвярнулась. Увашолъ ёнъ у ту хатку, тамъ сидить баба-ига, кастиная нага, носъ у паталокъ уросъ. „Здрастуй, бабушка!"—„Здрастуй, Иванъ-Царевичь! Што ты волію, ай няволію суды зашолъ?" „Ни такъ, бабушка, па няволи, какъ па воли".— „Раскажы ты мнѣ сваи дѣла: зачѣмъ ты суды пришолъ?"—„Иду, бабушка, нявѣсты искать".—Есть у мине на примѣтя нявѣста—царевна прикрасная, да трудна табѣ да ней дабратца: ни на ту дарогу ты папалъ. Тутъ жывуть людаѣды, ани тибе съидя. Да видна нечига дѣлать, нада табѣ памочь; жаль мнѣ тибе стала. Садись жа типерь пазавтрикай да ляшъ сасни, а то ты примарилси (2). Пазавтрикамшы, Иванъ-Царевичь лёхъ атдахнуть, и гаварить: „Ты шъ мине, бабушка, узбуди параньша". Долга ли, каратко ёнъ спалъ, старуха и будя иго: „Будя (3) табѣ, Иванъ-Царевичь, спать, пара табѣ уставать, пара табѣ у путь—дарогу итить. Вотъ табѣ клубочикъ; пайдёшъ ты атъ мине, пакати иго; куда ёнъ будя катитца, туда и ты за нимъ иди. Будя на дароги стаять хатка, тамъ жыве мая бóльшая систра, зайди къ ней и скажы атъ мине паклонъ; ана тибе пакормя и скажа куда итить". Иванъ-Царевичь памалилси Богу, на всѣ на чатыри стораны покланилси, папрашшалси съ бапкаю, узялъ клубочикъ, пакатилъ и пашолъ за нимъ. Ишолъ, ишолъ, видя стаить хатка на куриныхъ лапкахъ, на сабачьихъ пяткахъ, къ лѣсу перидамъ, а къ няму задамъ. Ёнъ и гаварить: „Хатка, хатка, стань ка мнѣ перидамъ, а къ лѣсу задамъ!" Хатка пирвярнулась. Увашолъ Иванъ-Царевичь у хатку, тамъ сидить баба-ига, кастиная нага, носъ у паталокъ уросъ. „Здрастуй, бабушка!"— „Здрастуй Иванъ-Царевичь! Што ты волію, ай няволію суды зашолъ?" „Ни такъ няволію, какъ волію. Иду атъ тваей мéньшай сястры, табѣ паклонъ нясу".—„Куда шъ ты и́дишъ, Иванъ-Царевичь?" „Иду сабѣ нявѣсты искать".—„Знаю, знаю, мой батюшка, нявѣсту царевну-прикраснаю, да трудна табѣ да ней дабратца. Ну, да ничига дѣлать, надамна горю тваяму пасабить: жалка красату тваю губить. Сять-кя паѣшъ, да ляшъ—выспись, а то ты умарилси зъ дароги, а тамъ паглядимъ; утра вечира мудрянѣя будя". На утра баба-ига и будя иго: „Уставай, Иванъ-Царевичь! ушъ утра на дварѣ; пара у путь—дарогу итить. Вотъ табѣ клубочикъ; пайдешъ атъ мине, пакати иго, и куды ёнъ пакотитца, туды и ты иди. Ёнъ привиде тибе къ самай старшай нашай сястры; атняси ей нашъ паклонъ; ана ти-

1) Избушка. 2) Пріутомился. 3) Будетъ.

бе давиде, идѣ царевна жыве. Будишъ итить чиризъ лиса темнаи, чирязъ горы крутыи, чирязъ рѣки глубокаи, иди ня бойси: у лисахъ темныхъ ни заблудишъ, у гарахъ крутыхъ ни уморисси, у рикахъ глубокихъ ни утопнишъ". Иванъ-Царевичъ Богу памалилси, на всѣ на чатыри стораны пакланилси и зъ бабая-ягою папрашшалси, и пашолъ. Ишолъ, ишолъ; прашолъ лиса темнаи—ни заблудилси, прашолъ горы крутыи—ни умарилси, прашолъ и рѣки губокаи—ни утопъ. Вышидчи изъ рѣчки, пашолъ па берришку, глядить: стаить хатка на курьихъ лапкахъ, на сабачьихъ пяткахъ, къ лѣсу перидамъ, а къ няму задамъ. Иванъ-Царевичъ гаварить: „Хатка, хатка, стань ка мнѣ перидамъ, а къ лѣсу задамъ!" Хатка павярнулась. Увашелъ ёнъ у ту хатку, тамъ сидить баба-ига, кастиная нага, носъ у паталокъ уросъ. „Здрастуй, бабушка!"—„Здрастуй, Иванъ-Царевичъ! Волію, ай нявoлію пришолъ ты ка мнѣ, и какъ ты суды дабралси?" „Да, бабушка, ни такъ па няволи, какъ па воли. Атъ тваихъ ме́ньшихъ систеръ табѣ паклонъ принёсъ".—„Ну, раскажы шъ, Иванъ-Царевичъ, куды йдишъ?" „Иду, бабушка, нявѣсты сабѣ искать".—„Есть, есть тутъ зли (1) тибе нявѣста: царевна-прикрасная, да трудна тибѣ будя да ней дабратца: жыветь ана за лисами дрямучими, за гарами високими, за риками быстрыми, вакрухъ ие стаить войска нясмѣтная. Да ушъ нечига дѣлать, памагали табѣ двѣ сястры маи, нада табѣ и мнѣ пасабить; жалка тваю красату губить. Ну, типеря пакуль сять, паѣшъ, да ляшъ сасни; а то ты умарилси,—утра вечира мудрянѣя". На утра ана и будя иго: „Уставай Иванъ-Царевичъ! Ушъ утра дамно; пара табѣ у путь—дарогу итить. Вотъ табѣ клубочикъ—кати иго; вотъ табѣ конь вараной—скачи на нёмъ; вотъ табѣ письмо къ царю—дяржы на галавѣ иго. Будишъ ѣхать чиризъ лиса тёмнаи, чирязъ горы высокаи, чирязъ рѣки быстраи—биряги ты иго. За рикками быстрыми стрѣня тибе войска нясмѣтная, будя стрылять, кричать и у палонъ лавить, ты ни аглидайси, ни агаваривайси, а пряма къ царю путь дяржы". Иванъ-Царевичъ памалилси, на всѣ на чатыри стораны пакланилси, папрашшалси зъ бабаю-ягою и паѣхалъ. Ѣхалъ, ѣхалъ; лиса тёмнаи праѣхалъ, горы высокаи пиряѣхалъ, остались рѣки быстраи пиряплыть. Вотъ ёнъ астанавилъ каня—аддахнуть и самъ аддахнулъ. Аддахнувшы, узялъ письмо, пустилъ каня уплавь; плылъ, плылъ, ни успѣлъ къ беригу приплыть, какъ начали кричать: „Дяржы, лави, стрыляй иго!" Клубочикъ котитца, а ёнъ усё-таки ѣдя; клубочикъ прикатилси пряма къ царскимъ палатамъ и ёнъ падъѣхалъ къ дварцу и астанавилси. Тутъ на́чили было ипять кричать, да царь услышалъ и ни вялѣлъ иго трогать, а вялѣтъ атъ ниго письмо узять. Какъ прачиталъ царь письмо, вялѣлъ прасить иго у палаты. Тутъ на́чили Ивану-Царевичу честь аддавать: растваряли пирядъ нимъ варата шырокаи, увадили иго на крыльцы высокаи, вяли иго у палаты билакаменнаи, сажали иго за столы дубоваи. А прикрасная Марья-царевна какъ увидила иго. „Вотъ", гаварить, „гасударь мой батюшка, гасударыня мая матушка, вотъ мой сужанай! вотъ зачѣмъ я усѣмъ жанихамъ атказывала, усё иго дажыдалася". Долга ня думавшы, стали къ свадьбя збиратца. Сыграли свадьбу; былъ пиръ на весь міръ. Вотъ стали маладыи у путь збиратца, распрашшались съ атцомъ, матирью, съ родамъ—племминимъ и зъ Богамъ атправились. Ѣхали, ѣхали, астанавились начивать, Иванъ-Царевичъ и гаварить: „Куды я тибе павязу? у тваиго батюшки вотъ какии палаты, а у мине зимлянка".—„Ни пичальси, Иванъ-Царевичъ, я табѣ пастрою такой дварецъ, што у маиго батюшки съ-роду такога не была

---

1) Для.

и да вѣку ня будя". Ну, и пріѣхали къ сваей зимлянки; систра ихъ стрѣла, абрадавалась, а вичерить-та была нечига. Систра запичалилась, што ѣсть-та нечига, а Марья-царевна и гаварить: „Ни пичальси, сястрица, падажди нямнога—усё будя па-нашаму: ни дадимъ нашымъ недругамъ насміятца надъ нами. Лажытись-ка спать, утра вечира мудрянѣя". Ночью Марья-царевна вышла на дворъ, пакатила яичка па двару и ускричала сваимъ тонкимъ голасамъ: „Двинатцать малатцовъ, станьтя пирида мною, какъ листъ пиритъ травою!" Двинатцать малатцовъ явились. „Што прикажышъ, Марья-царевна?"—„Што пъ за ету ночь выстраинъ былъ на етамъ мѣстя дварецъ, какога нигдѣ на свѣтя нѣтъ: лутчи дварца маиго батюшки". Наутря прасыпаютца Иванъ-Царевичь и сястрица иго любезная, и дивютца: аткуля ета узялси такой дварецъ! Слуги расставляютъ сталы-та усё дубоваи, падаютъ яства усё-та сахарнаи, и чиго-чиго тутъ не была. „Вы ни дивитись, Иванъ-Царевичь и сястрица любезная", гаварить Марья-царевна, „ишшо ня то будя. Ты, Иванъ-Царевичь, пей, ѣшъ, да снарижайси на ахоту; вотъ табѣ палачка, вазми ие съ сабою; устрѣнишъ ты тамъ царя, паздаровайси съ нимъ, загавари, ды какъ-бутта ни нарошна палачку и урани; царь броситца падымать ие, а ты скажы: нѣтъ, батюшка, ни трудись, я самъ падыму". Вотъ Иванъ-Царевичь узялъ палачку и сваю стрѣлачку и пашолъ на ахоту. Ня долга ёнъ хадилъ, стричаитца съ нимъ царь. Ну, поздаровались ани, пашли у нихъ рѣчи; Иванъ-Царевичь и уранилъ палачку; царь хатѣлъ бы́ла паднять ие, а Иванъ-Царевичь и гаварить: „Нѣтъ, батюшка, ни трудись, я самъ падыму". Царю таки бы́ла ніудамёкъ [1], што ёнъ назвалъ иго батюшкаю. Пасля́ ахоты, царь и заве къ сабѣ Ивана-Царевича хлѣба-соли аткушать, умныхъ ричей паслухать. Иванъ-Царевичь и гаварить: „Нѣтъ, царь, просимъ ня гнѣватца, нильзя мнѣ къ табѣ паѣхать: у мине есть жана дома и систра".—„Такъ миласти просимъ усѣхъ ка мнѣ хлѣба-соли аткушать, умныхъ ричей паслухать". Тутъ ани распрашшались. Царь пріижжая кы двару и гаварить царицы: „Ну, царица, я видилъ ипять таго красавца, што сапошки залатыи, а пиршатачки сиребринаи, и звалъ иго къ сабѣ на хлѣпъ-на соль. Будя ёнъ у насъ съ маладою жаною и съ сваею сястрою". Царица какъ услыхала, такъ и ахнула! Пасылая ана за бапкаю и гаварить: „Ну, бабушка, такъ и такъ; прапали типеря нашы галовушки! Какъ-разъ ета царскаи дѣти". Бапка бросила на гушшу [2] и гаварить: „Такъ и есть, матушка—царица, ани".—„Ну што шъ тутъ дѣлать? бѣчь [3], скры́тца куды-нибуть—ушъ позна". А Иванъ-Царевичь пришолъ и расказалъ сваимъ аба всёмъ. Вотъ усѣ нарядились у харошаи платья и паѣхали къ царю. Пацъижжаютъ къ царскимъ палатамъ, Марья-царевна и гаварить: Будишъ ухадить у царскаи палаты, будутъ тамъ на схотцахъ [4] и у горницахъ кавры разосланы, вы па нихъ ни хадитя, а идитя тамъ, идѣ я буду итить: ты, Иванъ-Царевичь, иди за мною, а ты, любезная сястрица, иди за Иванамъ-Царевичамъ". Толькя пацъѣхали къ палатамъ, кони хвыркнули и астанавились, варта тясоваи растварились. Вотъ ани устали и пашли: Марья-царевна идя ни па самымъ каврамъ, а па акраинкамъ, Иванъ-Царевичь за нею, а систра услѣтъ иго. Устричаютъ ихъ царь съ царицаю. „Миласти просимъ, нашы чеснаи гости, гаварить царь, у нашъ свѣтлай тирёмъ, хлѣба-соли аткушать, умныхъ ричей паслухать! Я васъ дажыдалъ, кавры расстилалъ, а вы издѣлали мнѣ абиду: па каврамъ ни пашли, а па акраинамъ". На ета ани яму ничиго ни сказали. Тутъ царь на́чилъ ихъ хлѣбамъ-солью чиства́ть [5] и добрыми рячми наставлять. Вотъ выскачилъ кашанёнакъ, да-

1) Не въ догадку. 2) Поворожила посредствомъ гущи. 3) Бѣжать. 4) на ступенькахъ крыльцовой лѣстницы. 5) Потчевать, угощать.

вай бѣгать, кружытца па горницамъ; Марья-царевна схватила иго да галавою апъ печку—и убила. „Што шъ ета вы са мною издѣлали“, сказалъ царь, „вить (1) ета была дочка моя“. Марья-царевна и на ета ничиго ни сказала. А даля выскачилъ шшанокъ; ана схватила—и тутжа убила иго. Царь и гаварить: „Гости маи чеснаи, ни за тѣмъ я васъ звалъ къ сабѣ, што пъ вы абиды мнѣ дѣлали: я васъ звалъ хлѣба-соли аткушать, умныхъ ричей паслухать, а вы па каврамъ маимъ ни пашли и сына зъ дочирью маихъ убили“. На ета Марья-царевна и гаварить: „Гасударь ты нашъ батюшка, мы яснаи тваи очи видили, хлѣпъ-соль тваю кушали и умнаи рѣчи тваи слыхали, паслухай и ты типеря нашыхъ ниразумныхъ ричей! Идѣшъ ета видано, идѣшъ ета слышано, што пъ у царскамъ раду были дѣти кошки да сабаки? Тваи дѣти—па калѣна ноги у золатя, а по лакать руки у сирябрѣ. Да идѣшъ ета видана, што пъ христіанская душа у патполью сидѣла, голадамъ умирала? И какъ жа намъ было па каврамъ итить, кали мать наша патъ паломъ сидить“. Царь дивитца, аткуль ета у ней рѣчи такіи бярутца, и пачомъ ета ана усё зная. А цзрица стаить ни жыва, ни миртва; толькя злитца, што известь-та ихъ типеря нильзя. Марья-Царевна ипять видеть рѣчь сваю: „Вяли-ка, гасударь нашъ батюшка, исъ патполья нашу мать привесть!“ Привяли и мать. Усѣ дѣти бросились ей у ноги; а Марья-царевна и гаварить: „Вотъ наша радимая матушка, а ты, царь,—нашъ póднай батюшка; а вотъ вашы сынъ и дочь, па калѣна ноги у золатя, по лакать руки у сирябрѣ; а я ваша нявѣстушка; а ета—ни царица, а змія паткалодная, ваша первая разлушница“. И тутъжа расказала царю аба всёмъ. Царь разгнѣвалси на сваю яхиднаю жану, вялѣлъ ие расстрылять, а тѣла ие къ лашадинаму хвасту привизать и кости па чисту полю размыкать. А съ перваю жаною и зъ дятьми асталси жыть, пажывать да добра нажывать.

2.

Лягушка.

У нѣкатарамъ царствя, у нѣкатарамъ гасударствя жылъ, былъ царь съ царицаю, у нихъ была три сына. Вотъ царь сабралъ ихъ и гаварить: „Ну, сынавья маи милаи, сынавья маи любезнаи, пара васъ жанить, пара вамъ нявѣстъ выбирать. Вотъ вамъ па стрѣлачки, стрыльнитя изъ нихъ: куды вашы стрѣлачки упадуть, тамъ сабѣ и нявѣстъ бяритя“. Старшай стрыльнулъ къ каралю ва дворъ, сиреднiй стрыльнулъ къ князю у теримъ, а третiй стрыльнулъ къ лягушки у воду. Пасхадились ани дамой, перваи и хвалютца: старшай гаварить: „Я, батюшка, стрыльнулъ къ каралю ва дворъ“; сиреднiй гаварить: „Я стрыльнулъ къ князю у теримъ“; а третiй силить да и плачить. „Што шъ ты, Иванъ-Царевичь, плачишъ?“ успрашиваить у ниво атецъ. „Какъ жа мнѣ, батюшка, ни плакать? тотъ женитца на каралевня, другой—на княгини, а я какъ буду жанитца на лягушки?“ Братья падняли изъ ниго смѣхъ, а вонъ ишшо пушша запичалилси. Вотъ братья къ сваимъ нявѣстамъ паѣхали, а Иванъ-Царевичь къ сваей пашолъ; падашолъ къ балоту и плачить. Выскачила лягушка. „Курлы, курлы! Чиво ты, Иванъ-Царевичь, плачишъ?“—„Какъ жа мнѣ, лягушка, ни плакать; братья будуть винчатца на сваихъ нявѣстахъ, а я што буду дѣлать съ табою?“ „Ни плачь, Иванъ-Царевичь, твой таланъ можа (2) лутчи ихъ будить“. Вотъ сабрались усѣ братья дамой; тотъ гаварить: „я сваю нявѣсту видилъ красавицу“; другой гаварить: „я сваю видилъ нарядницу“,

1) Вѣдь. 2) Можетъ—быть.

а Иванъ-Царевичь малчить. А атецъ и успрашиваить у ниво: „Ты шъ чиво, Иванъ-Царевичь, малчишъ?„—„И я видилъ сваю сужанаю—лягушку“. Царь и успрашивая, спирва у старшава: „Ну, гавари, у чомъ была твая нявѣста?“—„Мая была: платья атласная, на рукахъ кольцы залатыи“. „А твая у чомъ?“ успрашивая вонъ у сиреднива.—„Мая была: платья парчовая, усё земчугамъ унизана“. „Ну, а твая, Иванъ-царевичь, у чомъ?—„У маей“, гаварить, „шкурка зилёная, лапки пасирибрёнаи“. Братья такъ и грахнули (¹). Вотъ пришло время ѣхать винчатца. Тѣ братья такіи висёлаи, а Иванъ-Царевичь идеть къ сваей лягушки да плачить. Выскачила лягушка. „Курлы, курлы! Што ты, Иванъ-царевичь, плачишъ?“ Какъ жа мнѣ ни плакать; братья маи паѣхали винчатца, а я какъ съ табою буду винчатца?“—„Ничиво, Иванъ-Царнвичь, и мы съ табою паѣдимъ“. Аткудава ни-взилась каляска, лошади такъ и хвыркаюта; у каляски стаить сиребриная блюда, драгацѣнными каменьими усыпана, а на ёмъ сидить лягушка и гаварить: „Садись са мною, Иванъ-Царевичь; паѣдимъ винчатца“. Сѣли ани и паѣхали. Толькя стали падъ*и*жжать къ церквя, Иванъ-Царевичь и ни замѣтилъ, какъ *и*во нявѣста изъ лягушки скинулась (²) дѣвушкаю, да ушъ такою красавицаю, што и у свѣтя-та нѣтъ такой другой. Иванъ-Царевичь какъ увидилъ *и*ё,—ратъ, ратъ, ни апомнитца, што жаната у ниво будить лутчи другихъ нявѣстакъ. Да и думаить: какъ бы *и*му паткараулить *и*ё, што пъ ана ни здѣлалась ипять лягушкаю. Вотъ ани пирвинчались. Ни успѣлъ Иванъ-Царевичь аглянутца, какъ ана апять скинулась лягушкаю. Иванъ-Царевичь заплакалъ, сѣлъ съ нею и паѣхалъ къ балоту. Пріѣхали. На беришку стаить тиримокъ раскрашаннай. „Вотъ табѣ, Иванъ-Царевичь, жытье, гаварить лягушка, а я пайду у балота праѣдаю“. На другой день усѣ сыновья папріѣхали къ атцу. Атецъ *и*мъ и гаварить: „Сынавья маи милаи, сынавья маи любезнаи! типерь вашы жоны нихай сашьють мнѣ па рубашки“. Тѣ братья ради были етаму, а Иванъ-Царевичь идеть и плачить. Выскачила лягушка. „Курлы, курлы! Чиво ты, Иванъ-Царевичь, плачишъ?“—„Какъ жа мнѣ ни плакать; батюшка вялѣлъ штопъ усѣ наши жоны пашыли яму па рубашки; а ты-та што яму сашьешъ?“ —„Ни гарюй, Иванъ-Царевичь, лажысь спать; утра вечира мудрянѣя“. Вотъ лягушка, какъ толькя напаила, накармила и улажыла спать Ивана-Царевича, узила шолку, паизрѣзала на мелкіи кусочки, растварила акно и бросила ихъ, а сама ускрикнула: „Вѣтры маи сильнаи, вѣтры маи буйнаи, салитайтить са всѣхъ старонъ, падбяритя маи кусочки, разняситя ва всѣ канцы, што пъ къ завтришниму утру была гатова маяму батюшки рубаха“. На утра ана и будить Ивана-Царевича: „Уставай, Иванъ-Царевичь, ушъ солнушка высо́ка; пара къ батюшки итить, пара даръ несть“. Сабрались усѣ братья къ атцу. Вотъ падае́ть старшай братъ на сиребринамъ блюдя альляную (³) рубашку, краснаю бумагаю устрочинаю. Царь узялъ и гаварить: „Ну, ета рубашка гадитца мнѣ насить па буднимъ. Спасиба старшай нявѣстки!“ Падае́ть и другой братъ кисейнаю рубашку, алымъ атласамъ атарочинаю. Царь узялъ и гаварить: „Ета рубашка гадитца мнѣ по васкрысеньямъ надивать. Спасиба маей сиредній нявѣстушки“. Вотъ ани ждуть и смяютца: што-та атцу Иванъ-Царевичь падасть. Иванъ-Царевичь выступилъ и падалъ на залатомъ блюдя краснаю шолкаваю рубашку, залатамъ вышытаю, земчугомъ унизаннаю. Царь какъ развярнулъ да паглядѣлъ, и гаварить: „Ну, спасиба маей ме́ньшай нявѣстушки! Ету рубашку ня стыдна на Вяликдинь (⁴) надѣть да у церкву пайтить“. А тѣ братая и

1) Громко засмѣялись. 2) Скидываться, по повѣрью простолюдиновъ,—принимать на себя не естественный видъ. 3) Льняную. 4) На Праздникъ Пасхи.

голавы павѣсили. „Вотъ“, гаварять, „лягушка астрамила насъ: лутчи нашихъ жонъ батюшки даръ паднисла“. Тутъ царь и гаварить: „Ну, сынавья маи милаи, сынавья маи любезнаи, пасылаю паклонъ маимъ нявѣстушкамъ, да нихай ани мнѣ на завтра па кавру издѣлаютъ“. Старшаи братья съ радастью пасулились, а Иванъ-Царевичь запичалилси: „Што-та мая лягушка згатовить—какой каверъ?“ Приходють старшаи братья дамой; вотъ жоны и успрашывають у нихъ: „Што, даволинъ ли батюшка *и*хъ падарками, и какую рубашку яму лягушка прислала?“ Мужья *и*мъ расказали. Ани и дивютца: аткудава ана такую рубашку узила и какъ ана *и*ё шыла. Приходить и Иванъ-Царевичь къ сваей лягушки; вотъ ана *и*во устричаить и пытаить: „Што ты, Иванъ-Царевичь, пичалинъ пришолъ? ай батюшка нидаволинъ маею рубашкаю?“—„Нѣтъ, батюшка даволинъ, и прислалъ табѣ паклонъ; твая рубашка лутчи усѣхъ; да какъ на завтра-та быть? батюшка вялѣлъ па кавру яму издѣлать“.—„Ни пичальси, Иванъ-Царевичь, лажысь спать; утра вечира мудрянѣя: каверъ будить гатовъ“. Толькя Иванъ-Царевичь заснулъ, ана за̀расъ (1) ушла на балота, сабрала моху зилёнава, травы шолкавай и кары зъ дерива; усё ета стёрла, смяла, атварила акно, бросила и сказала: „Вѣтры маи буйнаи, вѣтры маи сильнаи, салитайтись са всѣхъ старонъ, падбяритя усё, што я бросила, разнаситя ва всѣ канцы, што пъ къ завтришниму дню былъ кавёръ гатовъ, шытай шолкамъ и золатамъ, зъ дарагими каменьими, што пъ лутчи *и*во у свѣтя не была“. Паутру и будить ана Ивана-Царевича: „Будить табѣ, Иванъ-Царевичь, спать, пара табѣ уставать; пара къ батюшки даръ несть“. Усталъ Иванъ-Царевичь, да какъ паглядѣлъ на каверъ—и самъ зъ-диву—удалси: такова кавра ишшо вонъ сроду ни видалъ. Вотъ сашлися усѣ братья къ атцу. Вонъ и гаварить: „Сынавья маи милаи, сынавья маи любезнаи, чѣмъ вы мине абрадуитя?“ Старшай падалъ свой кавёръ, а самъ радуитца, што каверъ-та харошъ. Царь узялъ каверъ и гаварить: „Харошъ кавёръ, гадитца маю любимаю лошадь накрывать. Спасиба маей нявѣстушки!“ Падалъ и другой братъ, и тошъ радуитца, што кавёръ *и*во будя палутчи братнинава. Узявши атъ ниво каверъ, царь гаварить: „Харошь и твой каверъ, гадитца маю пастелю закрывать. Спасиба маей сиредній нявѣстушки!“ Дашла черьга и да Ивана-Царевича. Братья ждуть—ни даждутца: што-та лягушка састряпала. Иванъ-Царевичь выступилъ и пада̀лъ свой каверъ. Царь какъ развярнулъ—да и руками спляснулъ, и глядѣть-та на ниво нильзя: дарагіи камни на нёмъ такъ и сьяють. „Вотъ кавёръ, такъ каверъ; ета на Вяликдинь мнѣ гадитца столъ накрыть. Спасиба маей нявѣстушки!“ Иванъ-Царевичь ратъ, ратъ былъ, што каверъ *и*во лутчи братниныхъ. А тѣ братья и голавы павѣсили. „Вотъ“, гаварять, „лягушка астрамила насъ: лутчи нашихъ жонъ батюшки даръ паднисла“. Царь и гаварить апять: „Ну, сынавья маи милаи, сынавья любезнаи, пасылаю паклонъ маимъ нявѣстушкамъ, да нихай ани мнѣ на завтра па хлѣбу испякуть“. Тѣ братья загадя (2) радуютца, а Иванъ-Царевичь апять пригарюнилси: „Што-та мая лягушка батюшки згатовить?“ Приходють старшіи братья дамой, жоны апять успрашивають у нихъ: „Даволинъ ли батюшка нашими падарками и какой даръ яму лягушка паднисла?“ Мужья имъ расказали аба всёмъ. Ани, какъ услыхали, што кавры-та *и*хъ были хужа лягушкинава, ушъ злились, злились,—кажытца пъ *и*ё живую у яму зарыли. А Иванъ-Царевичь идеть дамой и думаить: „Рубашку и каверъ мая лягушка пригатовила лутчи другихъ; каковъ-та ана испикеть хлѣпъ?“ Лягушка увидала *и*во, и сига̀ить (3)

1) Тотъ же часъ. 2) Заблаговременно. 3) Прыгаетъ.

яму на устрѣчу. „Курлы, курлы! Чиво ты, Иванъ-Царевичь, такъ пичалинъ, ай кавёръ мой ни упадобилси батюшки?“—„Нѣтъ, кавёръ твой лутчи другихъ; да какъ на завтра-та быть? батюшка вялѣлъ усѣмъ па хлѣбу испечь“. „Ни пичальси, Иванъ-Царевичь; утра вечира мудрянѣя: хлѣпъ будить гатовъ“. Вотъ вечирамъ лягушка, такъ толькя улажыла Ивана-Царевича спать, узила вѣникъ, вымила йсъ пичи золу, забалтала *и*е на вадѣ, абмила туды са всѣхъ стѣнъ тараканавъ и пруцаковъ, атварила акно и вылила усё за акно, да и гаварить: „Вѣтры маи буйнаи, вѣтры маи сильнаи, салитайтись са всѣхъ старонъ, вы вазмитя маё тѣстица, разняситя ва всѣ канцы, —што пъ къ завтриму былъ гатовъ самый лутчій хлѣпъ маяму батюшки“. А нявѣстки паслали сваихъ служанакъ паглядѣть: какъ лягушка будить хлѣпъ печь? Служанки падглядѣли и расказали усё, што лягушка дѣлала. Вотъ ани и давай сабѣ такжа дѣлать: забалтали золу, смялй туды усѣхъ пруцаковъ и таракановъ и вылили за акно. Па утру праснулись, паглядѣли—ня тутъ-та была: усё ляжыть сабѣ падъ акномъ. Што тутъ дѣлать? Купили кой-какихъ хлѣбавъ и паслали сваихъ мужьёвъ къ атцу. А лягушка разбудила Ивана-Царевича, атдала яму што ни самый лутчій хлѣпъ и гаварить: „Няси и ты, Иванъ-Царевичь, свой даръ къ батюшки“. Вотъ сашлись братья къ атцу; вонъ и гаварить: „Ну, сынавья маи милаи, сынавья маи любезнаи, чѣмъ вы мине нынча абрадуитя?“ Спирва старшай падáлъ свой хлѣпъ. Царь узялъ *и*во и гаварить: „Харошъ хлѣпъ, гадитца мнѣ самаму съѣсть. Спасиба маей нявѣстушки!“ Падáлъ и другой сынъ хлѣпъ. Царь и гаварить: „Харошъ и твой хлѣпъ, гадитца гастямъ падать. Спасиба маей сиредній нявѣстушки!“ Вотъ падалъ и Иванъ-Царевичь свой хлѣпъ. Царь и гаварить: „Вотъ хлѣпъ, такъ хлѣпъ! етимъ гадитца мнѣ на Вяликдинь разгавѣтца; спасиба маей мéньшай нявѣстушки!“ Братья апять павѣсили голавы. Нѣтъ, думаютъ ани, видна нашымъ жонамъ ни дайтить супрати лягушки. Вотъ царь и гаварить: „Ну, типерь жа, сынавья маи милаи, сынавья маи любезнаи, прашу васъ завтра ка мнѣ на пиръ, съ сваими жонами, а маими нявѣстушками“. Тѣ братья абрадавались, а Иванъ-Царевичь горша (1) запичалился. „Какъ“, думаить вонъ, „я сваю лягушку привязу къ батюшки?“ Пришолъ дамой; лягушка выскачила яму на устрѣчу: „Курлы, курлы! Што ты, Иванъ-Царевичь, ня весилъ, што галовушку павѣсилъ; ай мой хлѣпъ ни упадобился батюшки?“—„Нѣтъ, твой хлѣпъ—лутчи усѣхъ; да какъ на завтра-та быть? батюшка просить насъ на пиръ жъ жонами; какъ я тибе павязу?“—„Ничиво, ни пичальси, Иванъ-Царевичь, лажысь спать; утра вечира мудрянѣя“. А тѣ нявѣски радуютца: „какъ-та наша лягушка пріѣдить на пиръ!“ На другой день лягушка стала збиратца на пиръ; а Ивана-Царевича правадила упирётъ и наказала яму: „Па*и*жжай ты, упирётъ, а я пакуля снаряжусь; да знай: какъ громъ загрямить—ета я изъ двара буду вы*и*жжать; какъ дошъ пайдеть—ета я ѣхать буду; какъ маланьй (2) засвиркаить—ета я къ батюшкинаму дварцу буду падъ*и*жжать; выхади тады наустрѣчу“. Вотъ Иванъ-Царевичь пріѣхалъ къ атцу, тамъ толькя стали съ*и*жжатца гости. Пріѣхалъ старшай братъ жъ жаною, царь самъ вышалъ *и*мъ на устрѣчу; пріѣхалъ и другой братъ жъ жаною, царь и ихъ устрѣлъ (3). А Иванъ-Царевичь и думаить: „Какъ-та мая лягушка исъ кареты будить сигать и какъ батюшка пайдеть къ ней на устрѣчу?“ Сабрались гости, а лягушки ишшо нѣтъ. Загрямѣлъ громъ такой сильнай, што усѣ пирпужались. Иванъ-Царевичь и гаварить: „Ни пужайтись! ета мая лягушка изъ двара вы*и*жжаить“. Усѣ гости пад-

1) Пуще. 2) Молнія. 3) Встрѣтилъ.

няли смѣхъ. А даля пашолъ праливной дошъ, бясъ тучъ. Усѣ и дивютца, што бясъ тучъ дошъ идеть. Иванъ-Царевичь и гаварить: „Ета мая лягушка у гости ѣдить“. Гости апять заграхатали. Стала маланья свиркать. Иванъ-Царевичь и гаварить: „Вотъ и мая лягушка къ дварцу падъижжаить“. И самъ пашолъ ей на устрѣчу. Усѣ гости бросились глядѣть, какъ лягушка будить исъ кареты вылизать; и самъ царь вышалъ стричать. Падъѣхала карета къ царскаму дварцу, уся у золатя—такъ и блешша, лошади—ня лошади, а львы: изъ наздрей ня дымъ паша, а полямя; збруя и патковы сиребринаи; гривы шолкамъ пирявиты. Иванъ-Царевичь падашолъ къ дверцамъ, узглянулъ у карету—и самъ сваимъ глазамъ ня вѣрить: тамъ сидить ни лягушка, а такая красавица, што ни у скаски сказать, ни перомъ написать Царь самъ зъ-диву удалси, увидившы ие: аткуда такую красавицу Иванъ-Царевичь сабѣ дасталъ? Вонъ узялъ ие подъ руку и павёлъ у сваи палаты. Усѣ гости раты паразинули атъ такова дива. Вотъ сѣли застолъ; лягушка што ня ѣсть,—крохти и костачки у лѣвай рукавъ збираить, и што ни пьеть—апивачки у правай рукавъ выливаить. Замѣтили ета нявѣски, и сабѣ стали такъ дѣлать: што ни идять—крохти и кости у рукавъ збирають, и што ня пьють—апивки у другой выливають. Пасля абѣда пашли плясы. Вотъ лягушка пашла скакать (1): лѣвымъ рукавомъ махнеть—издѣлаитца зилёная рошша, а правымъ рукавомъ махнеть—синія моря разальетца. Пашли и другія нявѣстки скакать: адна махнула рукавомъ—боршамъ свекру глаза залила, а другая махнула рукавомъ—масломъ (2) голаву яму разбила. А Иванъ-Царевичь, какъ толькя жана иво пирстала скакать, утѣмишъ (3) скрылси и ушолъ дамой; атыскалъ тамъ лягушачью шкурачку, изрубилъ ие у мелкаи кусочки и жжохъ, штопъ жына иво такою красавицаю и асталась, какою пріѣхала къ атцу на пиръ. Ана, какъ аглядѣлась и увидила, што иво нѣтъ, зарасъ дагадалась зачѣмъ вонъ скрылси,—узъохалась: „Охъ, тошна! Падавайтя карету!“ Пріѣхала дамой, да ушъ позна была: шкурачки ие какъ ни бывала. Ана и гаварить Ивану-Царевичу: „Ну, Иванъ-Царевичь, ня долга была мнѣ аставатца у лягушачій шкурачки; пиняй самъ на сибе: типерь табѣ мине ни видать. Тады мине атышшышъ, када изабьешь три жалѣзныхъ кастыля, износишъ жалѣзнаю шляпу и изгложышъ три жалѣзныхъ сухаря“. А сама скинулась нивядимкаю и была такава. Иванъ-Царевичь пагаривалъ, пагаривалъ, пашолъ у кузню, заказалъ три жалѣзныхъ кастыля, жалѣзнаю шляпу и три жалѣзныхъ сухаря, и пашолъ куды глаза глидять. Ишолъ вонъ долга: ушъ кастыль сталъ избиватца и сухарь сталъ изъидатца; пришолъ у дрямучій лѣсъ, тамъ стаить избушка на курьихъ лапкахъ, на сабачьихъ пяткахъ, къ лѣсу перидамъ, а къ няму задамъ. Вонъ и гаварить: „Избушка, избушка, пирвярнись къ лѣсу задамъ, а ка мнѣ перидамъ!“ Избушка пирвярнулась. Увашолъ Иванъ-Цревичь у ту избушку, тамъ сидить баба—ига, кастиная нага, носъ у паталокъ уросъ. „Здрастуй, бабушка!“—„Здрастуй, Иванъ-Царевичь! Волію, ай няволію ты ка мнѣ пришолъ-пожалавалъ?“ „Ни па няволи, бабушка, а па сваей ахотя я пришолъ суды“. И раскапалъ ей пра сваё горя—пичаль. „Ни пичальси, Иванъ-Царевичь: ана у мине: ты пасиди пакуля, а вотъ и ана скора вернитца, и кагда увайдеть у вызбу, ты скарѣй схвати ие и ни выпускай изъ рукъ“. Ня долга ждалъ Иванъ-Царевичь, какъ паднилась буря, прилетѣла сѣрая утица, скинулась дѣвушкаю и ускачила у вызбу. Иванъ-Царевичь бросилси и схватилъ ие; ана удрухъ издѣлалась казюлію (4)—онъ упустилъ ие, и ана скрылась. „Типерь жа“, гаварить баба—ига, „кали ты ни умѣлъ дир-

1) Плясать. 2) Оглоданною костью. 3) Въ тоже время, немедля. 4) Змѣею.

жать *ие*, долга ишшо придетца табѣ искать *ие*. Иди ты къ маей другой сястры; ана табѣ скажить, какъ паймать тваю жану; будуть табѣ многа дарохъ, дяржы путь усё пряма". На другой день Иванъ-Царевичь распрашшалси съ бабаю-*игою* и пашолъ. Ишолъ ня готъ и ни два, и ушъ другой кастыль сталъ избивать и другой сухарь дагрызать; пришолъ у дрямучiй, тёмнай лѣсъ, тамъ стаить избушка на курьихъ лапкахъ, на сабачьихъ пяткахъ, къ лѣсу перидамъ, а къ няму задамъ. Вонъ и гаварить: „Избушка, избушка! пирвярнись ка мнѣ перидамъ, а къ лѣсу задамъ!" Избушка пирвярнулась. Увашолъ у ту избушку Иванъ-Царевичь, тамъ сидить баба-*ига*, кастиная нага, носъ у паталокъ уросъ. „Здрастуй, бабушка!"—„Здрастуй, Иванъ-Царевичь! Па воли, ай па ня воли ты ка мнѣ пожаловалъ?"—„Ни такъ, бабушка, па няволи, какъ па воли я пришолъ къ табѣ". Тутъ расказалъ вонъ ей пра сваё горя и пичаль". „Ни тужы, Иванъ-Царевичь, ана у мине. Ты сять пакуля, пасиди, а вотъ и ана што—ня видна вернитца; и какъ толькя увайдеть у вызбу, ты скарѣй хватай *ие* за касу у ни пускай?" Вотъ паднилась буря, лятить ана сизымъ голубамъ; скинулась дѣвушкаю и ускачила у вызбу. Иванъ-Царевичь бросилси къ ней, схватилъ *ие* за касу.—Удрухъ ана скинулась ужакаю (¹), и вонъ апять *ие* упустилъ. „Ну, Иванъ-Царивичь", гаварить баба-*ига*, „ни умѣлъ ты удиржать жаны сваей, пиняй самъ на сибе: долга ишшо табѣ придетца искать *иё*. Иди ты типеря къ самай старшай нашай сястрѣ, кали та табѣ ни паможа, то ни видать табѣ *ие* никада. Будишъ итить, дяржы путь усё пряма". На другой день Иванъ-Царевичь, распрашшавшы съ бабаю-*игою*, пашолъ у путь. Долга вонъ ишолъ: ня готъ и ни два; ушъ паслѣднiй кастыль свой избилъ и паслѣднiй сухарь дагрызъ и шляпу данасилъ. Вотъ зашолъ вонъ што ни у самай дрямучiй лѣсъ; тамъ стаить избушка на курьихъ лапкахъ, на сабачьихъ пяткахъ, къ лѣсу перидамъ, а къ няму задамъ. Вонъ и гаварить: „Избушка, избушка, стань ка мнѣ перидамъ, а къ лѣсу задамъ!" Ана пирвярнулась. Увашолъ вонъ туды, тамъ сидить баба-*ига*, кастиная нага, носъ у паталокъ уросъ. „Здрастуй, бабушка!"—„Здрастуй, Иванъ-Царевичь! Па воли, ай па ня воли ты ка мнѣ пажалавалъ?" „Ни такъ, бабушка, па ня воли, какъ па воли. Вотъ таковская дѣла; памаги мнѣ пажалуста!"—„Ничиво, Иванъ-Царевичь, ни пичальси, ана типерь у мине. Сять, маленична аддахни, а вотъ и ана што-ня видна вернитца; толкя гляди ниплашай, какъ ана пакажытца у вызбу, хватай *ие* пряма за шею, и чѣмъ—ня чѣмъ ана будить скидыватца, дяржы, ни пускай *ие*". Вотъ паднилась страшная буря, лятить лебить-бѣлая, скинулась краснаю дѣвушкаю и увашла у вызбу. Иванъ-Царевичь пряма бросилси къ ней, схватилъ *ие* за шею, и чѣмъ-ня чѣмъ ана скидалася, вонъ усё держыть *ие*, ни пускаить. Тутъ ана и гаварить: „Ну, Иванъ-Царевичь, типерь я на вѣки твая". На другой день распрашшались ани съ бабаю-ягою, сѣли на кавёръ--самалётъ и палятѣли у свае царства. Прилятѣли пряма къ царю. Сколькя была тамъ радасти! Царь издѣлалъ пиръ и здалъ Ивану-Царевичу сваё царства. Вонъ сталъ править царствамъ и жыть съ сваею жаною да пажывать.

3.

Олечка.

У нѣкатарамъ царсвя, у нѣкатарамъ гасударствя жылъ царь съ царицаю, у нихъ была дочка Воличка. Вотъ у царя умирла царица. Вонъ

1) Ужемъ.

жанилси на другой; а другая была злючія—призлючія. Ни узлюбила ана патчирицу и хатѣла, ва што ни стала *и*е известь. Воличка-та была красавица, а царицы хатѣлась самой быть лутчи усѣхъ. Расъ ана стала нарижатца, узила сваё любимая зеркальца и успрашиваить *и*во: „Дарагоя маё зеркальца, скажы правду, ни патой: я-ль на свѣтя усѣхъ милѣй и румяній, бялѣй?“ Зеркальца ей у ватвѣтъ и гаварить: „Усѣхъ на свѣтя милѣя и румянія, бялѣя—прикрасная Вольга-царевна“. Ана хлопъ! *и*во объ зимъ (1) и разбила. На другой день садитца ана апять нарижатца, пирядъ другимъ зеркальцамъ, и апять успрашиваить: „Дарагоя маё зеркальца, скажы мнѣ правду, ни патой: я-ль на свѣтя усѣхъ милѣя и румянія, бялѣя?“ И ета зеркальца ей гаварить: „Усѣхъ на свѣтя милѣя и румянія, бялѣя—прикрасная Вольга-царевна“. Ана хлопъ! *и*во объ зимь, и разбила. На третій день сѣла ана апять нарижатца пирядъ зеркальцамъ и успрашиваить у ниво: „Дарагоя маё зеркальца, скажи мнѣ усю правду, ни патой: Я-ль на свѣтя усѣхъ милѣя и румянія, бялѣя?“ Зеркальца ей и гаварить у ватвѣтъ: „Усѣхъ на свѣтя милѣя и румянія, бялѣя—прикрасная Вольга-царевна“. Ана хлопъ! и ета зеркальца разбила. Тутъ ана ни стярпѣла: паслала за калдунь*и*ю. Приходить калдунья и успрашиваить: „Што табѣ, матушка-царица, надамна?“—„Да вотъ што, бабушка: апастылила (2) мнѣ мая патчирица; какъ бы *и*е съ свѣту жжить?“—„Охъ, мудрёная ета, матушка, дѣла; вилика намъ будить бида атъ царя, кали вонъ апъ томъ дазнаитца. Да ушъ нечива дѣлать, нада табѣ памочь. Ты пашли *и*е ва чиста поля праѣхатца, и вяли завесть у тёмнай боръ и тамъ зарѣзать; а што пъ да подлинна знать, што ана зарѣзана, вяли *и*е кровью платочикъ намачить и табѣ привесть“. Вотъ ана и пасылаить Воличку съ нянькію праѣхатца пó палю, и строга—настрога приказала кучиру и няньки заѣхать съ нею у тёмнай боръ и тамъ *и*е зарѣзать и платочикъ у кровь намачить. Вотъ и павязли Воличку. Ѣздили, ѣздили и пріѣхали у тёмнай боръ. Кучиру съ нянькію жаль стала Воличку, што ана была такая сиротливая (3) да добрая. Што тутъ дѣлать? какъ горю памочь? Хатѣли ани мѣста ей зарѣзать звѣря какова, да кровь звяриная ни патходить патъ чилавѣчью. Думали, думали и придумали зарѣзать двухъ галубей и намачить платочикъ у галубинай крови; никакая кровь ни патходить такъ патъ чилавѣчью, какъ галубиная. Такъ и здѣлали: паймали двухъ галубей, зарѣзали *и*хъ, амачили у кровь платочикъ, а Воличку пустили на всѣ чатыри стораны. Пріѣхамчи дамой, атдали платочикъ царицы. Царица рада́-рада́ была, што Воличку-та извили. Царь на ту пору былъ у ватлучки, и пріѣхамчи, *и*му сказали, што Воличка умирла. Царь патужылъ, пагаривалъ и тѣмъ дѣла кончилась. А Воличка у бару долга плакала, хадила,—нашла ябланку, сарвала яблачка и съѣла,—лигла падъ ябланкаю и заснула. Утрамъ праснулась, паднилась и пашла куды глаза глидять. Ишла, ишла, путёмъ дарогаю, долга ли—каротко, блиска ли далёка,—скора скаска сказываитса, да ни скора дѣла дѣлаитца. Вотъ видить ана: стаить хатка на курьихъ лапкахъ, на сабачьихъ пяткахъ, къ лѣсу перидамъ, а къ ней задамъ. Воличка ей гаварить: „Хатка, хатка, стань ка мнѣ перидамъ, а къ лѣсу задамъ!“ Хатка пирвярнулась. Уходить ана у хатку; тамъ сидить баба-*и*га, кастиная нага, носъ у паталокъ уросъ. Воличка Богу памалилась, на всѣ чатыри стораны пакланилась и гаварить: „Здрастуй, бабушка!“—„Здрастуй, Вольга-царевна!“ Што ты ка мнѣ пришла, па воли, ай па няволи? „Ни такъ, бабушка, па воли, какъ па няволи, па сваяму вяликаму горю“.—„Раскажышъ ты, дѣтачка, мнѣ сваё горя!“ Воличка и начала ей расказывать, какъ мачиха лихая хатѣла *и*е съ свѣту жжить. „Ну, дѣтачка, жаль мнѣ

---

1) Объ полъ 2) Опротивѣла. 3) Кроткая, внушающая къ себѣ сожалѣніе.

тибе, да ни пражить жа табѣ у мине: суды прилитаить кажыдёнъ (1) змѣй гарыничь, апъ шасти галовъ; какъ заслышыть, што русья кость пахнить, такъ вонъ тибе и съѣсть. А типеря пакуль дай я табѣ галовачку памою; да сять—паѣшъ и ляшъ—засни, а завтра я тибе разбужу параньша; утра вечира мудрянѣя". Утрамъ рана баба-*и*га будить *и*е: „Уставай, Вольга-царевна, а то змѣй гарынычь што—ня видна прилятить; пара табѣ у путь —у дарошку снарижатца. Вотъ табѣ клубочикъ на памить аба мнѣ. Выдишъ ты атъ мине, иди усё пряма, усё пряма; будить тамъ стаять такая шъ хатка, то живеть мая систра. Сняси ей мой паклонъ". Распрастилась Вольга-царевна зъ бабаю-*и*гою и пашла. Ишла—ишла, видить: стаить хатка на курьихъ лапкахъ, на сабачьихъ пяткахъ, къ лѣсу перидамъ, а къ ней задамъ. „Хатка, хатка, пирвярнись ка мнѣ перидамъ, а къ лѣсу задамъ". Хатка павярнулась. Уходить ана туды, тамъ сидить баба-*и*га, кастиная нага, носъ у паталокъ уросъ. Воличка памалилась, на всѣ чатыри стороны пакланилась и гаварить: „Здрастуй, бабушка!"—„Здрастуй, Вольга-царевна! Па воли, ай па няволи ты ка мнѣ пожалавала?"—„Ни такъ, бабушка, па воли, какъ па няволи". „Ну раскажы шъ ты, дѣтачка, мнѣ сваё горя!" Вольга-царевна расказала ей пра сваё горя. „Жаль мнѣ тибе, Вольга-царевна, да ни пражыть табѣ у мине: суды прилитаить змѣй гарынычь, апъ двинатцати галовъ,—какъ заслышить, што русья кость пахнить, то съѣсть вонъ тибе. А типеря дай я табѣ пакуля галовачку памою; да сять—паѣшъ и ляшъ—сасни, а завтра параньша я тибе разбужу: утра вечира мудрянѣя". На утра чомъ-свѣтъ баба-*и*га и будить *и*е: „Уставай, Вольга-Царевна! пара табѣ у путь снарижатца, а то таго—и гляди, што змѣй гарынычь прилятить. Вотъ табѣ на памить аба мнѣ малаточикъ. Выдишъ атъ мине, иди усё пряма, усё пряма; будить тамъ стаять такая шъ хатка, то живеть самая большая (2) наша систра; сняси ей атъ мине паклонъ". Вольга-царевна прастилась зъ бабаю-ягою и пашла. Ишла—ишла, видить: стаить хатка на курьихъ лапкахъ, на сабачьихъ пяткахъ, къ лѣсу перидамъ, а къ ней задамъ. „Хатка, хатка, стань ка мнѣ перидамъ, а къ лѣсу задамъ!" Хатка павярнулась. Уходить ана у хатку, тамъ сидить баба-*и*га, кастиная нага, носъ у паталокъ уросъ. Воличка Богу памалилась, на всѣ чатыри стороны пакланилась, и гаварить: „Здрастуй, бабушка!"—„Здрастуй, Вольга-царевна! Па воли, ай па няволи ты ка мнѣ пришла?"—„Ни такъ, бабушка, па воли, какъ па няволи". Ну раскажы шъ, дѣтачка, мнѣ сваё горя". Вольга-царевна расказала ей пра сваё горя. „Жаль мнѣ тибе, Вольга-царевна; да ни пражыть табѣ у мине: суды литаить змѣй гарынычь, абъ васимнатцати галовъ,—какъ зачуить (3), што русья кость пахнить, то съѣсть онъ тибе. А типерь пакуля дай я табѣ галовачку памою; да сять —паѣшъ и ляшъ—сасни, а завтра я тибе параньша разбужу: утра вечира мудрянѣя". Утрамъ рана баба-*и*га узбудила *и*е и снарядила у путь. „На табѣ на дарогу курицу, гаварить ана,—мяса ѣшъ, а костачки у сумачку клади. Пайдешъ ты атъ мине, пакати клубочикъ, што ме́ньшая мая систра табѣ дала, и иди за нимъ. При́дишъ ты къ хрустальнай гарѣ, убивай у нiе куринаи костачки тѣмъ малаточкамъ, што сиреднiя систра наша дала табѣ, и лѣсь па нимъ на гору; тамъ будить стаять хрустальнай дварецъ—тамъ табѣ и жыть". Распрастилась, Вольга-царевна зъ бабаю-ягою, пакатила клубочикъ и пашла за нимъ. Ишла, ишла и пришла къ хрустальнай гарѣ; вынула изъ сумачки куринаи костачки и стала убивать *и*хъ у гору, и па нимъ узбиратца на нiе. Узлѣзла ана на гару, видить: стаить хрустальнай дварецъ. Вотъ ана и пашла туды. Усходить у перваю горни-

1) Ежедневно. 2) Старшая. 3) Почувствуетъ.

цу—никаво нѣтъ; ана снила съ сибе башмачки и аставила тамъ. Усходить ана у другую горницу—и тамъ никаво нѣтъ, толькя стаить накрытай на двинатцать чилавѣкъ столъ; ана снила съ сибе шубу и аставила тамъ. Усходить ана у третью горницу—усё таки никаво нѣтъ, толькя стаять двинатцать карватій (кроватей); ана снила съ сибе платокъ и аставила тамъ. Усходить ана у читвертаю горницу, тамъ стаить адна карватка за шолкавыми занависами; тутъ у залатыхъ клѣткахъ птицы райскаи сидять, пѣсни царскаи пають. Видить Воличка, што ва всемъ дварцѣ нѣтъ ни аднэй чилавѣчискай души, пахадила, пахадила па горницамъ, падашла къ накрытаму сталу, атламила кусочикъ хлѣпца, пасалила *и*во и съѣла. А даля узашла апять у читвертаю горницу, запёрла за сабою дверь и лигла на карватку; тутъ заслухалась ана райскихъ птичикъ и заснула. Спала—ниспала, толькя слышить на дварѣ паднилась буря, засвиркала маланья, загримѣлъ громъ. Прилятѣли двинатцать сакаловъ, сѣли на крыльцс и скинулись малатцами. Усходють ани у перваю горницу, видють: стаять башмачки, и гаварять: „Э, братцы, у насъ есть хто-та чужой!“ Усходють у другую—ляжыть шуба, у третью—ляжыть платокъ. Хатѣли итить у читвертаю—дверь запёрта. Ани ну стучатца—ни хто ни атваряить. Вотъ ани видють, што гость былъ ихъ женскава полу, и гаварять: „Атапрись, хто ты тамъ есть такоя! кали ты старшыхъ лѣтъ—буть намъ сястрицаю, а кали маладая дявица—буть каму нибуть изъ насъ нявѣстаю“. Ана устала и атварила двери. Увидивши *и*е ани ради—ради были, што у нихъ у домята завилась женьшина. Вотъ сѣли за столъ,—аткуля ни узялись слуги, стали падавать усякаи яства. Толькя глидять: у ме́ньшава брата атъ скипки хлѣба атломлинъ кусокъ. Братья дагадались, што ета атламила Вольга-царевна, и гаварять: „Ну, буть жа ты, Вольга-царевна, *и*му нявѣстаю, а намъ сястрицаю“. Такъ ана и асталась у нихъ жыть. Братья—сокалы кажыдёнъ атлитали и прилитали, а Воличка аставалась у нихъ у домя полнаю хазяйкію. Усѣ братья такъ палюбили *и*е, што глидять на ніе—ни наглидятца, гаварять съ нею—ни нагаварятца.

Мачиха Воличкина, збыхавшы ([1]) патчирицу, думала, што лутчи *и*е никаго на свѣтя нѣтъ. Вотъ стала ана нарижатца пирятъ зеркальцамъ и успрашываить у ниво: „Дарагоя маё зеркальца, скажы мнѣ правду, ни патой: я-ль на свѣтя усѣхъ милѣя и румянія, бялѣя?“ А зеркальца ей у ватвѣтъ и гаварить: „Усѣхъ на свѣтя милѣя и румянія, бялѣя—прикрасная Вольга-царевна“. Ана атъ злости и зъ дасады хлопнула *и*во объзимь—и разбила. Ни пакойна стала *и*е серца. Шлеть ана апять за кальдунь*и*ю. Пришла калдунья. „Ну, бабушка, што-та ни пакойна маё серца: знать-та патчирица мая жыва“. Калдунья бросила на бабы ([2]) и гаварить: „Такъ, матушка—царица, вижу и я, што ана жыва, и типерь знаю идѣ ана прибычаить ([3]); аднака буть пакойна: мы *и*е и тамъ атышшымъ: ни уйдеть ана атъ насъ“. На другой день нарядилась калдунья у лахмотья, притварилась пабирашкаю и пашла на хрустальнаю гору. Приходить ана туды, падашла къ хрустальнаму дварцу и просить миластинку. Воличка увидала *и*е, ра̀да была чужому чилавѣку, пазвала *и*е къ сабѣ. Накармила, напаила калдунью, а та дала ей за ета яблачка. Воличка стала ѣсть яблачка, падавилась и умирла. Съ тѣмъ значить дано ей была. Прилятѣли сокалы. То бувалача ана устричаить *и*хъ, а типерь нѣтъ. Видють, што нихто ихъ ни устричаетъ, и гаварятъ: „Знать, у насъ, братцы, ня добрая што-нибуть есть“. Уходють ани у харомы, видють, што Воличка ляжыть мертвая. Долга ани плакали па ней, а даля и гаварять: „Што шъ, братцы, какъ ни жаль намъ Вольгу-царевну, а нада

1) Сбывши съ рукъ. 2) Поворожила посредствомъ бобовъ. 3) Проживаетъ.

ие харанить". А ме́ньшай братъ гаварнть: „Нѣтъ, братцы, зачѣмъ *ие* харанить? лутчи паложымъ *ие* у гропъ и павѣсимъ иво у горницы къ паталку".—„Такъ и такъ", сказали братья. Издѣлали залатой гропъ; и толька узяли *ие* на руки, штопъ палажыть у ниво, кусочикъ яблачка и выскачилъ изъ глотки (1)—ана атжыла. Тутъ-та радастей сколькя была. Стали распрашывать Воличку, што съ нею прилучилась? ана имъ расказала усё, што съ нею была. Братья-сокалы строга—настрага ей заказали никаво чужова къ сабѣ ни принимать.

Живеть съ ними Воличка долгали—каратко; толькя мачиха апять стала убиратца пирятъ зеркальцамъ и успрашиваить у ниго: „Дарагоя маё зеркальца, скажи правду, ни патой: хто на свѣтя усѣхъ милѣя и румянія, бялѣя?" А зеркальца ей у ватвѣтъ и гаварить: „Усѣхъ на святя милѣя и румянія, бялѣя—прикрасная Вольга-царевна". Ана хлопнула *иво* объ зимь—и разбила. Пасылаить ана апять за калдунь*ию*. „Што-та мнѣ, бабушка, груска (2) стала: ни у жывыхъ ли апять наша Воличка?" Бапка бросила на бабы, и гаварить: „Такъ, матушка—царица, вижу и я, што ана жыва. Ну, типерь жа дай жа ты мнѣ залатоя калечка, накалдую я *иво*, пайду и биспримѣнна (3) пагублю *ие*". Царица дала ей калечка; калдунья адѣлась у лахмотья и пашла. Приходить апять къ хрустальнаму дварцу и просить миластинку. Воличка ни узнала *ие*, пазвала къ сабѣ, накармила, напаила *ие*; а калдунья падарила ей калечка, и гаварить: „Ты сый-часъ жа надѣнь *иво*". Вольга-царевна какъ надѣла калечка, такъ и пакатилась—умирла. Прилитають братья-сокалы, видють, што Воличка ляжыть мертвая, паплакали, паплакали надъ нею, и сабираютца ужъ *ие* у гропъ класть, а ме́ньшай братъ и гаварить: Дайтя, братцы, мнѣ хочь калечка съ ней снять на памить сабѣ!" Толькя снялъ вонъ съ ней кальцо—ана и ажыла. Радасти-та, радасти сколькя была! Распрасили у ней: атчиво ей смерть прилучилась? и строга—на̀страга заказали ни пускать никаво чужова.

Апять живеть съ ними Воличка; толькя мачихи ня терпитца: усё пъ ана хатѣла быть лутчи усѣхъ. Стала ана нарижатца пирядъ зеркальцамъ и успрашывать у ниво: „Дарагоя маё зеркальца, скажы мнѣ правду, ни патой: хто на свѣтя усѣхъ милѣя и румянія, бялѣя?" А зеркальца ей и гаварить: „Усѣхъ на свѣтя милѣя и румянія, бялѣя—прикрасная Вольга-царевна". Ана хлопнула *иво* объ зимь—и разбила. Шлеть ана апять за калдунь*ию*. „Ну, бабушка, вѣрить ни хачу, што-пъ наша царевна ни была жыва: ни дарамъ маё серца изныла". Бапка бросила на бабы и гаварить: „Такъ, матушка—царица, па бабамъ вижу, што ана жыва. Дай жа ты мнѣ типерича залатыи серьги, накалдую я *ихъ*, пайду и ушъ биспримѣнна пагублю *ие*". Царица дала ей залатыи серьги, та и пашла. Приходить къ хрустальнаму дварцу и проситца пирначивать. Царевна апять ни узнала *ие*, пустила къ сабѣ, накармила—напаила *ие*; а калдунья за ета падарила ей залатыи серьги и гаварить: „Надѣнь жа ты ихъ типерь". Воличка, какъ надѣла серьги, такъ и умирла. Прилитають братья—сокалы и видють, што Воличка ляжыть мертвая, долга плакали па ней, а даля паложыли *ие* у залатой гропъ и привѣсили у горницы къ паталку.

Вотъ узгустовалси царь па сваёмъ миламъ дѣтишшу. Паѣхалъ вонъ горя размыкать, па чужымъ зимлямъ. Ѣздилъ, ѣздилъ и пріѣхалъ у хрустальная царства. Братья—сокалы приняли *иво*, и ради были, што вонъ къ нимъ заѣхалъ. Тутъ царь и расказалъ *имъ* сваё горя а дочари, а ани расказали *иму* а смерти нявѣсты ме́ньшава брата. Вотъ царь и просить снять гропъ и паказать *иму* *ие*. Сняли гропъ—ана ляжыть какъ жывая. Какъ глянулъ царь, такъ и узналъ, што ета—*иво* дочь. Долга вонъ надъ

1) Изъ горла. 2) Грустно. 3) Непремѣнно.

нею плакалъ, а даля и гаварить: „Нада пахаранить *и*е па абряду христіянскаму: абмыть и зямли придать“. Стали абмувать *и*е, видють, што на ней дарагіи серьги; царь и гаварить: „Зачѣмъ жа у землю зарывать золата; аставимъ *и*хъ лутчи у сабе па памить абъ ней“. Сняли съ ней перваю сярьгу—ана павярнулась, сняли другую—ана савсѣмъ ажыла. Радасть была вяликая! Воличка расказала атцу, какъ мачиха хатѣла *и*е загубить. Пажывшы долгали—каратко у хрустальнамъ царствя, царь и просить усѣхъ къ сабѣ у гости—у *и*во царства. Сабрались усѣ и паѣхали. Пріѣхамчи дамой, царь зарасъ приказалъ вывисть исъ канюшни самава злова жырипца, привизать царицу и бапку къ иво хвасту и кости ихъ размыкать па чисту полю; а сами стали свадьбу играть. Атпирававшы свадьбу, царь далъ сваяму зятю палавину сва*и*во царства, и стали усѣ умѣстя жыть да пажывать.

4.

Три сестры (1).

У нѣкаимъ царствя, у нѣкаимъ гасударствя жыла сабѣ удава, у ней была три дочири. Вотъ расъ ани сидѣли долга вечирамъ и время праваждали, мишъ сабою разгаваривали. Бо́льшая систра и гаварить: „Кабы мине узялъ царскай поваръ, я пъ усигда пирётъ (2) царя кушанья кушала“. Сиреднія систра гаварить: „Кабы узялъ мине царскай хлѣбникъ, то я пъ усигда пирётъ царя хлѣпъ кушала“. „А кали пъ мине узялъ самъ царь, гаварить меньшая систра, то я пъ радила яму двухъ сыновъ такихъ красавцавъ, што ни у скаски сказать, ни пиромъ написать: на лбу сонца, на затылку мѣсяцъ, па бакамъ галавы звѣзды“. На ту пору случилось царю прахадить мима *и*хъ аконъ: вонъ и падслухалъ *и*хъ разгаворъ. На другой день царь призываить ихъ къ сабѣ и гаварить: „Раскажытя, ни убойтись, што вы прошлый вечиръ мишъ сабою гаварили?“ Ани признались и расказали царю а томъ, што гаварили. Царь приказалъ повару и хлѣбнику жанитца на старшыхъ сёстрахъ, а самъ узялъ ме́ньшаю. Ну, жывуть ани. Случилось царю атъѣхать атъ дому; царица и радила двухъ сыновъ: на лбу—сонца, на затылку—мѣсяцъ, а па бакамъ галавы звѣзды. Вотъ сёстры царицыны напрасили бапку, што пъ укрыла дитей, а на мѣста *и*хъ падлажыла двухъ шшанковъ. Бапка такъ и здѣлала. Пр*і*ижжаить царь, видить, што жана *и*во радила двухъ шшанковъ, апичалилси, и пасадилъ *и*е у манастырь. А бапка узила и зарыла дитей у навосъ. Ускорасти на етамъ навозя вырасли двѣ ябланки: на аднэй расли залатыи яблачки, а на другой—сиребринаи. Прихадили глядѣть на нихъ и цари, и книзья, и усѣ дивавались такому диву. Царь приказалъ вырать ети ябланки и пасадить у сибе падъ акномъ. Услышала а томъ бапка; узила вырала дитей изъ навозу, закубрила ихъ у бачонакъ и пустила на моря. А ябланки у царя падъ акномъ скора засохли. Долга бачонакъ плавалъ по морю, вотъ и прибила *и*во волнами къ беригу. Тутъ жыла старушка—валшебница. Ана нашла дитей и стала ихъ кармить и паить. Вотъ царю приснилси сонъ: бутта хто-та гаварить яму: „Иди къ морю, тамъ жыветь старушка—валшебница, у ней ты на́йдишъ сваихъ дитей“. Праснулси царь и паѣхалъ къ старушки; пріижжаить вонъ къ ней и пытаить: какіи есть у ней дѣти? Валшебница, расказала яму: какъ нашла ана *и*хъ на мори у бачонку и какъ бапка украла ихъ у матири и скрывала у навозя, и какъ надъ ними вырасли двѣ ябланки зъ залатыми и сиребриными яблачками. Царь

1) Сличи со сказкою № 1, Б. 2) Прежде.

папрасилъ старушку паказать яму дитей. Ана вялѣла имъ начинить два агурчика земчугамъ и принесть царю у падаракъ. Царь какъ увидилъ у нихъ на лбу сонца, на затылку мѣсяцъ и па бакамъ галавы звѣзды, такъ и узналъ, што ета—*и*во дѣти. Вонъ узялъ ихъ къ сабѣ, а царицу выпустилъ изъ манастыря, и сталъ съ ними жыть да пажывать. А систеръ царицыныхъ и бапку казнилъ.

5.

Дуракъ и кладъ (1).

Жылъ сабѣ мужыкъ да баба, у нихъ бы́ла три сына: двоя была умныхъ, а третій дуракъ. Вотъ мужыкъ зъ бабаю памёрли, сынавья и уздумали дялитца, а дялить-та, акрамя (2) ската, была нечига. Ну, и кажуть: „Какъ жа мы будимъ, братья, дялитца?“ А старшо́й братъ кажа: „Да вотъ какъ: загародимъ на дварѣ ворки (3), кажнай зли сибе; а какъ придя скотъ исъ стада, и у чей воракъ сколькя узайде, таму тѣмъ и уладать (4)“. Ну, такъ и такъ. Стали гарадить ворки. Умнаи братья гародють чиста—начиста: вѣтачки абрубають, а дуракъ гародя съ вѣтками и съ листьями. Ани изъ дурака и смяютца, што ёнъ падурацки гародя свой воракъ. Загарадили. Вотъ и гонють исъ стада скатину; ани успустили *и*е на дворъ, глидя: ана пряма павалилa у дураковъ воракъ абъидать листву (5). Умнаи братья видють, што плоха *и*хъ дѣла. Што тутъ дѣлать?—Вотъ утрамъ дуракъ атагналъ сваю скатину у поля, а самъ пришолъ двару. А братья нашли купца и на мѣстя прадали увесь дураковъ скотъ; деньги прамишъ сибе падялили, а дураку аставили аднаго быка—тритьичка (6). Вечирамъ дуракъ хватилси: идѣ дѣлси яго скотъ? Яму братья и кажуть: „А ты, дуракъ, нешта ни видалъ, што яго волкъ пагналъ?“ Дуракъ пабѣгалъ—пабѣгалъ, паискалъ—паискалъ свой скотъ, да такъ и асталси съ аднимъ бычкомъ-трить*и*чкомъ. Падумалъ—падумалъ ёнъ, да и таго павёлъ прадавать. Виде дуракъ яго чирязъ лѣсъ, а тамъ сидить падъ дубамъ сабака да и рычить на яго; а ёнъ успрашывая у ней: „Што, купить хочишъ? Купи, купи; я дёшава аддамъ“. А сабака на ниго и знай рычить. „Што, уступить? Уступлю, уступлю“. Та усё таки рычить. „Што, шкуру садрать? Изволь, здяду, здяру“. Хватилъ быка за хвостъ и садралъ съ ниго усю шкуру. Сабака стала лапами гресть землю и брихать на дурака. А ёнъ кажа: „Што, тутъ-та рыть деньги? Изволь, я самъ выраю“. Сабака бросилась мяса лопать, а дуракъ сталъ рыть подъ дубомъ. Рылъ, рылъ и выралъ клатъ. Сталъ брать дуракъ у приполъ (8)—ни забралъ. Прибѣхъ ёнъ къ брать*и*мъ. „Братья, а́ братья!“—„Ну што тамъ, дуракъ?“ —„Паѣдимтя клатъ брать! Быка прадалъ, сабѣ клатъ дасталъ“.—„Каму шъ ты быка прадалъ?“—„Падъ дубамъ сабака сидѣла, я ей быка прадалъ, а падъ нею клатъ дасталъ“. Братья спирва ни павѣрили дураку, а даля и кажуть: „Паѣдимъ хочь паглядимъ, што тамъ дуракъ меля“. Пріѣхали къ дубу, да какъ глянули—ажно (9) и узаправду (10) клатъ. Давай ани рыть, да лапатами золата насыпать. Насыпали верхамъ павоску и паѣхали двару. Пріѣхамчи сабирают-ца деньги дялить. „Какъ быть! Чѣмъ будимъ мѣрить?“ Вотъ пасылають ани дурака къ папу за мѣркай (11) и приказывають: Ты шъ ляди (12), ду-

---

1) Срв. Сказки Афанасьева, выпускъ V, №52 («Дуракъ и береза»—изд. 3-е подъ ред. Грузинскаго, т. II, № 225. *В. Р.*). 2) Кромѣ. 3) Ворокъ—мѣсто отгороженное на дворѣ для загона скота на день. 4) Владѣть. 5) Листья. 6) По третьему году. 7) Развѣ. 8) Въ полу. 9) Между тѣмъ. 10) Дѣйствительно, въ правду. 11) За четверикомъ. 12) Гляди.

ракъ, ни прабалтайси папу, зачѣмъ мѣрку бирешъ, а скажы, што рошъ мѣрить". Пришолъ дуракъ къ папу. „Бачка, (1) а бачка! дай намъ мѣрачки!"—„На што табѣ, свѣтъ?" „Да братья ни вялѣли казать, што деньги мѣрить, а вялѣли сказать, што рошъ мѣрить".—„Ну, вазьми". А пападья и кричить услѣтъ дураку: „Ляди шъ, дуракъ, и намъ хочь мѣрачку денихъ удяли!" Принёсъ дуракъ мѣрку да и кажа: „Братья, а братья! Пападья прасила, штопъ ей мѣрачку денихъ удялить".—„А ты, дуракъ, на што сказалъ, што мы будимъ деньги мѣрить?"—„Попъ успрасилъ мине: на што табѣ мѣрку? а я яму сказалъ: братья ни вялѣли казать, што деньги будимъ мѣрить, а вялѣли сказать, што мѣрить рошъ".—„Ахъ, ты, дуракъ, дуракъ! на што ты сказалъ? Падишъ стой на вартахъ, нирамно попъ придя, тады свисни". Братья стали дялить на три части деньги, а дуракъ пашолъ на каравулъ. Стаяль, стаялъ; вотъ идя попъ. Толькя што енъ падашолъ къ вартамъ, дуракъ какъ свисня яго дубинкая у лопъ! попъ толькя ношками задрыгалъ. Пришолъ дуракъ къ братьимъ и кажа: „Братья, а братья, я папа убилъ".—„Какъ, дуракъ, убилъ?"—„Вы шъ сказали мнѣ: нирамно придя попъ, тады свиснуть. Я свиснулъ яго, а ёнъ толькя ношками забрыкалъ".—„Ахъ, дуракъ, дуракъ, што шъ ета ты надѣлалъ!" Падумали, падумали умнаи братья да и спрятали папа у погрипъ. Пасылають дурака атнесть пападьи мѣрку, и приказывають: „Ляди шъ, дуракъ, ни кажы пападьи, што ты папа ухлопалъ!" Принесъ дуракъ мѣрку, а пападья и успрашывая у ниго: „А попъ скора придя?"—„Я яго, матушка, убилъ". „Какъ убилъ?"—„Да братья сказали: какъ попъ придя, тады свисни, и я яго какъ свиснулъ дубинкаю у лопъ, енъ толькя ношками забрыкалъ".—„Куды шъ вы яго дѣли!"—„Да у погрипъ спрятали". Пападья бросилась сабирать грамаду (2); а дуракъ пришолъ къ братьимъ да и кажа: „Братья, а братья! Пападья успрасила у мине: идѣ попъ? а я сказалъ, што я яго убилъ, а вы у погрипъ спрятали".—„Ахъ, ты, дуракъ, дуракъ! Зачѣмъ ты сказалъ?" Братья видютъ, што дураку нильзя ничиго сказать, и кажуть: „Иди шъ ты, дуракъ, каравуль, а то грамада придя; а мы пакуля деньги будимъ прибирать". Дуракъ пашолъ на каравулъ, а братья вынули папа исъ погриба и спрятали яго на истабакъ (3); а сами зарѣзали казла и палажыли у погрипъ. Вотъ пришла пападья зъ грамадаю и кажа: „Ну, дуракъ, вяди: идѣ попъ?" Дуракъ павелъ *и*хъ къ погрибу. Пападья и пасылая яго у погрипъ даставать папа. Улѣсъ дуракъ у погрипъ, глядить—и самъ сабѣ ня вѣря: ляжыть ня попъ, а хто-та другой, и кричить исъ погриба: „Матушка, а матушка! Што твой бачка съ хвостикамъ?"—„Съ хвостикамъ, съ хвостикамъ! Што ты тамъ, дуракъ, мелишъ?"—„Матушка, а матушка! што твой бачка съ рошками?"—„Съ рошками, съ рошками! Што ты тамъ, дуракъ, мелишъ?"—„Матушка, а матушка! што твой бачка зъ бароткаю!"—„Зъ бароткаю, зъ бароткаю! Што ты тамъ дуракъ мелишъ? Ташшы яго суды". Дуракъ вытащилъ изъ погриба казла. Грамада пасміялась, пасміялась да и разашлась. Папа ни атыскали; а дуракъ зъ братьими сталъ жыть да пажывать.—Вотъ вамъ басни канецъ, а мнѣ денихъ карецъ. Вотъ вамъ масла гаршокъ, а мнѣ денихъ мишокъ.

6.

Коза—дериза *).

Жыли сабѣ дѣтъ ды бапка; у нихъ бы́ла два сына ды дочь. Вотъ дѣтъ и пасылая старшо́га сына стиречь косъ у поля, и приказывая яму:

1) Батюшка. 2) Общество, міръ. 3) Чердакъ.

*) Срв. сказки Афанасьева, вып. I, № 1, с (=изд. Грузинскаго, т. I. № 3; срв. еще т. I № 28. *В. Р.*).

„Гляди ты, накарми, напой *ихъ*, и тады двару пригани". Ну, ёнъ и пагналъ косъ. Стирёхъ, стирёхъ,—сонца на закатя,—и гоня *ихъ* двару. Гоня двару, а дѣтъ атварилъ варта, сустричая ([1]) и кажа: „Козушки, батюшки, пили ли вы, ѣли ли вы?"— „Хазяинушка, нашъ батюшка, мы ня пили, мы ня ѣли; бѣгли чиризъ лисочикъ—хватили кленовъ листочикъ, бѣгли чирязъ гребилькю ([2])—хватили вады капилькю; толькя пили, толькя ѣли". Вотъ дѣтъ и убилъ старшага сына. На другой день—„гани ты, другой сынъ". И другой сынъ пагналъ, и ишшо боля ([3]) учирашнига накармилъ и напаилъ *ихъ*. Стала сонца на закатя,—ёнъ и гоня стада двару, а дѣтъ ипять уваротъ стричая и успрашывая: „Козушки, батюшки, пили ли вы, ѣли ли вы?" —„Хазяинушка, нашъ батюшка, мы ня пили, мы ня ѣли: бѣгли чиризъ лисочикъ—хватили клёнавай листочикъ, бѣгли чирязъ гребилькю—хватили вады капилькю; толькя пили, толькя ѣли". Вотъ дѣтъ и другога сына убилъ. „Гани ты, дочь, косъ у поля!" Ну, пагнала *ихъ* и дочь. Кармила—кармила, паила—паила ишшо лутчи, и гоня *ихъ* двару, а дѣтъ стричая у варотъ и успрашывая: „Козушки, батюшки, пили ли вы, ѣли ли вы?" —„Хазяинушка, нашъ батюшка, мы ня пили, мы ня ѣли: бѣгли чиризъ лисочикъ—хватили клёнавай листочикъ, бѣгли чирязъ гребилькю—хватили вады капилькю; толькя пили, толькя ѣли". Тутъ дѣтъ и дочь убилъ. Вотъ гоня дѣтъ стиречь ихъ самъ. Кармилъ—кармилъ, паилъ—паилъ. Стала сонца на закатя—и гоня ихъ двару, а самъ забѣхъ упирётъ и у варотъ успрашывая у нихъ: „Козушки, батюшки, пили ли вы, ѣли ли вы?" —„Хазяинушка, нашъ батюшка, мы ня пили, мы ня ѣли: бѣгли чиризъ лисочикъ—хватили клёнавай листочикъ, бѣгли чирязъ гребилькю—хватитили вады капилькю; толькя пили, толькя ѣли". Тутъ дѣтъ на нихъ асирчалъ, ды и давай усѣхъ бить ды лупить. Билъ—билъ, лупилъ—лупилъ, толькя сталъ паслѣднію казу лупить: уваткнулъ ей у бокъ ножыкъ, а ножыкъ и изламись на ту пору,—ана и была такава—ушла. Ни далечка ([4]) тутъ жыла у вызбушки старушка,—сама ана пашла поваду, а избушку сваю ни затварила,—каза и ускачи туды—и затварилась тамъ. Приходя старушка: стукъ, стукъ! „Хто у маей хатки сидить?"—„Я каза—дириза, за капу ([5]) куплина, по́лъ—бака луплина... тапу́-тапу́ нагами, скалю тибе рагами, съѣмъ тибе зубами, ношками затапчу, хвостикамъ замяту". Бапка испужалася; сѣла на завалинку ды и плача. Идя салдатъ. „Што ты, бапка, плачишъ?"—„Какъ жа мнѣ, батюшка служывай, ни плакать: у маей хатки што-та страшная сидить". „Хаи ([6]), я выганю".—„Охъ, мой радимай, ня выганишъ". „Нѣтъ, бабушка, выганю". Вотъ и пришли: Стукъ, стукъ! „Хто у бабкиной хатки сидить?"—„Я каза—дириза, за копу куплина, по́лъ-бака луплина... тапу—тапу нагами, скалю тибе рагами, съѣмъ тибе зубами, ношками затапчу, хвостикамъ замяту".—„Нѣтъ, бабушка, баюсь: што-та страшная тамъ сидить". И ушолъ салдатъ. Бапка сѣла на завалинку и плача. Идя мядвѣть. „Чиго-ты, бабушка, плачишъ?"—„Какъ жа мнѣ, мядвѣдюшка, мой батюшка, ни плакать: у маей хатки што-та страшная сидить". „Хаи, бабушка, я выганю".—„Куды табѣ выгнать: тутъ салдатъ прихадилъ, и тотъ ня выгналъ".—„Ничиго, бабушка, хаи, выганю". Пришли: стукъ, стукъ! „Хто тамъ у бапкинай хатки сидить?"—„Я каза—дириза, за копу куплина, по́лъ-бака луплина... тапу—тапу нагами, скалю тибе рагами, съѣмъ тибе зубами, ношками затапчу, хвостикамъ замяту". „Нѣтъ, бабушка, баюсь: тутъ што-та страшная сидить". И ушолъ мядвѣть. Сидить бапка и ипять плачить. Вотъ идя волкъ. „Чиго ты, бабушка, плачишъ?"—

1) Встрѣчаетъ. 2) Чрезъ плотину. 3) Болѣе. 4) Недалеко. 5) За полтину. 6) Пойдемъ.

„Какъ жа мнѣ, волчушка, мой батюшка, ни плакать: у маей хатки што-та страшная сидить“. „Хаи, я выганю“.—„Куды табѣ выгнать: тутъ салдатъ прихадилъ да ня выгналъ, мядвѣть прихадилъ да ня выгналъ“.—„Ничиго, бабушка, хаи, выганю“. Пришли: стукъ, стукъ! „Хто у бапкинай хатки сидить?“—„Я каза—дириза, за капу куплина, по́лъ-бака луплина... тапу—тапу нагами, скалю тибе рагами, съѣмъ тибе зубами, ношками затапчу, хвостикамъ замяту“.—„Нѣтъ, бабушка, баюсь: тамъ што-та страшная сидить“. Вотъ старуха ипять сидить и плача. Бягить лисичка. „Чиго ты, бабушка, плачишъ?“—„Какъ жа мнѣ, лисичка, ни плакать: у маей хатки што-та страшная сидить“. „Хаи, я выганю“.—„Идѣ табѣ выгнать: ущъ салдатъ прихадилъ—да ня выгналъ, мядвѣть прихадилъ—да ня выгналъ, волкъ прихадилъ—да ня выгналъ“.—„Ничиго, бабушка, хаи, выганю“. Приходють: стукъ, стукъ! „Хто тамъ у бапкинай хатки сидить?“—„Я каза—дириза, за капу куплина, полъ-бака луплина... тапу-тапу нагами, скалю тибе рагами, съѣмъ тибе зубами, ношками затапчу, хвостикамъ замяту“. „Нѣтъ, бабушка, баюсь: тамъ што-та страшная сидить“. Сидить ипять бапка и плача. Бягить зайчикъ: прыхъ—сихъ! (1) „Чиго ты, бабушка, плачишъ?„—„Какъ жа мнѣ, заюшка, ни плакать: у маей хатки што-та страшная сидить“. „Хаи, я выганю!“—„Статашная ли дѣла—табѣ выгнать: салдатъ прихадилъ—ды ня выгналъ, мядвѣть прихадилъ—ды ня выгналъ, волкъ прихадилъ—ды ня выгналъ, лисичка прихадила—ды ня выгнала“. „Хаи, бабушка, я выганю. Пришли: стукъ, стукъ! „Хто у бапкинай хатки сидить?“—„Я каза—дириза, за капу куплина, по́лъ-бака луплина.... тапу--тапу нагами, сколю тибе рагами, съѣмъ тибе зубами, ношками затапчу, хвостикамъ замяту“. „Нѣтъ, бабушка, баюсь: тутъ што-та страшная сидить“. И ушолъ. Бапка ипять сидить и плача. Вотъ палзе ракъ и лятить пчила, и успрашывають: „Чиго ты, бабушка, плачишъ?“—„Какъ жа мнѣ, маи радимаи, ни плакать: у маей хатки што-та страшная сидить“. „Хаи, мы выганимъ“.---„Ахъ ты, ракъ--биспятай, пчила--пачканица! идѣ вамъ выгнать: тутъ салдатъ прихадилъ--да ня выгналъ, мядвѣть прихадилъ--да ня выгналъ, волкъ прихадилъ--да ня выгналъ, лисичка прихадила--да ня выгнала, зайчикъ прихадилъ--да ня выгналъ“. „Ни рабѣй, бабушка, выганимъ“. Пришли: стукъ, стукъ! „Хто у бапкинай хатки сидить?“---„Я каза--дириза, за капу куплина, по́лъ-бака луплина... тапу--тапу нагами, скалю тибе рагами, съѣмъ тибе зубами, ношками затапчу, хвостикамъ замяту“. Тутъ ракъ падпалозъ (2) патъ дверь, а пчила улитѣла у вакно и упились ей: ракъ---у бокъ, а пчила у носъ; каза кричала---кричала да и выскачила вонъ. Бапка на радашшахъ (3) сабрала пиръ, ды и стала жыть ипять у сваей хатки.

7.

Коза [4]).

Пашолъ казёлъ за лыками,
Каза---за арихàми.
Пришолъ казелъ съ лыками,
Казы нѣтъ съ арѣхами.
Пастой жа ты, каза!
Нашлю на тибе валковъ.
Волки ни йдуть казы ѣсть,
Каза ни йде изъ лѣсу вонъ

1) Сихъ, междометіе отъ глагола: сига́ть—прыгать. 2) Подползъ. 3) На радости. 4) Срв. Сказки Аѳанасьева, вы. II, стр. 130—131 (—изд. Грузинскаго, т. I №1, а. *В. Р*). и вып. IV, стр. 49—41.

И арѣхавъ ни нисе.
Пастойтя шъ вы, волки!
Нашлю на васъ людей.
Люди ни йдуть валковъ бить,
Волки ни йдуть казы ѣсть,
Каза ни йде изъ лѣсу вонъ
И арѣхавъ ни нисе.
Пастойтя шъ вы, люди!
Нашлю на васъ агонь.
Агонь ни йде людей жечь,
Люди ни йдуть валковъ бить,
Волки ни йдуть казы ѣсть,
Каза ни йдеть изъ лѣсу вонъ
И арѣхавъ ни нисе.
Пастой жа ты, агонь!
Нашлю на тибе воду.
Вада ни йде агонь лить,
Агонь ни йде людей жечь,
Люди ни йдуть валковъ бить,
Волки ни йдуть казы ѣсть,
Каза ни йде изъ лѣсу вонъ
И арѣхавъ ни нисе.
Пастой жа ты, вада!
Нашлю на тибе валовъ.
Валы ни йдуть вады пить,
Вада ни йде агонь лить,
Агонь ни йде людей жечь,
Люди ни йдуть валковъ бить,
Волки ни йдуть казы ѣсть,
Каза ни йде изъ лѣсу вонъ
И арѣхавъ ни нисе.
Пастойтя шъ вы, валы!
Нашлю на васъ далбней.
Долбни ни йдуть валовъ бить,
Валы ни йдуть вады пить,
Вада ни йде агонь лить,
Агонь ни йде людей жечь,
Люди ни йдуть валковъ бить,
Волки ни йдуть казы ѣсть,
Каза ни йде изъ лѣсу вонъ
И арѣхавъ ни нисе.
Пастойтя шъ вы, далбни!
Нашлю на васъ чирвей.
Черви ни йдуть долбни тачить,
Долбни ни йдуть валовъ бить,
Валы ни йдуть вады пить,
Вада ни йде агонь лить,
Агонь ни йде людей жечь,
Люди ни йдуть валковъ бить,
Волки ни йдуть казы ѣсть,
Каза ни йде изъ лѣсу вонъ
И арѣхавъ ни нисе.
Пастойтя шъ вы, черви!
Нашлю на васъ курей.

Куры пашли чирвей клювать,
Черви пашли долбни тачить,
Долбни пашли валовъ бить,
Валы пашли воду пить,
Вада пашла агонь лить,
Агонь пашолъ людей жечь,
Люди пашли валковъ бить,
Волки пашли казу ѣсть,
Каза пашла изъ лѣсу вонъ
И арѣхавъ принисла.

8.

Чувилька.

Тахъ-та жыли сабѣ казёлъ да баранъ, у нихъ была дочка Чувилькя. Вотъ пашли казёлъ зъ баранамъ у поля рабатàть, а дочку Чувилькю пасадили на яблaнку. „Сидишъ ты, дочка Чувилькя, на яблaнки, да ляди: кали придя вѣдьма, ни давай ей изъ ручки у ручку яблачка, а кали дашъ, ана тибе съѣсть". Пришла вѣдьма. „Чувилькя, Чувилькя, дай мнѣ яблачка". Чувилькя бросила ей яблачка. „У, да ета ни харашо; ты дай мнѣ харошая". Та ей ишшо бросила яблачка. „Ета чарвивая; ты дай мнѣ изъ ручки у ручку яблачка". Чувилькя и падалà ей изъ ручки у ручку яблачка. Вѣдьма хватила *ие* за руку и унисла. Вотъ ана и кричить: „А—бе, казёлъ, а—бе, баранъ, мине вѣдьма нисе за крутыи горы, за тёмнаи лиса, за пишшанаи бирига!" (1) А казёлъ и баранъ ня слышуть. Чувилькя ипять кричить: „А—бе, казёлъ, а—бе, баранъ, мине вѣдьма нисе за крутыи горы, за темнаи лиса, за пишшанаи бирига!" Казёлъ зъ баранамъ услыхали, прибѣгли и атняли Чувилькю; накармили, напаили *ие*; пасадили на яблaнку и приказывають: „Ляди шъ ты, Чувилькя, ни давай вѣдьмы изъ ручки у ручку яблачка, а то ана тибе съѣсть". Пришла вѣдьма ипять, и давай упрашывать Чувилькю: „Таки дай, Чувилькя, таки дай изъ ручки у ручку яблачка". Упрасила, умалила, и та падалà ей изъ ручки у ручку яблачка. Вѣдьма схватила *ие* за руку и унисла. Вотъ Чувилькя и кричить: „А—бе, казёлъ, а—бе, баранъ! мине вѣдьма нисе за крутыи горы, за тёмнаи лиса, за пишшанаи бирига". А казёлъ и баранъ ня слышуть. Чувилькя ипять кричить: „А—бе, казёлъ, а—бе, баранъ! мине вѣдьма нисе за крутыи горы, за тёмнаи лиса, за пишшанаи бирига". Казёлъ зъ баранамъ услыхали, прибѣгли и атняли у другой расъ Чувилькю; накармили, напаили *ие*, пасадили на яблaнку и приказывають: „Ляди шъ ты, Чувилькя, типеря ни давай вѣдьмы изъ ручки у ручку яблачка, а то мы пайдемъ даля (2) на работу и ни услышымъ, какъ ты будишъ кричать". Вотъ пришла вѣдьма и ипять упрасила и умалила Чувилькю дать ей изъ ручки у ручку яблачка. Вѣдьма сватила *ие* и унисла. Чувилькя какъ ни кричала, казёлъ ды баранъ ни слыхали. А вѣдьма принисла *ие* двару, аддала дочки Алёнки и вялѣла ижжарить. Алёнка искупала *ие*, надѣла на нie бѣлинькiю рубашку и ижжарила. Сашлись гости къ вѣдьмы и съѣли Чувилькю. А казёлъ и баранъ пришли двару, паискали—паискали Чувильки и ни нашли; паплакали—паплакали, ды такъ и астались жыть адни.

9.

Кочетокъ и курочка (3).

Жылъ сабѣ дѣдушка ды бабушка; у дѣдушки былъ качитокъ, а у бабушки курачка. Пашолъ качитокъ у лисокъ аряшкú ирвать, а курачка за

1) Вопль Чувильки говорится на распѣвъ. 2) Дальше. 3) Срв. Ск. Афанасьева, изд. Грузинскаго, т. I, № 33 *В. Р.*

нимъ. Качитокъ узлятѣлъ на ляшшынку, а курачка нѣтъ. Качитокъ ѣсть аряшкй, а курачка нѣтъ. Ана и прося: „Качитокъ, качитокъ, брось мнѣ аришокъ!“ Качитокъ бросилъ аришо́къ, ды папалъ курачки у глазокъ. Курачка пашла двару да и плача. На стрѣчу ей дѣтъ идя. „Курачка, курачка, чиго ты плачишъ?“—„Какъ жа мнѣ ни плакать: мнѣ качитокъ выбилъ глазокъ“. Пайдемъ мы къ качатку. „Качитокъ, качитокъ, на што ты курачки выбилъ глазокъ?“—„Да мнѣ ляшшына рубаху парвала“.—„Пайдемъ мы къ тэй ляшшынки. Ляшшынка, ляшшынка, на што ты качатку рубашку парвала?“—„Да мине каза агладала“.—„Пайдемъ мы къ тэй казы. Каза, каза, на што ты ляшшынку агладала?“—„Мине пастухъ ни стирёхъ“.—„Пайдемъ мы къ таму пастуху. Пастухъ, пастухъ, атчиго ты казы ни стирёхъ?“—„Мнѣ бапка липешки ни спикла“.—„Пайдемъ мы къ тэй бапки. Бапка, бапка, атчиго ты пастуху липешки ни спикла?“—„У мине волкъ парсёнка унёсъ?“—„Пайдемъ мы къ таму волку. Волкъ, волкъ, зачѣмъ ты у бапки парсенка унесъ?“—„Да я нынча ня ѣлъ: мнѣ ѣсть захатѣлась“.

10.

Курочка (1).

Жылъ сабѣ дѣдушка ды бабушка, у нихъ была курачка рябинькія, снисла яичка краснинькія. Пасадили ани яичка у пе́чку на дро́бничку (2). Мышка сигнула, хвостикамъ разбила, наскомъ выпаласкала. Тынъ (3) ускалыхалси, сарока перья падрала (4), баранъ испужалси—рага пазбилъ. Дѣвка папова ишла поваду, видя, што баранъ рага сабѣ бье—давай вёдры бить, валаса́ рвать. Увидилъ попъ и бягить: „Што ты, дура, дѣлаишъ: зачѣмъ вёдры бьешъ и валаса рвешъ?“—„Охъ, батюшка! кабы ты зналъ, ты пъ сабѣ плѣшь малаткомъ разбилъ“.—„А што тамъ такоя?“—„Да во што: Жылъ сабѣ дѣдушка да бабушка; у нихъ была курачка рябинькія,—снисла яичка краснинькія. Пасадили ани яичка у печку на дробничку. Мышка сигнула, хвостикамъ разбила, наскомъ выпаласкала. Тынъ ускалыхалси, сарока перья падрала, баранъ испужалси—рага пасбилъ; а я вёдры бью, валаса́ рву“. Попъ давай сабѣ плѣшь малаткомъ бить. Пападья мясила тѣста у дяжы (5), увидила, што попъ плѣшь малаткомъ бье, бягить и кричить: „Што ты, попъ, дѣлаишъ: зачѣмъ плешь малаткомъ бьешъ?“—„Ахъ, пападья! кабы ты знала горя, ты пъ тѣстамъ хату вымазала“.—„А што тамъ такоя?“ —„Да во што: Жылъ сабѣ дѣдушка да бабушка; у нихъ была курачка рябинькія,—снисла яичка краснинькія. Пасадили ани яичка у печку на дро́бничку. Мышка сигнула, хвостикамъ разбила, наскомъ выпаласкала. Тынъ ускалыхалси, сарока перья падрала, баранъ испужалси, рага пазбилъ, дѣвка наша ведры пабила и валаса выдрала, а я плѣшь малаткомъ бью“. Пападья и ну тѣстамъ хату мазать. Идя дьичокъ. „Што ты, матушка, дѣлаишъ?“—„Кабы ты зналъ горя, ты пъ усѣ книги парвалъ и свѣчи паламалъ“. „А што тамъ такоя?“—„Да во што: Жылъ сабѣ дѣдушка да бабушка; у нихъ была курачка рябинькія,—снисла яичка краснинькія. Пасадили ани яичка у печку на дро́бничку. Мышка сигнула, хвостикамъ разбила, наскомъ выпаласкала. Тынъ ускалыхалси, сарока перья падрала, баранъ испужалси—рага пазбилъ, дѣвка наша вёдры пабила, валаса выдрала, попъ плѣшъ малаткомъ разбилъ, а я тѣстамъ хату мажу“. Дьичокъ прибѣхъ у церкву, давай книги рвать и свѣчи ламать. Увидилъ панамарь. „Што ты, дьичокъ, дѣлаишъ?“—„Кабы ты зналъ горя, ты пъ у набатъ ударилъ калкала пъ пабилъ“.—„А што тамъ такоя?“—„Да во што: Жылъ сабѣ дѣдуш-

1) Срв. Сказ. Аѳанасьева, IV, № 28 (=изд. Грузинскаго, I, № 35, а. *В. Р.*). 2) Мелкія сухія вѣтки. 3) Плетень. 4) Т. е. ободрала. 5) Въ квашнѣ.

ка да бабушка; у нихъ была курачка рябинькія,--снисла яичка краснинькія. Пасадили ани яичка у печку на дро́бничку. Мышка сигнула, хвостикамъ разбила, наскомъ выпаласкала. Тынъ ускалыхалси, сарока перья падрала, баранъ испужалси--рага пазбилъ, дѣвка папова ведры пабила, валаса́ павыдрала, попъ плѣшь малаткомъ разбилъ, пападья тѣстамъ хату вымазала, а я книги рву и свѣчи ламаю". Панамарь узлѣсъ на калакольню, и ну званить унабатъ, калкала бить. Збѣхси народушка.—„Чиго ты, панамарь, у набатъ звонишъ, калкала бьешъ?"—„Кабы вы знали горя, такъ вы пъ сами сибе пабили".--„А што тамъ такоя?"--„Да во што: Жылъ сабѣ дѣдушка да бабушка; у нихъ была курачка рябинькія,---снисла яичка краснинькія. Пасадили ани яичка у печку на дро́бничку. Мышка сигнула, хвостикамъ разбила, наскомъ выпаласкала. Тынъ ускалыхалси, сарока перья падрала, баранъ испужалси--рага пазбилъ, дѣвка папова ведры пабила, валаса павыдрала, попъ малаткомъ плѣшь разбилъ, пападья тѣстамъ хату вымазала, дьичокъ книги парвалъ и свѣчи паламалъ, а я унабатъ званю и калкала бью". Народушка какъ начилъ дратца ды битца—и адинъ другога пабили.

11.

Катериночка.

Жылъ сабѣ жылецъ, на кустику дварецъ, на пячи изба, на калу варта; семь у ниго авецъ, васьмой жырбецъ, дивятая сучка, дисятая дочка Катяриначка. Пришолъ волкъ: стукъ! абъ угалъ и кажа: „Жылъ жылецъ, на кустику дварецъ, на печи изба, на калу варта; семь у ниго авецъ, васьмой жырбецъ, дивятая сучка, дисятая дочка Катяриначка! дай авечку, а ня то я тибе съѣмъ". Вотъ ёнъ и далъ яму авечку. На другой день приходя волкъ ипять: стукъ абъ угалъ и кажа: „Жылъ жылецъ, на кустику дварецъ, на пячи изба, на калу варта; семъ у ниго авецъ, васьмой жырбецъ, дивятая сучка, дисятая дочка Катяриначка! дай авечку, а ня то я тибе съѣмъ". Такъ волкъ пиртаскалъ усѣхъ авецъ, жырипца и сучку, дашло дѣла да Катяриначки. Ну, аддали яму и Катяриначку. Катяриначкута волкъ пажалѣлъ—ня съѣлъ, а уташшылъ *и*е у лѣсъ и пасадилъ у прибальшую—бальшую яму. Вотъ и жыветь тамъ Катяриначка умѣстя съ волкамъ. Пайде волкъ у лѣсъ,—нанисе ей и птицъ и звирей; ана наваря, нажаря, ды сядуть умѣстя и на*и*дятца. Волкъ ляжа спать да и скажа: „Катяринушка, паишшы мине!" Вотъ ана сядя яго искать, а сама шорстачку дёргая и вирёвачку суча, да и припивая: „Усѣ люди спя, и мядвѣди спя, толькя я адна ня сплю, волчью шорстачку пряду (1)". Волкъ и успрашывая: „Съ кѣмъ ты, Катяринушка, кажышъ?"—„Да съ табою, волчушка".—„Што шъ ты кажышъ?"—„Да я кажу: спи глазокъ, спи другой". А сама-та и глаза яму наводя. Такъ у другой и у третій расъ Катяриначка искала валка, пакуля виревачикъ насучила. Насучивши вирёвачикъ, узила адну, да и затягавая волка за шею. „Што ета ты, Катяринушка, дѣлаишъ?"—„Да я табѣ платокъ патъ шею падвязала".--„Што шъ ета больна мнѣ?"—„Ничиго: абайдетца—аптянитца". А сама и кажа: „Спи глазокъ, спи другой". И забаюкала яго. Волкъ заснулъ и захрапѣлъ. Тутъ ана узила и задушыла яго. А сама бросила другую виревку изъ ямы, зацапила за пень да и вылизла вонъ па ней. Пришла двару, атецъ абрадавалси ей, и сталъ съ нею жыть ды пажывать.

---

1) Приговорка Катериночки говорится на распѣвъ.

12.

Три брата.

Жыли—были три брата; у нихъ не была никакога хазяйства, акрамя кошки, лапаты и канца вирёвки. Вотъ стали ани дялитца; старшаму брату дасталась кошка, сиреднιму—лапата, а ме́ньшаму—канецъ вирёвки. Раздялились и разашлись у разнаи стораны. Старшай пришолъ у вадно сяло; тамъ жыли хахлы; у нихъ такая была крысатня ([1]), што Божа—упаси: чуть галовъ бабамъ ни атъ*и*дали. Увашелъ ёнъ у вадну избу и пустилъ сваю кошачку. Кошачка за́расъ бросилась туды, суды и давай лавить крысъ. Люди и ну прасить мужыка: Прадай да прадай намъ етава звирькя. Мужыкъ сталъ атказыватца: дискать ([2]) ета штука ни прадажна, ана мнѣ самаму дорга стоя. „Мы табѣ за ніе питьдисятъ рублевъ дадимъ, толькя прадай".—„Кали такъ, кажа мужыкъ, то вазьмитя". Узялъ мужыкъ деньги и пашолъ исъ сила. Хахлы успомнили, что забыли успрасить у мужыка, какъ звать звирькя,—давай даганять яго. „Батюшка, такой—сикой сухой—нимазананай, скажы, пажалуста, какъ звать звирькя?"—„Нѣтъ, ни скажу; а кали дадитя ишшо десить рублевъ, то скажу".—„Вотъ табѣ деньги, толькя скажы".—„Ну такъ знайтя, што звирькя завуть кошкаю". И пашолъ. Другой братъ также зашолъ у другоя сяло; и тамъ жыли хахлы; и ни умѣли ани какъ вѣить хлѣпъ, а па зёрнушку выбирали. Пришолъ, и кажа: „Примитя мине, и я съ вами буду выбирать хлѣпъ па зёрнушку; я съ васъ ничиго ни вазьму, толькя кармитя мине". Пришла пара абѣдать; усѣ идуть абѣдать, а мужыкъ атказалси: „я", кажа, „ни хачу ѣсть". Асталси адинъ, и давай лапатаю вѣить хлѣпъ. Пакуля хахлы пабѣдали, а ёнъ палавину хлѣба пирявѣилъ. Пришли хахлы и сами сабѣ ня вѣрють: какъ ета мужыкъ столькя наработалъ. „Скажы на миласть: какъ ета ты такъ многа наработалъ?"—Мужыкъ и кажа: „Да у мине есть такая до́стачка, ею я и работалъ".—„Издѣлай миласть, прадай намъ ету достачку!"—„Нѣтъ, ни прадамъ: ана мнѣ самаму дорга стоя".—„Што хочишъ вазьми, толькя прадай!"—„Ну, кали дадитя сто рублевъ, то прадамъ". Хахлы дали яму сто рублевъ; узялъ мужыкъ деньги и пашолъ. Вотъ хахлы услѣдъ за нимъ и бягуть. „Скажы, пажалуста, добрай чилэкъ: какъ тваю до́статчу завуть?" „Нѣтъ, ни скажу; кали дадитя ишшо дватцать рублевъ, то скажу".—„На табѣ деньги, толькя скажы".—„Ну, помнитя, што маю до́статку завуть лапатаю". Узялъ денишки и ушолъ.—А ме́ньшай братъ съ канцомъ вирёвки пришолъ къ мосту, и ну развивать вирёвку да пригаваривать: „Вью, развиваю, касыхъ чиртей выганяю". Чиртёнакъ и заслышъ, што мужыкъ пригаваривая; а у ниго была бапка касая. Выскачилъ изъ вады и кажа: „Падажди, мужыкъ, ни ваганай: я пабягу—бабушки скажу".—Юркнулъ у воду и кричить: „Бабушка, бабушка, тамъ на масту какой-та мужыкъ развивая вирёвку, а самъ пригаваривая: вью, развиваю, косыхъ чиртей выганяю".—Касая чиртовка дала унуку чугунку и кажа: „Кали ёнъ паткиня етатъ мечь ([3]) выша тваиго, то ёнъ правду кажа, а кали ты паткинишъ выша, то ёнъ бреша ([4]). „Чиртёнакъ выскачилъ изъ вады и кажа: „Бабушка сказала: кали ты паткинишъ выша маяго мечь, то правду ты кажышъ, а кали я паткину выша тва*и*го, то—ниправду".—„Ну, кажа мужыкъ, брасай ты пирешъ!" Чиртенакъ какъ бросилъ, такъ ёнъ чиса два туды и аттуда лятѣлъ. А мужыкъ узялъ мечь и цѣля пряма у мѣсицъ. „Што ты хочишъ

1) Множество крысъ. 2) Нарѣчіе, озн. чужую рѣчь. 3) Мячь. 4) Лжетъ.

дѣлать?“ успрашывая чиртёнакъ.--„Да я хачу убросить пряма вонъ у то-та круглинькія аконушка“.--„Нѣтъ, ушъ лутчи ты ни брасай, а то мечикъ прападе“. Бягить чиртенакъ къ бапки и кричить: „Бабушка, бабушка! Я бросилъ высако, а ёнъ хатѣлъ савсѣмъ забросить мечь на мѣсицъ“.—„Падишъ ты яму скажы: кали ёнъ крѣпша тваиго свисня, тады яму павѣрю“. Чиртёнакъ выскачилъ изъ вады и кажа: „Бабушка сказала: кали ты свиснишъ крѣпша маиго, тады ана табѣ павѣря“.--„Ну“, кажа мужыкъ, „свисти ты напирётъ“. Чиртенакъ какъ свиснулъ, такъ листья зъ дубовъ пасыпались, а даля и кажа: „Ну, типерь свисти ты, мужыкъ!“—„Ты, чиртёнакъ, надвинь шапку-та панижа, а то я какъ свисну, то тибе крѣпка аглушу“. Чиртёнакъ надвинулъ шапку на глаза, а мужыкъ какъ свисня яго дубинкаю у лопъ! тотъ и пакатилси. Бягить ёнъ къ бапки. „Бабушка, бабушка! я свиснулъ, альни (¹) зъ дубовъ листья пасыпались, а ёнъ свиснулъ--та́къ я и пакатилси“.—„Ну, типерь пади, скажы яму: кали ёнъ пирдагоня тибе, такъ таму и быть: нихай выганяя“. Выскачилъ чиртёнакъ и кажа: „Бабушка сказала: кали ты пирдагонишъ мине, тады хоть и выганяй“. А мужыкъ падмѣтилъ патъ кустомъ зайца и кажа: „Идѣ табѣ, акаянная сила, мине пирдагнать, вонъ патъ кустомъ ляжыть, ишшо у пиленачкахъ, мой ме́ньшай, братишка, и тотъ тибе пирдагоня. Ну, бяги!“ А самъ пужнулъ зайца исъ патъ куста“. Тотъ какъ тропнулъ (²)—и слѣтъ прастылъ, а чортъ асталси наза́дя. Бягить ёнъ къ бапки. „Бабушка, бабушка! Униго есть ме́ньшай братишка, ишшо у пилёнкахъ, и тотъ пирдагналъ мине“.—„Падишъ успраси у ниго: сколькя ёнъ вазьме за мине выкупу?“ Чиртёнакъ выскачилъ и успрашывая у мужыка: „Сколькя ты за бабушку вазмёшъ выкупу?“—„Да вотъ насыпъ мой шлыкъ (³) золатамъ, такъ и будя съ мине“. А самъ загадя выралъ яму, и прикрылъ *и*е драмкомъ, а даля прарѣзалъ дно у шлыку, паставилъ яго на яму. Чиртёнакъ нырнулъ у воду, сказалъ бапки, скольки мужыкъ требуя выкупу; жаль была ей раставатца зъ денишками, да дѣлать нечига, нада расплачиватца. Сталъ чиртёнакъ сыпать золата у шлыкъ: ушъ ёнъ сыпалъ, сыпалъ—насилу насыпалъ. И сталъ нашъ мужыкъ жыть ды пажывать.

13.

Иванушка (⁴)

Жыла сабѣ баба; у ней была двоя дитей: сыночикъ Иванушка и дочка̀ Донюшка. Расъ Иванушка пашолъ на́ токъ малатить, а Донюшка пашла паваду. Бире ана воду; вотъ приходя на калодись салдатъ и кажа ей: „Охъ, Доня, Доня, нищасная твая доля! пайдешъ замушъ, радишъ сына Ивашку, нихто къ табѣ у кумы ни пайде“.—„Ахъ, кармилицъ! пачомъ жа ты ета знаишъ?“—„Какъ жа мнѣ ни знать: я какъ глянулъ на тибе, такъ и узналъ“. Та такъ и завыла; бросила вёдры, бягить двару и галося. На устрѣчу ей бягить мать: „Што-ты, родимая, галосишъ?“—„Кармилица мая матушка! какъ жа мнѣ ни галасить; пришолъ ка мнѣ на калодись Бохъ—ня Бохъ, Царь—ни царь: лопъ яснай, зопъ краснай, кругомъ пугавками усожанъ, да и кажа: Доня, Доня, нищасная твая доля: пайдешъ

1) Даже. 2) Скоро побѣжалъ. 3) Войлочная шапка въ видѣ колпака. 4) Срв. Сказ. Аѳанас.; вып. II № 8 и V, № 5. (=изд. Грузин. II, № 227; I, № 44).

замушъ, радишъ сына Ивашку, нихто къ табѣ у кумы ни пайде". Мать такъ и завыла, какъ *ие* хто укусилъ, а Доня—сабѣ. Збѣхси наротъ, бягить и Иванушка съ току. „Што вы, што вы?" А мать яму и причитая: „Радимай мой сыночикъ Иванушка! какъ жа намъ ни плакать; адна у мине дочка есть, и та нищасная: пашла ана по ваду на калодись, а туды пришолъ Бохъ—ня Бохъ, царь—ни царь: лопъ яснай, зопъ краснай, увесь пугавками усожанъ, и кажа: Доня, Доня, нищасная твая доля: пайдешъ замушъ, радишъ сына Ивашку, нихто къ табѣ у кумы ни пайде". Сынъ слухалъ, слухалъ—плюнулъ, да и кажа: „Вижу, што мнѣ съ вами ни ужитца; пайду куды глаза глидя; кали найду дурѣй васъ, то вярнусь къ вамъ, а кали ни найду—толькя вы мине и видили". Ну, и пашолъ. Ишолъ, ишолъ; приходя у вадно сяло, глядить: мужыки привизали карову за рага и тянуть на хату. Ёнъ и успрашывая: „Што ета вы, добраи люди, дѣлаитя?" —„Ай ты ня видишъ, што на хатя вырасла трава? такъ вотъ мы и тошшымъ туды карову, штопъ ана траву паѣла".—„Ахъ, вы глупаи люди—ниразумнаи! Зачѣмъ жа вамъ туды карову ташшыть? Вы пъ скасили траву да и дали пъ каровы паѣсть".—„Ну, спасиба табѣ, добрай чилэкъ, што насъ научилъ". Иванушка махнулъ рукою и падумалъ: ишшо дурѣя сваихъ нашолъ! Пашолъ ёнъ даля ([1]); ишолъ, ишолъ; пришолъ у другоя сяло, видя: мужыки привизали лошадя за шею и тошшуть на церкву. „Што ета вы, рибята, дѣлаитя?" успрасилъ Иванушка. „Да вотъ бачка памѣръ, а лошадя атказалъ на церкву; мы и тошшымъ *ие* на церкву".—„Да вы пъ лутчи прадали *ие*, а деньги аддали у церкву".—„И то, рибята, правда. Спасиба табѣ, добрай чилэкъ, што ты насъ научилъ". Иванушка махнулъ рукою, и кажа: „Ишшо дурѣй сваихъ нашолъ. Пайду лутчи двару, съ сваими дураками вѣку дажывать". Пришолъ двару и кажа: „Здарова жыветя, матушка зъ донюшкаю! сколькя ни хадилъ я па Божьиму свѣту, а умнѣя васъ ни нашелъ".

Разсказы и анекдоты

1.

У ваднэй сямьи была нилюбимая нявѣска. Расъ прапала у нихъ карова: Вотъ свикровья ([2]) и пасылая нилюбимаю нявѣску ночью искать карову. Баба и пашла какъ будта искать каровы, а сама забралась у гаспоцкаю баню и падлѣзла патъ пирярѣсъ ([3]) спать. Вотъ у самаю полначь и слыша, што чартовка (наша мѣста свята!) усхадилася ражать. Долга ли —каратко радила ана чиртёнка; а чортъ и успрашывая у ней: „Каго шъ мы у бапки пазавемъ?" Ана и кажа: „Схади ты, тамъ за рякою у такомъ-та дварѣ жыве бапка и пазави *ие* къ намъ", Ну, лукавай и пашолъ. Пришолъ и стучитца у вакно. Выглинула бапка, ни сатварившы малитвы; ёнъ и кажа: „Пайдемъ, бабушка, са мною; тамъ на сялѣ радила женшина, нужна, сталабыть, рибёнка павить". Пашли. Лукавай и виде *ие* пряма чирязъ рѣку: идуть па вадѣ, а ня топнуть. Бапки и ниудамёкъ сатварить малитву. Пришли. Нужна шъ у чомъ искупать рибёнка и ражаницу. Акаянная и кажа чорту: „Иди у такой-та дворъ, тамъ есть читвярговай ([4]) квасъ, приняси ты етага квасу". Акаяннай такъ и здѣлалъ: принесъ квасу; искупали бисёнка и самае праклятаю, а квасъ лукавай ипять атнесъ назатъ ([5]).

1) Дальше. 2) Свекровь. 3) Кадка изъ перерѣзанной пополамъ бочки. 4) Другіе говорятъ вмѣсто «четверговый»—понедѣльничный. 5) Многіе простолюдины изъ предубѣжденія, что черти купаютъ дѣтей своихъ въ четверговомъ или понедѣльничномъ квасу, не дѣлаютъ въ эти дни квасу.

Вотъ нужна была аттянуть (1) у акаяннай малако. Ана пасылая нячистага принесть чужога рибенка. Нячистай павярнулси на аднэй ношки и утѣми шъ укралъ исъ патъ соннай матири рибёнка, а намѣста (вмѣсто) яго палажылъ куравешку (2). Нячистая стала давать яму сваю груть, рибенакъ паганай груди ..... (3) ни узялси. Вотъ ничистай узялъ и бросилъ яго къ мужыку у ясли. Праснулась мать, хвать за рибёнка, а ёнъ ляжыть мертвинькій. Стала быть, врахъ-та куравешку абаратилъ у рибёнка (4): а мать у тэй думки, што ана яго приспала (5). На ту пору пришолъ салдатъ къ ней на хватеру; видя, што баба убиваитца па сваёмъ дѣтишшу, и кажа: „А што, баба, дашъ? Я издѣлаю, што твой рибёнакъ будя жывъ".—„Батюшка служывай! што хочишъ вазьми, толькя дай мнѣ жывога рибёнка". Служба узялъ обаратня, палажылъ яго на парохъ и патребавалъ тапоръ. Баба крикнула: „Што ты, служба, съ ума спёрси (6) штолича!"—„Ничиго, баба, ни рабѣй! ляди, што я буду дѣлать". И хропъ (7) рибенка тапаромъ,—куравешка и рассыпалась. А даля и кажа: „Типеря, баба, иди за мною!" Привелъ ие на дворъ къ сусѣду; тамъ у яслихъ и нашли чуть жывинькига рибёнка.

А нячистая дала бапки два халста за хлопаты, и приказывая: „Ляди, бабушка, крой холсты, ды канцовъ ни даглидайси". Такъ и дѣлала павитуха, пакуля была жыва: кроила исъ халстовъ рубахи и усякаю усячину, а канцовъ никали ни даглидалась, и халсты были цѣлехуньки. Пирятъ смертью атдала ана халсты дочири и тошъ приказала: краить, да канцовъ ни даглядаватца. Дочь края готъ, края другой, а халсты цѣлы ды цѣлы. „Дай, кажа, пагляжу, будя ли имъ кали нибуть канецъ". Развярнула ана адинъ, развярнула и другой, а тамъ завёрнуты па виртяну, и на нихъ такъ сабѣ наматаны нитачки по. двя. Ета, стала быть, тѣ нитки, што нячистая сила выпридая спорину (8) у тѣхъ, хто патъ сериду брасая на гребню ни дапрядинаю намычку (9). Съ тѣхъ поръ и спарина у халстахъ прапала.

2.

Ишолъ салдатъ у пабывку (10); зашолъ у вадно сяло, проситца начивать у вадну хату, проситца у другую—нигдѣ ни пускають. Ёнъ даля ишшо стучитца у хату. Выходя старикъ. „Пустилъ бы я тибе, кармилицъ, да у насъ хатка адна, а маладица усхадилась ражать". Салдатъ и пашолъ атъ варотъ. Услышала маладица, што свёкаръ атказалъ салдату и гаварить: „Охъ, батюшка, кармилицъ! пусти яго пирначивать; можа ёнъ на руку лёгакъ: можа мине Бохъ прастить" (11). Старикъ паслухалси, вярнулъ салдата и пустилъ начивать. Па яго прихотъ, Бохъ далъ, радила и баба. Ну, етага служывага узяли у кумы. Пришолъ попъ зъ дьяканамъ, акстили (12) рибёнка, сѣли за столъ. Кумъ за сталомъ ражиницы палажылъ залатой и бапки залатой и папу за кстины далъ залатой. Попъ зъ дьяканамъ и дивютца: аткуда салдатъ столькя денихъ панабралъ. Вотъ попъ и кажа: „Ну, служба, какъ тахъ-та будишъ шшедра платить деньги, такъ и самаму нечига будя ѣсть".—„Э, батюшка, ничиго: маихъ денихъ и я ни

1) Отсосать. 2) Головню. 3) Сосать. 4) Многіе изъ простолюдиновъ, особенно женщины, имѣющія грудныхъ дѣтей, на этомъ основаніи не выбрасываютъ головней на дворъ, а стараются ихъ сожигать. 5) Сонная задавила. 6) Сошелъ. 7) Междометіе, выражающее нечаянность. 8) Спорkость. 9) Мычку. По суевѣрію простолюдиновъ, не должно бросать подъ среду на гребнѣ недопряденной мычки; отъ этого, по ихъ мнѣнію, пропадаетъ спорkость въ пряхѣ. Они говорятъ: середа выпрядаетъ спорину. 10) Въ домовой отпускъ. 11) Т. е. освободить отъ бремени. 12) Окрестили.

пражыву и унукамъ маимъ дастаницца". Попъ зъ дьяканамъ пирглянулись и ничиго ни сказали. Вотъ на третій день, паслѧ́ кстинъ, кумъ збираитца итить, а кума-та и кажа: „Батюшка! запрёхъ ба ты жырипца, да падвёсъ бы кума, хочь верстъ на соракъ".—„Эхъ ты, глупая баба! ай ты ни знаишъ, што жырбецъ-та няѣжжанай; ка́къ я яго запрягу? а другихъ лошадей дома нѣту". Служывай и пашолъ пишкомъ. Кума пасидить, пасидить, да и кажа: „Батюшка! ай запряги жырипца, да дагани кума; лутчи пъ падвесть яго; а то што-та серца маё трявожытца". Старикъ паслухалси, запрёхъ жырипца. Жырбецъ такъ и пашолъ, какъ вѣкъ ѣжжанай. То-та, стала быть, Божья-та дѣла: на аблику ([1]) Гуспоть вёлъ. Вы*и*халъ старикъ изъ двара; верстъ дисятакъ атъѣхалъ, а тамъ нада была ѣхать лискомъ. Толькя у*и*жжая у лисокъ-та, глять! а попъ зъ дьяканамъ ушъ ятрибу яму выпустили. Мужыкъ такъ и абмёръ. Што дѣлать? ни узатъ, ни упирётъ ня двигаитца. Попъ и кажа: „Ну, старичина, што шъ дѣлать, грѣхъ насъ папуталъ! малчи; вотъ нашли тритцать тысичь залатыми, да усѣ новинькіи, какъ зарасъ съ малаточка; папаламъ падѣлимъ, а яго пахаронимъ". Што тутъ дѣлать? Мужыкъ думалъ, думалъ, да и сагласилси, што пъ самаму толькя жывому убратца. Пахаранившы салдата, попъ и кажа: „Ты, старикъ, ступай упирётъ, а мы зъ дьяканамъ апасля паѣдимъ". Мужыкъ паѣхалъ упирётъ; да*и*жжая да сила, да и ударилси пряма къ церквя—и ну бить у набатъ. Народушка-та успалашылси: думалъ што—пажаръ. Видють, што пажару нѣтъ, прибигають къ церквя. Мужыкъ и кажа народу: „Міружка праваславнай! Нѣтъ боля у насъ ни папа, ни дьякана". Тѣ и успрашывають: „Какъ такъ?"—„Да вотъ такъ и такъ" и расказалъ усю правду. „А кали ня вѣритя, вотъ будить ѣхать попъ зъ дьяканамъ, такъ абышшытя, и залатыи у нихъ на́йдитя". Вотъ грамада паставила караулъ. Толькя попъ зъ дьяканамъ уѣхали у сяло, такъ и зграбастали ([2]) *и*хъ, и усѣ денишки нашли, какъ мужыкъ казалъ.

3.

А то тахъ-та ишшо: ишолъ салдатикъ у пабывку. Салдатъ-та былъ умнай: дяньжышшавъ нажылъ многа. Вотъ пришолъ ёнъ на сваю сторану, и ни дахадя верстъ тритцати да сваей деревни, асталси пагастить у сястры. Дня два пажылъ, аддахнулъ, да и кажа: „Типерь жа, сястрица, пайдемъ двару умѣстя!" А систра яму и гаварить: „Нѣтъ, братицъ, ты иди, а я дома паприбярусь, да гастинцавъ напяку, тады и приду". Вотъ салдатъ пришолъ двору, такъ какъ у сумирки, папрасилси бутта пирначивать, а самъ и ни признался никаму. Ну, и пустили яго начивать; павичерили, што Бохъ паслалъ; паслали яму пастель на лавки, патъ святыми ([3]). Памалилси салдатъ Богу, раздѣлси савсѣмъ, какъ лажытца спать, вынулъ исъ катомачки гаманокъ ([4]) и давай деньги шшытать, нарошна, штопъ сваи-та видили. А мать и кажа: „Охъ, служывай, батюшка! Идѣшъ ты столькя денихъ нажылъ?"—„Тетушка радимая! у службя ни бязъ нужды, ни бизъ барыша: сваю душу марилъ, да вотъ и денишку скапилъ. Приду двару—сваимъ памагу, сваихъ парадую". Да и улёхси спать. Ну, вястима, чилэкъ намарилси ([5]) зъ дароги, скора заснулъ крѣпкимъ сномъ. Мать и кажа сынавьямъ: „Вотъ, рибята, кабы салдата убрать, да денишки къ рукамъ прибрать—зажылипъ мы ни такъ". А дѣти и гаварять: „Чигошъ долга думать? нажомъ да и побаку". Вотъ старшо́й братъ узялъ ножыкъ и падашолъ къ салдату. Намирнулси ([6]) толькя нажомъ да и назатъ.

---

1) На обличеніе. 2) Схватили. 3) Подъ иконами. 4) Кошелекъ. 5) Утомился. 6) Поднялъ руку, угрожая ударомъ.

—„Нѣтъ, матушка, што-та руки ни паднимаютца". А мать выхватила у него изъ рукъ ножыкъ—да сама и распарола яму жывотъ. Акаяннай-та силёнъ! Вотъ прибрали ани яго, сирдешнага (1), а худобу (2) яго у печки сажгли, штопъ и знаку ни аставалась. На другой день приходя систра; паздаро́вкалась (3) са всѣми, и успрашывая: „А братицъ жа идѣ?"—„Какой братицъ?"—„Какъ, какой? да служывай; ёнъ учирася толькя атъ мине пашолъ". Ани такъ и ахнули! „Ну, нашъ грѣхъ, а яго рокъ".

4.

Былъ баринъ Ельникъ; гаваривали люди, што знался съ ничистаю силаю. Вотъ какъ ёнъ замёръ, стали хадить слухи, што яка бы па начамъ прихажывалъ ёнъ двару. Хто вѣрилъ, а хто нѣтъ. Расъ ночью адинъ мужыкъ ѣхалъ у свая сяло; глядить—на павоску ускачилъ Ельникъ и кажа: „Падвизи мине да дому". Мужыкъ арабѣлъ, аднака ударилъ па лошади и скарѣй павёсъ яго. Вёсъ, вёсъ, кочитъ и закричалъ „какареку"; Ельникъ и прапалъ. Ни жывъ—ни мёртвъ мужыкъ даѣхалъ да двара. Сталъ слазить съ павоски—глять: а калигавка (4) Ельникава лижыть у павоски. Стала—быть ёнъ патирялъ *ие*.

5.

У вадномъ сялѣ умирла такая баба, што жыла худыми дилами: каго испортя, каму люжбу (5) издѣлая,—баба-вѣдьма. Умирла и умирла—нечига а томъ казать. Тольки стали примичать люди, што ана кажнаю ночь приходя двару. Придя, бувалача, паразбудя дитей, памоя имъ голавы, причеша и уйде. Ни расъ и мушъ видалъ, што ана дѣлая. Пришолъ ёнъ къ папу и расказалъ яму а жанѣ. Попъ збилъ міръ, аткапали магилу—ана ляжыть ничкомъ у грабу. Попъ прачиталъ малитву и вялѣлъ забить ей у спину асинавай колъ. Съ тѣхъ поръ—какъ бабушки уходили: пирстала баба выхадить изъ магилы (6).

6.

Ишолъ русскай изъ за́рабатакъ (7) и шшолси съ цыганамъ. Вотъ и пашли ани умѣстя. Ишли, ишли и нашли на дароги жаринага гуся (8). Рускай и кажа: „Ну, цыганъ, какъ будимъ дялить гуся?"—„А какъ! сядимъ да съядимъ".—„Нѣтъ, цыганъ, такъ ни придетца: али ты бо́ля съѣшъ, али я; такъ и ни паладимъ; а лутчи вотъ какъ: ляжымъ спать, и каму лутчи сонъ приснитца, таму и ѣсть гуся".—„Такъ и такъ". Лягли спать. Рускай съ вечира долга ни спалъ, усе придумавалъ какой бы сонъ палутчи расказать цыгану, а даля заснулъ и праспалъ да утра. А цыганъ, какъ падмѣтилъ, што рускай спитъ, узялъ гуся да съѣлъ. Утрамъ цыганъ и успрашывая у рускага: „Ну, какой ты видилъ сонъ, рускай?"—„Я видилъ сонъ знатнай (9): бутта я былъ на небя и зъ багами абѣдалъ; ушъ чиго-чиго я тамъ ня ѣлъ!"—„Ага (10), такъ, такъ, и я бачивъ (11), какъ тибе

---

1) Жалкаго. 2) Имущество. 3) Поздоровалась. 4) Башмакъ, сдѣланный изъ какой либо матеріи для покойника. 5) Люжба—любовь, сдѣланная посредствомъ колдовства. 6) О хожденіи мертвыхъ существуетъ въ здѣшней мѣстности много разсказовъ, болѣе или менѣе подобныхъ послѣднему. 7) Изъ мѣста своихъ промысловъ. 8) Нѣкоторые замѣняютъ слово «гуся» словомъ «поросенка». 9) Хорошій. 10) Да. 11) Видѣлъ.

поштавали (1) тамъ, да и думаю, што ты сытъ, и гуся ни станишъ ѣсть,— узялъ да съѣлъ *и*го.

7.

Была время, што Бохъ хадилъ па зямли. Расъ идя Ёнъ, а хахолъ шъ чортамъ дярутца. Штопъ разнять *и*хъ, Бохъ узялъ снялъ съ хахла галаву и надѣлъ *и*е на чорта, а шъ чорта—на хахла. Съ тѣхъ поръ и пашли хахлы насить чортавы галавы (2).

8.

Адна баба тапила избу. На ету пору и упади съ печи палѣна; ана глядѣла—глядѣла, да ушъ какъ вариветъ ва всю правду. Збѣглась семья: „Што ты, што ты, матушка?“ успрашиваютъ у ней дѣти. „Што кабы я сваю Донюшку аддала замушъ, ана пъ радила сыночка Ивашачку, ёнъ тамъ та сидѣлъ ба, идѣ палѣна-та упала, вить ано пъ яго на смирть убила“.

9.

Два мужыка на паля пахали. Сѣли ани толькя абѣдать, патходютъ къ нимъ два хахла: „Хлибъ-да силь, добри люды!“—„Миласти просимъ хлѣба-соли кушать!“ сказали мужыки. Ни успѣли ани сказать, а хахлы разаслали полы и присѣли къ абѣду. Мужыки пирглянулась мишъ сибе (3), и кажутъ: „Ета мой гость, а ета мой“. И падялили гастей. А съ ними толькя и было што двѣ лошки: адна красная, а другая бѣлая. Вотъ адинъ мужыкъ схватилъ краснаю лошку, и кладе *и*е пиритъ сва*и*мъ гостимъ и кажа: „А я сваяму гостю краснаю ложачку палажу“. Другой выхватилъ у ниго краснаю лошку: „Нѣтъ“, кажа, „нихай мой гость будя ѣсть краснаю лошкаю; мой гость лутчи тва*и*го“.—„Нѣтъ, мой лутчи!“—„Да я тва*и*го гостя вотъ какъ“... и хлопъ яго по уху. „А я тваиго вотъ какъ!“... и тошъ далъ апляуху. А даля схватили *и*хъ за виски (4), таскали, таскали, насилу хахлы павырвались и ушли. Идуть и кажуть мишъ сибе: „Оце, яки добры люды! за насъ пассорылысь“.

10.

„Чи ты бачишъ, москаль, що я засалився?“ —„А што ты ѣлъ?“—„Маты яйца варыла, а я юшку (5) похлибавъ“.

11.

Чиризъ адно сяло ѣхалъ праѣжжай баринъ. Нужна *и*му была сапаги пачинить. Вотъ онъ и пасылаитъ кучира атыскать сапожника и аддать сапаги у пачинку. Кучиру и гаварять люди: „У насъ сапожника нѣтъ, а вотъ дьяканъ умѣитъ сапаги чинить“. Ну кучиръ и атнесъ *и*хъ къ дьякану. Дьяканъ чинилъ—ничинилъ сапаги, толькя испортилъ. Приходитъ кучиръ за сапагами и стучитъ у вакно. Дьяканъ какъ толькя замѣтилъ, што пришли за сапагами, узялъ да и спряталси, а дьяканицы приказалъ сказать,

1) Потчевали. 2) Вѣроятно, на основанiи этого анекдота утвердилось здѣсь бранное выраженiе на малороссiянъ: «Хохолъ, чортова на тебѣ голова». 3) Между собою. 4) За волосы. 5) Отваръ.

што иво дома нѣтъ, деньги шъ узять, а сапаги аддать. Та такъ и здѣлала. Кучиръ паглядѣлъ, што дьяканъ испаганилъ сапаги, смикнулъ, зачѣмъ онъ ни самъ атдалъ ихъ. „Жаль“, гаварить, „што атца дьякана нѣту дома, а я хатѣлъ прасить иво пачинить другіи сапаги“. Дьяканъ слышить, што кучиръ гаварить, жаль яму стала упустить работу, ня вытирпилъ, азвалси: „Изволь, любезнай, можна; съ нашимъ пачтеніемъ можна пачинить и другіи“.—„Пажалуйтя паближи, атецъ дьяканъ, патаргуимси“. Дьяканъ высунулси къ няму у вакно. Тотъ схватилъ иво за виски и давай валтузить (1); таскалъ, таскалъ—насилу дьяканъ вырвалси. Атскачилъ атъ акна и хвалитца: „Вотъ какъ, дьяканица, у насъ вырываютца!“.

12.

Вѣлъ хахолъ на ярманакъ лошать прадавать: привизалъ ие къ затку, а самъ лёхъ на павоски и ѣдить. Салдаты замѣтили, што хахолъ зиваить, атвизали атъ павоски лошадь, а къ ней привизали салдата. Хахолъ аглянулси назатъ, и видить, што вмѣста лошади привязанъ къ павоски салдатъ. „Чи—бачъ, москаль поганый! Чого тоби треба?“ Салдатъ и гаварить: „Ни дивись, хазяинъ: за грихи маи, Бохъ абаратилъ мине у каня; и вотъ вышалъ мнѣ срокъ. Онъ мине прастилъ, и я апять издѣлалси чилавѣкамъ“.—„Ну, и ступай соби, колы такъ!“—„Нѣтъ, гаспадинъ хазяинъ, ушъ ты заплати мнѣ, што нибуть, за то, што я служылъ табѣ“. Хахолъ пачисалъ затылакъ, вынулъ карбованицъ (2) и далъ салдату; тотъ и пашолъ. Пріѣхалъ хахолъ на ярманакъ, глядить: а конь иво стаить тамъ. „Бачь, бисивъ москаль, опять согришивъ!“.

13.

Адинъ мужыкъ зашолъ у трахтиръ, глядить: висить клѣтка съ канарейкію. Онъ и спрашиваить: „А што дарга́ ета птица?“--„Сто рублей“, гаварить трахтиршыкъ. „Знать-та ана укусна, што такъ дарга. Можна ие зажарить?“--„Можна.“--„Такъ зажарь, кали можна“. Трахтиршыкъ жжарилъ канарейкю и падаетъ мужыку. „Ну, атрѣшъ жа мнѣ на капѣйкю!“

14.

У вадномъ сялѣ стаялъ искадронъ салдатъ. Вотъ капитанъ и падмѣть у багатага мужыка большой стохъ сѣна. Разгарѣлись у барина зупки на чужоя дабро; давай онъ вымагать у мужыка прадать яму за бясцѣнакъ сѣна. Мужыкъ былъ стойкій: ни падаетца. Што тутъ дѣлать? А салдатъ и гаварить: „Прикажытя, ваша благародія, паставить мине къ мужыку на хватеру,—аддасть онъ намъ сѣна и дарамъ“. Сталъ салдатъ у мужыка на хватеря; стаить нядѣлю, другую—ничиво: усё мирна да ладна. А самъ и придумываить: какъ бы мужыка патцапить на удачку? Вотъ вазми онъ и пирвяжы струною у казы хвостъ. Та, какъ бѣшаная, бѣгаить по двару и кричить што есть мочи. Мужыкъ глядѣлъ, глядѣлъ—узялъ да и зарѣзалъ казу; и хочить свалочь ие зъ двора. А салдатъ и гаварить: „Зачѣмъ, хазяинъ, такоя дабро брасать дарамъ; кали вы ня будитя ѣсть, то нихай бабы сварють мнѣ казлятину: салдацкая душа прямая, усё примая“. Ну, и накармили службу. Наѣлси салдать казлятины и давай бѣгать и кружытца по двару. Далажыли капитану, што салдатъ узбясилси. Капитанъ и притянулъ мужыка: „Какъ ты смѣлъ казённава чилэка испортить?“--„Ба-

1) Бить, таскать. 2) Цѣлковый.

тюшка, пармилицъ, памилуй!“ молить иво мужыкъ, „што хочишъ вазьми, толькя ни дай прапасть“. Ну и расплатилси мужыкъ стогамъ сѣна.

15.

Былъ у насъ станавой, ни тѣмъ яго паминать: типерь ушъ ёнъ памёръ. Любилъ ёнъ больна денишку. Вотъ даслыхалси ёнъ, што у аднаго багатага мужыка была тысича рублёвъ денихъ, и давай придумывать, какъбы ихъ палажыть у свой карманъ. Ня долга ёнъ думалъ; смикалка ([1]) та у ниво была здаровая ([2]) на всѣ прадѣлки. Вялѣлъ ёнъ сваяму рассыльнаму, такому-шъ выжаги издѣлать чилавѣчью чучилу, замазать ие кровью и падбросить къ мужыку на гаротъ ([3]). А самъ ночью прiижжаить у то сяло и кричить: „Давайтя мнѣ хватеру!“—„Идѣ прикажытя, ваша благародья?“ успрашывая соцкай. „Ну, хочь у такога-та мужыка“. Привёлъ яго соцкай на хватеру, и мужыкъ пришолъ къ няму на паклонъ. Станавой и приказываить соцкаму узять у каго-нибуть сѣна зли яго лашадей. А хазяинъ и кажа: „Зачѣмъ-жа, ваша благародья, хадить далёка за сѣнамъ? мы сами ради служыть вашай миласти,—ни у первой вы у мине астанавливаитись: чѣмъ багаты, тѣмъ и ради“. Узялъ мужыкъ хванарь и пашолъ съ рассыльнымъ за сѣнамъ. Рассыльнай какъ толькя пришолъ у сарай, и хватилъ сѣна пряма у томъ мѣстя, идѣ лижала чучила—и закричалъ: „Ахъ, батюшки! тутъ мертвай ляжыть чилэкъ!“ Мужыкъ какъ глянулъ—такъ и абамлѣлъ. Што тутъ дѣлать?... Прибѣхъ у хату и бухъ станавому у ноги. „Батюшка, такой-сикой, стань за атца,—за матиря! Знать ни знаю и вѣдать ня вѣдаю, аткуля на мине такая напасть!“ Станавой закричалъ, залапѣлъ, вялѣлъ было грамаду збивать, а даля збилъ съ мужычка тысичку и паѣхалъ; и чучилу съ сабою узялъ. Да што казать! ни у вадномъ сялѣ пабывала ета чучула; пабралси станавой за нiе денихъ.

Прибаутки.

1.

Талку, талку макъ,
Пришолъ ка мнѣ дьякъ:
— Што, дѣвка, плачишъ?
— Какъ жа мнѣ ни плакать:
Мачиха лихая,
Ѣсть ни давая.
Дала бы́ла кнышъ ([4]),
Вырвала мышъ.
„ Идѣ шъ та мышъ?
— Патъ печку ушла.
„ Идѣ шъ та печка?
— Чикмари разбили.
„ Идѣ шъ тѣ чикмари?
— Черви патачили.
„ Идѣ шъ тѣ черви?
— Куры пакливали.
„ Идѣ шъ тѣ куры?

1) Способность смекать. 2) Большая. 3) Огородъ. 4) Лепешка съ загнутыми краями.

— Замаря улятѣли.
„ Идѣ шъ то моря?
— Горы завалили.
„ Идѣ шъ тѣ горы?
— Твитами (1) зарасли.
„ Идѣ шъ тѣ твяты?
— Дѣвки парвали.
„ Идѣ шъ тѣ дѣвки?
— Замушъ паддавали.
„ Идѣ шъ *ихъ* мужья?
— У службу пабрали.
„ Идѣ шъ та служба?
— На пячи у вӳгля (2).

2.

Ой люди, тарара!
На гарѣ стаитъ гара,
А на той гарѣ—лужокъ,
А на томъ лушку—дубокъ,
А на томъ дупку сидитъ
Воранъ въ красныхъ сапагахъ,
У зилёниньких сирьгахъ.
Чорнай воранъ на дубу,
Играитъ у трубу;
Труба точиная,
Пазалочиная.
Онъ утрамъ у трубу трубитъ,
А вечирамъ скаски гаваритъ.
Збигаютца звярки
Ворона паслушать,
Пряничка пакушать.

3.

Курачка риба,
Па правулачку брила.
Ня клюй писокъ,
Ни тупи насокъ!
Какъ выскачилъ халопъ
Изъ дварянскихъ варотъ.
Зачилъ курицу калоть,
Исъ курицы—руда,
Исъ пира—ядро,
Пакатилася ядро
Къ Матвѣю на сяло.
„Матвѣй гасударь,
Давяди мине дамой!
Мой домъ ни далеча:
Пасирётъ Масквы (3).
Тамъ сабачка на лычку

1) Цвѣтами. 2) См. Сказ. Аѳанас., IV выпускъ № 36, с. (=изд. Грузин. II № 251, с.). 3) Иные говорятъ вмѣсто: «Пасиретъ Масквы»—«За лызничкомъ за бирезничкомъ».

Павякавая,
А мядвѣть на чапи (1)
Парываитца,
А дуракъ (2) на пячи
Абуваитца,
Кошка у вакошкя
Ширинки (3) шье,
А блаха у парогя
У три наги бье;
У вошъ на акнѣ
Талакно талке,
А пруцакъ на стянѣ
Аснову снуе (4).

4.

Иванькя Корочинскай,
Зипунина коротинькяй,
Ёнъ бьетца—калотитца,
У варотъ увиваитца,
Сиратою называитца.
Енъ пуньки (5), закутки
Павычистилъ,
А двары мятлою смёлъ,
А хазяина за холку свёлъ,
Хозяйкію тынъ патпёръ,
А дѣтками тынъ заплёлъ.

5.

Пётръ Пятровичъ
Па празванію паповичъ
Пашолъ пагулять,
Паймалъ птичку
Пирпиличку.
Птичка пирпиличка
Пить пахатѣла,
По палю палитѣла,
Пала—припала,
Патъ пимичъ папала (6).

6.

„Другъ ты мой, Сидаръ Карпавичь, када ты умирать будишъ?".—У сериду, бабушка, у сериду, Пахомавна! „Друхъ ты мой, Сидаръ Карпавичь, идѣ шъ мы тибе харанить будимъ?"—За избою, бабушка, за избою, Пахомавна! „Друхъ ты мой, Сидаръ Карпавичь, чѣмъ-жа мы тибе паминать будимъ?"—Блинками, бабушка, блинками, Пахомавна! „Друхъ ты мой, Си-

---

1) На цѣпи. 2) Слово «Дуракъ» замѣняютъ также словами: «Мужикъ» или «Гаврюкъ». 3) Короткое полотенце. 4) См. сказ. Аѳанас., IV выпуска № 36, д. (=изд. Груз. II, № 251, д.). 5) Пунька—въ родѣ кладовой, изъ плетня. 6) См. сказ. Аѳанас., вып. IV № 36, п. (=изд. Груз. II. № 251, т.).

даръ Карпавичь! Идѣ-жъ мы блинковъ вазьмемъ?"—По міру, бабушка, по міру, Пахомавна! „Друхъ ты мой, Сидаръ Карпавичь! По міру сабаки лихи". —Съ палачкай, бабушка, съ палачкай, Пахомавна! „Друхъ ты мой, Сидаръ Карпавичь! Идѣ шъ мы палачку вазьмемъ?"—У лѣся, бабушка, у лѣся, Пахомавна! „Друхъ ты мой, Сидаръ Карпавичь! Да чѣмъ жа мы палачку вырѣжимъ?"—Ножычкамъ, бабушка, ножычкамъ, Пахомавна! „Друхъ ты мой, Сидаръ Карпавичь! Идѣ шъ мы ножычикъ вазьмемъ?"—У кузинки, бабушка, у кузинки, Пахомавна.—„Друхъ ты мой, Сидаръ Карпавичь! Идѣ шъ мы денихъ вазьмемъ на ножыкъ?"—У сундучкѣ, бабушка, у сундучкѣ, Пахомавна!

Дѣтскія пѣсенки.

1.

Тадаранъ, тадара́нъ!
Сѣла баба на баранъ,
Паѣхала па гарамъ;
Стрѣлися гости,
Саломиннаи кости:
„Стой, баба, ни бяги!
Падай нашы пираги,
Съ лукамъ съ перцамъ,
Съ казинымъ серцамъ.

2.

Тра-та-та̀, тра-та-та!
Вышла кошка за ката,
За ката, ката катовича,
За Ивана Пятровича.

3.

Бу́шки (1), баранъ!
Нихади па гарамъ,
Тамъ дѣвки жывуть,
Табѣ лопъ рашшыбуть.

4.

Смотря на огонь, дѣти приговариваютъ:

Гари, гари жарка!
Пріѣхалъ Захарка:
Самъ на кабылки,
Жана на каровки,
Дѣти на кошкахъ,
Усѣ у палсапошкахъ.

5.

Смотря на дождь, приговариваютъ:

а) Дошъ, дошъ припусти!

1) Междом., выражающее ударъ лобъ объ лобъ двухъ животныхъ.

А мы сядимъ патъ кусты
Богу малитца,
Христу пакланитца ([1]).

б) Дошъ, дошъ—пушша!
Дамъ табѣ гушшы
Цѣлаю кадушку.
Сверьху лягушку.

с) Дошъ, дошъ, пиристаны
Мы паѣдимъ ва Ризань
Богу малитца,
Христу пакланитца.

6.

Въ пасмурные дни дѣти кричатъ:

Солнушка, ядрушка,
Выглини, высвити!
Тваи дѣти плачуть,
Сыръ кулпають,
У масла умачають...
Кошкамъ—па лошкамъ,
Сабакамъ—па трошкамъ ([1]).

7.

Дѣти, выпрашивая другъ у друга какое либо лакомство, зажмуривъ глаза приговариваютъ:

Крива, крива ручка,
Стипанава сучка.
Хто дасть, тотъ панъ,
А хто ни дасть,
Тотъ чарвивай гласъ.

8.

Поставивъ перпендикулярно палку на указательный палецъ правой руки, приговариваютъ:

Калечина, малечина!
Сколькя часовъ да вечира?
Расъ, два, три и т. д.
(считають до тѣхъ поръ, пока палка упадетъ).

1) Варіантъ: Дожчичку, дожчичку!
Зварю тоби борщичку
Въ зеленому горщичку,
Поставлю на дубя.
Дубъ паваливсі.
Горщикъ розбився.
Тоби каша, мини борщь,
Щобъ бувъ большій дожчь.

2) Понемногу.

9.

Мать или няня беретъ ручки у ребенка, бьетъ ихъ ладонь въ ладонь и приговариваетъ:

Ладушки, ладушки!
Идѣ были?—У бабушки.
Што ѣли?—Кашку.
Што пили?—Брашку.
Кашку паѣли,
Брашку папили,
Бабушку прибили,
Сами палятѣли
За маря вады пить.
Шугу, шугу, шугу!
(При послѣднемъ восклицанiи поднимаютъ руки ребенка вверхъ).

10.

Кто либо изъ взрослыхъ водитъ по ладони дитяти указательнымъ пальцемъ и приговариваетъ:

Чи—чи! чи—чи! сарока!
Кашку варила,
На парохъ поскакала,
Гастей паглидавала ([1]).
Таму-та дала,
Таму-та дала;
(указывая на пальцы ребенка начиная съ большаго).
А таму-та ни дала:
(показывая на мизинецъ)
Онъ кашы ни варилъ,
Па вадицу ни хадилъ.
Тутъ—пень (кладя свою руку выше кисти руки дитяти),
Тутъ—калода (кладя руку на локтевомъ его сгибѣ),
А тутъ стюденая вадица!
(„шелохтя" дитя подъ мышкою).

11.

Когда дитя потягивается въ колыбели, мать или няня гладитъ ему животикъ, ручки, ножки и приговариваетъ:

„Патягушачки, ножачкамъ—хадушачки, ручичкамъ—рабатушачки, *и*зычку—гавару-

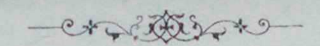
1) Варiантъ: Чи—чи! чи—чи!—сарока.
Идѣ была? Далёка:
Тамъ, тамъ на таку,
У зилёнамъ калпаку,
Кашу варила,
Дитей кармила.

шачки, Иванушки (или кому другому) растушачки“.

12.

Во время слѣдующей пѣсенки мать или кто-либо беретъ дѣтскую головку въ руки и дѣлаетъ видъ, какъ будто валяетъ тѣсто для хлѣбовъ, приговаривая:

„Пяку, пяку хлѣпчики.... старшаму, меньшаму—шухъ! у печку на лапатачки“.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Бумаги А. С. Машкина, вводная статья **В. И. Рѣзанова** . . . 1

СБОРНИКИ А. С. МАШКИНА:

I. **Сборникъ пословицъ и поговорокъ,** употребляемыхъ въ г. Обояни и его уѣздѣ 11
II. **Загадки,** записанныя въ г. Обояни и его уѣздѣ . . . 47
III. **Образцы простонародныхъ разговоровъ** г. Обояни и его уѣзда:

Разговоры горожанъ:

1. Двухъ шибаевъ на базарѣ 51
2. Двухъ, встрѣтившихся на улицѣ, женщинъ . . 52
3. Сосѣда съ сосѣдомъ, ... 53
4. Кумы съ кумою 55

Разговоры поселянъ:

1. Двухъ крестьянъ, встрѣтившихся на дворѣ волостного правленія 56
2. Антипа съ Серёгою 58
3. Двухъ женщинъ, встрѣтившихся на ярмаркѣ . 59
4. Мужчины съ женщиною 60
5. Разговоръ мѣщанина съ крестьяниномъ . . 62

IV. **Примѣты и предразсудки Обоянскихъ простолюдиновъ** . 65
V. **Сказки, разсказы, анекдоты, прибаутки и дѣтскія пѣсенки,** записанныя въ г. Обояни и его уѣздѣ:

Сказки:

1. Иванъ-царевичъ а) 74
б) 77
2. Лягушка 82
3. Олечка 87
4. Три сестры 92
5. Дуракъ и кладъ 93
6. Коза—дериза 94
7. Коза 96
8. Чувилька 98
9. Кочетокъ и курочка 98
10. Курочка 99
11. Катериночка 100
12. Три брата 101
13. Иванушка 102

Разсказы и анекдоты 103
Прибаутки 109
Дѣтскія пѣсенки 112

2011111330